

TEMPUS
ET
MEMORIA

TEMPUS ET MEMORIA

Журнал основан в 2006 г.
Выходит 2 раза в год

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19

Издатель: Издательство Уральского университета, 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС77-79281 от 02 октября 2020 г.

Входит в Перечень рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Журнал индексируется в БД: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Мы представляем единственный в России журнал, который специализируется на проблемах изучения социальной, исторической, культурной памяти и социальной темпоральности. В журнале печатаются статьи по философии, политологии и истории. Материалы представлены в рубриках по проблемам, разработка которых требует совместных усилий философов, историков и политологов. Редакционная политика «Tempus et Memoria» строится на принципах научного плюрализма: позиция авторов журнала не обязательно отражает точку зрения редколлегии. Редакция журнала стремится соответствовать строгим критериям научности, все материалы проходят двойное слепое рецензирование. К рецензированию и печати принимаются материалы на русском и английском языках. Особое внимание уделяется участию молодых перспективных исследователей — аспирантов или соискателей. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Е-mail: tempusetmemoria@urfu.ru

Сайт: tempusetmemoria.ru

Адрес редакции: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, к. 319, «Tempus et Memoria»

© Уральский федеральный университет, 2024

TEMPUS ET MEMORIA

The Journal was founded in 2006
Published two times per year

Founded by Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
19, Mira Str., 620002 Yekaterinburg, Russia

Publisher: Ural University Press
4, Turgenev Str., 620000 Yekaterinburg, Russia

The Journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media. Mass media registration certificate EL FS77-79281
as of October 02, 2020

The Journal is included in the State Commission for Academic Degrees and Titles (VAK) list
of leading peer-reviewed academic journals prescribed for the publication of research results
for scholars seeking advanced academic degrees.

The Journal is indexed in: Science Index (eLibrary)

The journal publishes articles on philosophy, history and political science. The materials are presented under the headings on problems, the development of which requires the joint efforts of philosophers, historical and political scientists. The editorial policy of “Tempus et Memoria” is based on the principles of scientific pluralism: the position of the authors of the journal does not necessarily reflect the point of view of the editorial board. The editors of the journal strive to meet strict criteria for scientificity, all materials undergo double-blind peer review. Materials in Russian and English are accepted for review and printing. Particular attention is paid to the participation of young promising researchers — graduate students or applicants. Publications in the journal are carried out on a non-commercial basis.

Email: tempusetmemoria@urfu.ru
tempusetmemoria.ru

Editorial Office Address: 51, room 319, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
Tempus et Memoria

© Ural Federal University, 2024

Главный редактор

О. В. Головашина, д. ф. н. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Ответственный секретарь

Е. С. Лебедь (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Редакторы разделов

А. А. Линченко, к. ф. н. (Россия, Липецк, Липецкий филиал Финансового университета при Правительстве РФ) — редактор раздела по философии

А. И. Миллер, д. и. н. (Россия, Санкт-Петербург, Европейский университет в Санкт-Петербурге) — редактор раздела по политологии

К. Д. Бугров, д. и. н. (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук) — редактор раздела по истории

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

М. Г. Агапов, д. и. н. (Россия, Тюмень, Тюменский государственный университет)

Д. А. Аникин, к. ф. н. (Россия, Москва, Московский государственный университет)

Е. В. Беляева, к. ф. н. (Беларусь, Минск, Белорусский государственный университет)

А. Г. Васильев, к. и. н. (Россия, Москва, Высшая школа экономики)

И. О. Дементьев, к. и. н. (Россия, Калининград, Балтийский федеральный университет)

Д. В. Ефременко, д. п. н. (Россия, Москва, Институт научной информации по общественным наукам РАН)

Е. Махотина, PhD (Германия, Бонн, Рейнский университет Фридриха Вильгельма в Бонне)

А. С. Меньшиков, к. ф. н. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

А. В. Михалев, д. п. н. (Россия, Улан-Удэ, Бурятский государственный университет)

М. М. Мчедлова, д. п. н. (Россия, Москва, Российский университет дружбы народов)

Ф. В. Николаи, д. ф. н. (Россия, Нижний Новгород, Мининский университет)

И. О. Пешков, PhD (Польша, Познань, Университет им. Адама Мицкевича)

О. С. Поршнева, д. и. н. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

М. Е. Соболева, д. ф. н. (Австрия, Клагенфурт, Альпийско-Адриатический университет Клагенфурта)

Е. О. Труфанова, д. ф. н. (Россия, Москва, Институт философии Российской академии наук)

Е. С. Черепанова, д. ф. н. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А. И. Миллер, д. и. н. (Россия, Санкт-Петербург, Европейский университет в Санкт-Петербурге) (**председатель**)

Ш. Бергер, PhD (Германия, Бохум, Рурский университет в Бохуме)

В. А. Кокшаров, к. и. н. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

М. Ларюэль, PhD (США, Вашингтон, Университет Джорджа Вашингтона)

Н. А. Ломагин, д. и. н. (Россия, Санкт-Петербург, Европейский университет в Санкт-Петербурге)

О. Ю. Малинова, д. ф. н. (Россия, Москва, Высшая школа экономики)

Т. Л. Никодемо, PhD (Бразилия, Сан-Паулу, Университет Кампинас)

Л. Ноймайер, PhD (Франция, Париж, Университет Париж 1 Пантеон-Сорбонна)

Л. П. Репина, д. и. н. (Россия, Москва, Институт всеобщей истории Российской академии наук)

Р. Саква, PhD (Великобритания, Кентербери, Кентский университет)

В. Н. Сыров, д. ф. н. (Россия, Томск, Томский государственный университет)

Б. Тренченьи, PhD (Венгрия, Будапешт, Центральный Европейский университет)

М. Б. Хомяков, д. ф. н. (Кыргызстан, Бишкек, Университет Центральной Азии)

Дизайн обложки — Ольга Язовская

Editor-in-Chief

O. Golovashina, PhD (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University)

Managing Editor

E. Lebed (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University)

Partition editor

A. Linchenko, PhD (Russia, Lipetsk, Financial University under the Government of the Russian Federation), Philosophy Section Editor

A. Miller, PhD (Russia, St. Petersburg, European University at St. Petersburg), Political Science Section Editor

K. Bugrov, (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences), History Section Editor

EDITORIAL BOARD

M. Agapov, PhD (Russia, Tumen, University of Tyumen)

D. Anikin, PhD (Russia, Moscow, Moscow State University)

E. Belyaeva, PhD (Belarus, Minsk, Belarusian State University)

E. Cherepanova, PhD (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University)

I. Dementev, PhD (Russia, Kaliningrad, Immanuel Kant Baltic Federal University)

D. Efremenko, PhD (Russia, Moscow, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences)

E. Makhotina, PhD (Germany, Bonn, University of Bonn)

M. Mchedlova, PhD (Russia, Moscow, RUDN University)

A. Menshikov, PhD (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University)

A. Mikhalev, PhD (Russia, Ulan-Ude, Buryat State University)

F. Nikolai, PhD (Russia, Nizhny Novgorod, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University)

I. Peshkov, PhD (Poland, Poznan, Adam Mickiewicz University in Poznan)

O. Porshneva, PhD (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University)

M. Soboleva, PhD (Austria, Klagenfurt, University of Klagenfurt)

E. Trufanova, PhD (Russia, Moscow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences)

A. Vasilyev, PhD (Russia, Moscow, National Research University Higher School of Economics)

EDITORIAL COUNCIL

A. Miller, PhD (Russia, St. Petersburg, European University at St. Petersburg) (**Chairman**)

S. Berger, PhD (Germany, Bochum, Ruhr University Bochum)

M. Homiyakov, PhD (Kyrgyzstan, Naryn, University of Central Asia)

V. Koksharov, PhD (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University)

M. Laruelle, PhD (USA, Washington, George Washington University)

N. Lomagin, PhD (Russia, St. Petersburg, European University at St. Petersburg)

O. Malinova, PhD (Russia, Moscow, National Research University Higher School of Economics)

T. L. Nicodemo, PhD (Brazil, São Paulo, University of Campinas)

L. Neumayer, PhD (France, Paris, Université de Paris 1 Panthéon-Sorbonne)

L. Repina, PhD, corresponding member of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences)

R. Sakwa, PhD (United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, Canterbury, University of Kent at Canterbury)

V. Syrov, PhD (Russia, Tomsk, Tomsk State University)

B. Trencsényi, PhD (Hungary, Budapest, Central European University)

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENT

ПАМЯТЬ ГОРОДА

Блок подготовлен по результатам конференции «Память города: региональные центры политики памяти и нарративы городской памяти», проведенной 17–19 ноября 2023 г. в ЕУСПБ

Цумарова Е. Ю., Волохова В. В.

Мемориальное пространство Петрозаводска: нарративы и практики 6

Успенская Д. А.

Коммеморативный проект «Ковалевский лес»: конфликты мнемонических акторов и стратегии их разрешения (2001–2022) 16

Горюшина Е. М., Осмаев А. Д.

Что хочет запомнить и забыть город Грозный? Изменения в мемориальном ландшафте в 2000–2022 гг. 25

АКТОРЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

Калинин В. Р.

Проблема управления в условиях контингентной исторической темпоральности 35

Батищев Р. Ю.

Образы И. В. Сталина и сталинской эпохи в гражданской религии современной России: риски конфликтогенности государственного и православного дискурса 47

Беклямишев В. О.

Репрезентация исторической роли Русской православной церкви в контексте преподавания отечественной истории (2013–2023) .. 56

ПАМЯТЬ И ИДЕНТИЧНОСТЬ

Пигин Д. В., Черепанова Е. С.

Память Сети: проблема приватности в интернет-коммуникации 64

Иванов А. Г.

Каналы памяти об СССР для «поколения X»: от постсоветских медиаинтерпретаций до семейного опыта 76

Овчинников А. В., Ибрагимова А. А.

Историческая память — фактор семейной и государственной социализации (на примере поколений «местных» и «пришлых» г. Казани) 88

MEMORY OF THE CITY

The block is based on the results of the conference ‘Memory of the City: Regional Memory Policy Centres and Narratives of Urban Memory’, held on 17–19 November 2023 at the EUSPB

Tsumarova E. Yu., Volokhova V. V.

Memorial Landscape in Petrozavodsk: Narratives and Practices 6

Uspenskaya D. A.

Commemorative Project “Kovalevsky Forest”: Conflicts of Mnemonic Actors and Strategies for Resolving Them (2001–2022) 16

Goryushina E. M., Osmaev A. D.

What does the City of Grozny Want to Remember and Forget? Changes in the Memorial Landscape 2000–2022 25

ACTORS OF SOCIAL MEMORY

Kalinin V. R.

The Problem of Management in Conditions of Contingent Historical Temporality 35

Batishchev R. Yu.

The Images of Stalin and Stalin’s Era in Civil Religion of Modern Russia: Conflict Potential’s Risks between State and Orthodox Discourses 47

Beklyamishhev V. O.

Representation of the Historical Role of the Russian Orthodox Church in the Context of Teaching Russian History (2013–2023) 56

MEMORY AND IDENTITY

Pigin D. V., Cherepanova E. S.

Internet Memory: Exploring the Problem of Privacy in Online Communication 64

Ivanov A. G.

Channels of Memory about the USSR for “Generation X”: from Post-Soviet Media Interpretations to Family Experience 76

Ovchinnikov A. V., Ibragimova A. A.

Historical memory as a factor of family and state socialization (on the example of generations of “local” and “newcomers” of Kazan) 88

Научная статья

УДК 94(470.22-25):159.953 + 711(470.22-23) + 32.019.5 + 394(470.22-25) + 316.77 + 81'42
doi 10.15826/tetm.2024.1.056

Мемориальное пространство Петрозаводска: нарративы и практики

Елена Юрьевна Цумарова¹, Валентина Владимировна Волохова²

¹Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия
tsumarova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9960-4119>

²Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия
vavolkhova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5486-7740>

Аннотация. В статье рассмотрены основные исторические нарративы и практики, складывающиеся вокруг инфраструктуры памяти г. Петрозаводска. Отталкиваясь от акторно-ориентированного подхода к исследованию политики памяти, мы показываем разнообразие мнемонических акторов и выбираемых ими стратегий коммеморации исторических деятелей и событий. Исследование показало, что в мемориальном облике Петрозаводска наблюдается расширение актуального прошлого, связанного как с процессами формирования общенациональной идентичности, так и с коммодизацией прошлого, то есть с использованием истории как привлекательного для туристов товара. Отсутствие единой стратегии мемориальной политики не позволяет в полной мере выстроить единый исторический нарратив, связывающий если не все, то большинство мемориалов. В то же время все акторы политики памяти стремятся формировать представление о городе как о важной части российской истории, а формируемые ими нарративы направлены на преодоление провинциального положения города.

Ключевые слова: политика памяти, мнемонические акторы, нарративы, мемориальный ландшафт, коммодизация прошлого, инфраструктура памяти, Петрозаводск

Для цитирования: Цумарова Е. Ю., Волохова В. В. Мемориальное пространство Петрозаводска: нарративы и практики // Tempus et Memoria. 2024. Т. 5, № 1. С. 6–15. <https://doi.org/10.15826/tetm.2024.1.056>

Original article

Memorial Landscape in Petrozavodsk: Narratives and Practices

Elena Yu. Tsumarova¹, Valentina V. Volokhova²

¹North-West Institute of Management, RANEPА, Sankt-Petersburg, Russia
tsumarova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9960-4119>

²Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia
vavolokhova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5486-7740>

Abstract. The article is devoted to the main historical narratives and practices that form in the memory infrastructure of Petrozavodsk. Based on the actor-oriented approach to memory politics, we show the diversity of mnemonic actors and their strategies of commemoration of historical events and persons. The research has shown that the expansion of the usable past in the memorial landscape of Petrozavodsk is connected with both the process of national identity formation and the commodization of history, i.e. the use of the past as an attractive commodity for tourists. The lack of a unified strategy of commemorative politics doesn't allow to formulate a hegemonic historical narrative linking most of the existing memorials. At the same time, all mnemonic actors tend to shape the image of the city as an important part of Russian history, and the narratives they form are aimed at overcoming the city's provincial position.

Key words: memory politics, mnemonic actors, narratives, memorial landscape, commodization of past, memory infrastructure, Petrozavodsk

For citation: Tsumarova, E. Yu., Volokhova, V. V. (2024). Memorial'noe prostranstvo Petrozavodsk: narrativy i praktiki [Memorial Landscape in Petrozavodsk: Narratives and Practices]. *Tempus et Memoria*, 5, 1, 6–15. <https://doi.org/10.15826/tetm.2024.1.056>

Утверждение, что память и ее проявления не могут быть полностью объяснены с точки зрения когнитивной психологии, так как механика запоминания и забывания зависит не только от химии мозга и индивидуальных пристрастий, но и от отбора того, что считается достойным упоминания обществом [Alderman, Dwyer 2009, 51], сегодня уже не нуждается в доказательстве. Одним из инструментов формирования коллективных представлений о прошлом являются памятники. Это важные символические проводники не только для выражения определенных версий истории, но и для придания им легитимности [Ibid.]. Памятники и мемориальные комплексы являются важнейшим элементом так называемой инфраструктуры памяти, организующим городское пространство и отражающим существующие нарративы об общем прошлом. А. Ассман подчеркивает, что «монументы и памятники, годовщины и ритуалы из поколения в поколение упрочивают коммеморацию» и позволяют

«последующим поколениям... причаститься к общему воспоминанию» [Ассман, 32].

Мемориальное пространство города одновременно включает в себя несколько уровней памяти, являясь при этом главной ареной мемориальной политики. В дискуссиях вокруг памятников акторы политики памяти могут договариваться о том, что достойно поминовения и какая версия прошлого будет доступна общественности. При этом острота этих споров обуславливается одной из главных целей сохранения памяти о прошлом — формированием групповых идентичностей. Именно память как инструмент формирования идентичности находится в центре внимания представителей *Memory studies*. Транслируя общенациональный исторический нарратив, памятники вписывают регион в общенациональную историю. В то же время они позволяют местному сообществу заявить и о своих особенностях. И этот рассказ о себе ориентирован не только внутрь сообщества, но и на случайного свидетеля — туриста.

Принимающие сообщества часто озабочены созданием положительного имиджа для туристов, который активно отображает самобытную и интересную местную историю [Alderman, Dwyer 2009, 56]. На проблему коммодизации прошлого, превращения образа того или иного исторического периода в продукт массового спроса, обращают сегодня внимание многие авторы [Браточкин; Yusupova, Pfoser; Sawczuk]. При этом если при формировании региональной идентичности местное сообщество ищет признаки своей уникальности, то процесс коммодизации, напротив, связан с выработкой устойчивых шаблонов и стереотипных представлений о прошлом. В итоге процесс постижения подменяется актом узнавания. В этом случае массовый потребитель получает набор близких ему переживаний и проблем [Даниленко, 290], а перед исследователями возникает вопрос: как эти разновекторные процессы отражаются на мемориальном пространстве города?

Пространство памяти в столице Республики Карелия Петрозаводске также наполнено большим количеством памятников и мемориалов, символизирующих как общенациональные, так и региональные и сугубо городские исторические события. При этом во многом это пространство развивалось под влиянием общефедеральных тенденций и фокусировалось прежде всего на увековечении памяти о Великой Отечественной войне. Анализ установленных

в городе памятников и мемориалов с 2000 по 2023 г. показывает значительное преобладание военных мемориалов: из 50 установленных памятников 33 посвящены Великой Отечественной войне, еще 5 связаны с военными конфликтами в Афганистане и Чечне, 9 памятников отсылают к дореволюционной истории. В то же время обращает на себя внимание тот факт, что из 5 памятников, посвященных дореволюционной гражданской истории, 4 установлены в последние годы и интерес к этому прошлому постоянно растет (см. рисунок).

В статье мы задаемся вопросами о том, как расширение мемориального пространства Петрозаводска в 2000–2020-е гг. трансформирует исторический нарратив, что новые памятники говорят горожанам об их прошлом. Мы отталкиваемся от акторно-ориентированного подхода в исследовании политики памяти [Миллер; Миллер, Пахалюк; Малинова], фокусируем внимание на том, кто вовлечен в процесс создания новых мемориальных сооружений и исторических нарративов, а также анализируем содержание этих нарративов и складывающихся практик взаимодействия с мемориальным пространством города [Alderman, Dwyer 2008]. Эмпирическая база исследования представлена архивными материалами, публикациями в республиканских и городских СМИ, а также полуструктурированными экспертными интервью с основными акторами политики памяти в городе (N = 18).

Мемориальный ландшафт Петрозаводска

Динамика установки мемориалов в Петрозаводске (составлено авторами)

Большая часть интервью была организована в Петрозаводске в 2021 г., три интервью были проведены в 2023 г. для обновления информации по вновь появившимся памятникам. Гайд интервью включал в себя вопросы об общей оценке мемориального пространства города, о существующих практиках коммеморации и исторических нарративах.

Как уже было отмечено, центральным событием, вокруг которого формируется мемориальное пространство города, является Великая Отечественная война. При этом в процесс создания новых памятников и мемориальных комплексов включается большое количество акторов — от непосредственно городских и республиканских органов власти до низовых движений, представленных поисковыми, ветеранскими организациями, обществом малолетних узников финских концлагерей, а также отдельных людей и социальных групп, которые оказываются «достаточно успешными в лоббировании своих интересов» [Пахалюк, 43]. Так, например, поддерживаемые органами управления ветеранские организации были инициаторами создания самого масштабного мемориального комплекса в честь воинов Карельского фронта, партизан и подпольщиков Карелии (Аллея памяти и славы), открытого в 2003 г. и существенно расширенного и дополненного в 2015 г. Отдельные памятники увековечивают память о медиках, моряках, сотрудниках органов внутренних дел и служб государственной безопасности, пограничниках, железнодорожниках, работниках прокуратуры, а также об отдельных воинских подразделениях, внесших свой вклад в победу над врагом в годы Великой Отечественной войны. По инициативе поисковиков вблизи Петрозаводска были созданы мемориальные комплексы «Рубежи Петрозаводска», связанные с событиями обороны столицы Карелии 1941 г., которые они реинтерпретируют как трагические, но одновременно и как героические страницы военной истории Карелии: «*Это такая забытая страница истории, причем трагическая и героическая... солдаты, которые обороняли Петрозаводск, пусть и не отмечены какими-то победами, военными успехами, но тем не менее они сыграли свою роль, очень важную в Великой Отечественной войне*» (информант 1, поисковик). Для участников увековечения

памяти об этих событиях является важным сопоставление мужества бойцов, воевавших в Карелии, и участников иных сражений: «*Вот Брестская крепость. А наши пограничники стояли, до двух-трех месяцев стояли — немцы, ни финны не могли взять их. Ты понимаешь? Карелия, как символ стойкости... она остается в поколениях и передается из поколения*» (информант 2, член Совета ветеранов войны, труда, Вооруженных сил правоохранительных органов Республики Карелия).

До 2017 г. менее заметными в городском мемориальном пространстве были памятные знаки, связанные с памятью о финской оккупации во время Великой Отечественной войны. Главным актором, сохраняющим и транслирующим нарратив о жертвах среди мирного населения во время оккупации, является Карельский союз бывших малолетних узников фашистских концлагерей. Памятные знаки на месте бывших концлагерей в Петрозаводске устанавливались членами союза на собственные средства, что предопределило их простоту и небольшие размеры. В интервью, записанном в 2021 г., представитель организации подчеркивал недостаточное внимание органов управления к сохранению памяти об опыте оккупации: «*Мы, например, в обиде, узники, на наше правительство. Даже не каждый год вспомнят, что было... все-таки три года войны*» (информант 3, представитель организации малолетних узников). Наиболее значимый мемориал был установлен в 2017 г. на петрозаводском кладбище «Пески», где находятся могилы советских граждан, умерших в годы оккупации. Памятник был возведен на средства А. Ю. Молчанова и Г. Н. Морозова — правнуков А. Д. Романова, погибшего в заключении в концлагере. Визуальное решение памятника, доминирующего над пространством одного из старых кладбищ города, призвано привлечь внимание к страданиям невинных жертв оккупации.

Федеральный проект «Без срока давности» вновь привлек внимание к характеру оккупационного режима на территории Карелии. Идея, заложенная в памятнике на кладбище «Пески», оказалась созвучной новой риторике представителей республиканской власти, поддерживавших федеральный нарратив о страданиях мирного населения. Именно о необходимости помнить «о невинных жертвах, которые

погибли, которые были замучены в фашистских концлагерях» говорил, выступая в апреле 2021 г. перед ветеранами и бывшими узниками финских концлагерей, спикер Законодательного собрания Карелии Элиссан Шандалович [Память погибших...]. Наши респонденты также подчеркивают изменение публичного нарратива: *«Мы перестали ее (тему оккупации) СТЕСНЯТЬСЯ... мы стали вспоминать, что были и другие лагеря, в том числе и на территории Петрозаводска»* (информант 4, член комиссии по культурно-историческому наследию). Здесь также прослеживается сильное влияние общенационального нарратива. При описании страданий узников финских концлагерей важным оказывается сравнение мест заключения мирных граждан с лагерями, созданными нацистами (см., например: [Мы еще живы...; Призрак великой Финляндии]¹).

Наряду с памятью о Великой Отечественной войне в городе запечатлевается в монументах память об иных вооруженных конфликтах: прежде всего об Афганской войне и двух Чеченских кампаниях. Формирование мест памяти, связанных с этими конфликтами, началось в 1990-е гг. по инициативе ветеранских организаций и продолжилось уже в 2016–2017 гг., в том числе при поддержке представителей федеральной власти, когда были созданы большие «пространства памяти». Так, в 2016 г. было закончено оформление Парка мира, связанного с памятью о войне в Афганистане, а к 2017 г. сформировалась целая серия монументов в парке «Лес Победы», посвященная «памяти защитников Отечества и участников боевых действий»². Мемориальный комплекс включает в себя памятник «Сынам Карелии, погибшим в Чечне»; церковь святого Илии Пророка; памятник Герою России А. А. Калинин, погибшему в Чечне в 2000 г.; памятник советским и российским воинам, павшим

за Отечество. В 2020 г. в парке по инициативе Николая Патрушева, возглавлявшего Государственную комиссию по подготовке 100-летия Республики Карелия, был также установлен памятник матери, олицетворяющий «память о трудной военной судьбе матерей и всего нашего народа» [Памятник матери...].

Рост числа памятников, связанных с военной историей, с одной стороны, может рассматриваться как стремление к формированию «справедливой» памяти, в которой увековечены все участники значимых исторических событий. При этом акцент делается на героическом, «славном» прошлом города и его жителей. Пожалуй, кульминацией героического нарратива стала установка в 2020 г. стелы «Город воинской славы», в барельефах которой отражен вклад петрозаводчан в военную историю России от эпохи Петра I до победы в Великой Отечественной войне.

С другой стороны, увеличение количества военных мемориалов некоторыми нашими информантами оценивается как интервенция в повседневность. Как было отмечено в интервью, памятников в городе *«очень много, надо останавливаться, идет какая-то милитаризация»* (информант 5, музейное сообщество), *«Петрозаводск превращается в памятник надгробий буквально»* (информант 5, член комиссии по культурно-историческому наследию). За редким исключением новые военные памятники не включены в сценарий общегородских мероприятий, посвященных памятным датам. За ними ухаживают, к ним возлагают цветы представители тех профессиональных групп и общественных организаций, для кого эти мемориалы стали инструментом описания вклада их предшественников в общую победу над врагом.

Одновременно с продолжающейся коммеморацией военной истории в городе появляются мемориалы, связанные с советским и дореволюционным прошлым. При этом из советского периода выбираются деятели, имеющие не только городское или республиканское, но и общесоюзное значение. Так, по инициативе главы республики в 2018 г. был установлен памятник Роберту Рождественскому и Владимиру Морозову. Несмотря на то что Р. Рождественский лишь год прожил в Петрозаводске во время непродолжительной

¹ «Анализ оккупационной политики финского режима показывает, что по многим параметрам финские власти на оккупированной территории Карелии ввели оккупационный режим значительно более жестокий, чем тот, который установила нацистская Германия на оккупированной части СССР» [Мы еще живы..., 19]; «Смертность в финских концлагерях в 1942 году была выше, чем в немецко-фашистских концлагерях: 13,75 %. А в немецких — около 10 %» [Призрак великой Финляндии].

² Надпись на информационном стенде парка.

учебы в Петрозаводском университете, этот факт его биографии позволил вписать Карелию в контекст истории российской поэзии. Что касается его друга В. Морозова, то на открытии памятника глава республики А. О. Парфенчиков подчеркнул: «Владимир Морозов — наш земляк и друг Роберта Ивановича. Роберт Иванович ставил его выше всех своих современников и считал его самым талантливым. Мы должны это чтить, мы должны этим гордиться» [Памятник Роберту Рождественскому...].

В последние три года в Петрозаводске наблюдается всплеск коммеморации дореволюционной истории: начиная с 2021 г. в городе ежегодно устанавливается как минимум один памятник деятелям XIX в., так или иначе связанным с Петрозаводском. Как правило, инициатива установки таких мемориалов принадлежит не органам власти, а учреждениям культуры и/или краеведам. Например, установка памятников британскому металлургу Чарльзу Гаскойну и ювелиру Михаилу Перхину была инициирована директором Национального музея Республики Карелия. При этом в существующих вокруг этих мемориалов нарративах подчеркивается не столько принадлежность этих людей к Петрозаводску (что, строго говоря, не вполне справедливо), сколько их вклад в развитие государства и его престиж на мировом уровне [Ваше мнение...]. Подобная риторика важна и для самих петрозаводчан, так как масштаб и важность личности повышают значимость города. Один из представителей музейного сообщества при обсуждении идеи установки памятника Гаскойну отмечал: «Петрозаводск родился как город металлургов, и то, что ему удалось “заманить” к себе лучшего пушкаря Европы, говорит о высоком доверии к городу и тогдашнему Александровскому заводу. Гаскойн после работы в Петрозаводске работал во многих городах России, а похоронить себя завещал в нашем городе» [Протокол заседания комиссии по культурно-историческому наследию 16 марта 2018 г.]³. Фигура М. Перхина также рассматривается в контексте его вклада в развитие мировой

ювелирной индустрии: «Перхин — это был мастер-ювелир, который работал на мировом уровне, то есть его произведения до сих пор ценятся, имеют огромную стоимость и так далее» (информант 6, историк).

Наконец, в 2023 г. по инициативе местного краеведа и при поддержке на тот момент главы Петрозаводска В. Любарского в районе новостроек города был установлен памятник первому архангельскому и олонечкому генерал-губернатору Т. И. Тутолмину. Надпись на памятнике гласит: «Первый житель Древлянки. Олонечкий генерал-губернатор (1784–1793). Организатор ополчения в Карелии в период Русско-шведской войны (1788–1790). Заложил основы планировки города Петрозаводска». Установка этого памятника вызвала неоднозначную реакцию в городском сообществе: с одной стороны, краеведы критиковали надпись на бюсте и способ презентации Т. Тутолмина [Новый памятник...], с другой — появление даже небольших мемориалов рассматривается как способ разметки периферии города и создания мест памяти, которые могут использоваться локальными сообществами для формирования чувства патриотизма, принадлежности к городу/республике и пр.

Таким образом, в мемориальном облике Петрозаводска наблюдается расширение актуального прошлого. Обращение к дореволюционной истории позволяет транслировать нарратив о Петрозаводске как об историческом городе: «Историческим городом считается... когда сохранились материальные памятники со времени основания города» (информант 7, экскурсовод). Кроме того, дореволюционное прошлое достаточно бесконфликтно, его образ был романтизирован еще в советское время, когда в экранизациях классики дворянская Россия представляла «утраченным раем» или красивой костюмированной сказкой. Дореволюционное прошлое тем самым становится своего рода золотым веком в истории Петрозаводска, с которым связывается деятельность и известных во всем мире людей. В то же время именно это дореволюционное прошлое оказывается выгодным товаром. Как отмечает Д. Лоуэнталь, для современного человека характерен «культ эскапизма — бегство от бездушного, постылого и зловещего настоящего; вечная ностальгия, теперь еще и обострившаяся из-за безликого

³ Интересно, что значение К. Гаскойна выросло прямо в ходе заседания: из «лучшего пушкаря Европы» к моменту принятия резолюции он дорос до «основателя мировой литейной металлургии».

однообразия товаров, распространившихся по всему миру, а также мрачного аскетизма современной архитектуры» [Лоуэнталь]. Думается, что не случайно в Петрозаводске поставлен памятник известному ювелиру, прославившемуся уникальными произведениями для царской семьи, а при демонстрации памятника Гаскойну экскурсоводы обращают внимание не только на его вклад в развитие российской металлургии, но и на роскошную шубу, придуманную инициатором создания памятника. Прошлое здесь — это мир людей, живущих в окружении красивых, уникальных вещей. И, как показывает практика, это прошлое хорошо продается туристам.

Несмотря на продолжающееся расширение мемориального пространства города, респонденты отмечают необходимость установления новых мемориалов или арт-объектов. Если в центре города необходимость новых памятников обычно связывается с повышением привлекательности для туристов, то в новых микрорайонах наши респонденты их рассматривают прежде всего в контексте формирования локального сообщества и включения новых районов в общую историю города: *«Какой-то памятник всегда является точкой соприкосновения людей, знаковым местом, на мой взгляд, они должны быть. У нас район Скандинавия, школа находится. С этой тематикой ничего такого у нас нет. Если у нас улица Оборонная есть, но связанного с Великой Отечественной войной у нас ничего нет, а какой-то монумент вполне логично должен быть»* (информант 8, учитель истории). Таким образом, новые памятники, по мнению респондентов, должны репрезентировать не столько локальную, сколько более масштабную, региональную историю и культуру: *«Вот... окраины: Ключевая, Древлянка⁴, — там, конечно, что-то такое ставить надо, причем необязательно, необязательно, памятники каким-то событиям, историческим личностям. Там можно что угодно... памятники, которые бы привлекали ребят, детей, молодежь, такие вот забавные, которые, с одной стороны, как-то бы отражали нашу карельскую специфику, нашу особенность, особенность, а с другой стороны, можно было*

бы у памятника посидеть на коленях, обняться с этим памятником» (информант 6, историк).

В отличие от памятников, посвященных героям Великой Отечественной войны, которые рассматриваются прежде всего как места поклонения героям, памятники событиям дореволюционной и советской гражданской истории часто сразу рассматриваются как туристические объекты: *«Появится еще один туристический объект на пр. Маркса (о памятнике Ч. Гаскойну. — Е. Ц., В. В.), который назывался раньше Английской улицей, так как здесь поселились приехавшие на завод в конце XVIII века иностранные специалисты»* [Протокол заседания комиссии по культурно-историческому наследию 16 марта 2018 г.]. В то же время органы управления города и республики используют новые мемориалы и для решения актуальных политических задач, в частности, именно от памятника Ч. Гаскойну отправляется гуманитарная помощь жителям Донбасса, что обосновывается вкладом металлурга в развитие промышленности этого региона [Два грузовика...].

Таким образом, мемориальное пространство Петрозаводска формирует представление о городе как о важной части российской истории, а существующие нарративы направлены на преодоление провинциального положения города. Актеры монументальной политики подчеркивают, что здесь происходили события, сопоставимые по своему героизму и трагизму с иными событиями Великой Отечественной войны, а в дореволюционный период край оказался привлекателен для специалистов в области металлургии мирового масштаба, дал миру уникального ювелира. В то же время отсутствие единой стратегии мемориальной политики не позволяет в полной мере выстроить единый исторический нарратив, связывающий если не все, то большинство мемориалов. Значительная часть новых памятников находится вне каких-либо городских практик, а личности, которым они установлены, неизвестны горожанам⁵.

⁴ Названия микрорайонов г. Петрозаводска.

⁵ Примечателен отзыв о памятнике Ч. Гаскойну на сервисе Яндекс.Карты: «Удивились, впервые увидев этот памятник. Но, поискав в Интернете информацию о Карле Гаскойне, узнали много интересного. Не знали раньше про такую историческую личность для нашего города» (https://yandex.ru/maps/org/karl_gaskoyn/117610110236/reviews/?ll=34.372462%2C61.787604&z=16).

Свидетельством того, что новые памятники не вписаны в общегородской нарратив, является их визуальное решение. Советские памятники решались в условной манере, и заложенные в них символические отсылки к общенациональному нарративу легко считывались современниками. Каждому было понятно, что танк на пьедестале напоминает о победе в Великой Отечественной войне советского народа, а бюст парня в кепке и косоворотке — о пролетарской революции. Теперь же памятники, адресованные всем петрозаводчанам и гостям города, отличаются повествовательностью. Разъяснять смысл памятника приходится с помощью барельефов

со сценами из истории города (стела «Петрозаводск — город воинской славы», памятник К. Гаскойну) или с помощью подробных сопроводительных текстов (памятники М. Перхину и Т. И. Тутолмину).

В то же время наиболее знаковые памятники, с одной стороны, включены в коммеморативные практики, связанные с празднованием памятных дат (преимущественно военной истории), с другой — в туристские, являясь важным объектом экскурсионного показа. Но в обоих случаях присутствует стремление вписать историю города и республики в общенациональный нарратив, подчеркнуть вклад края в общенациональную историю.

Список источников

- Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М. : Новое лит. обозрение, 2014.
- Браточкин А. Городское пространство // Все в прошлом: Теория и практика публичной истории / под ред. А. Завадского, В. Дубинной. М. : Новое издательство, 2021. С. 35–54.
- Ваше мнение о памятнике Гаскойну? // Лицей : интернет-журнал. URL: <https://gazeta-licey.ru/culture/99237-vashe-mnenie-o-pamyatnike-gaskojnu> (дата обращения: 10.04.2024).
- Даниленко Ю. Ю., Катаев Ф. А. Историческое прошлое как гиперреальность в современной массовой культуре (рецензия на коллективную монографию: Культ-товары. Коммерциализация истории в массовой культуре. М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2020) // Филологический класс. 2021. Т. 26, № 3. С. 288–293.
- Два грузовика с гуманитарной помощью отправились из Петрозаводска в Луганск // ИА «Республика». URL: <https://rk.karelia.ru/social/dva-gruzovika-s-gumanitarnoj-pomoshhyu-otpravilis-iz-petrozavodska-v-lugansk> (дата обращения: 10.04.2024).
- Лоуэнталь Д. Материальное сохранение и его альтернативы // Неприкосновенный запас. 2017. № 4. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2017/4/materialnoe-sohranenie-i-ego-alternativy.html?ysclid=lusknj11do234101842> (дата обращения: 14.04.2024).
- Малинова О. Ю. Режим памяти как инструмент анализа: проблемы концептуализации // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Актеры, институты, нарративы / отв. ред. А. И. Миллер, Д. В. Ефременко. М. ; СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2020. С. 26–39.
- Миллер А. И. Введение. Большие перемены. Что нового в политике памяти и в ее изучении? // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2020. С. 8–25.
- Миллер А. И., Пахалюк К. А. Введение. Региональный аспект политики памяти в России — масштабирование и акторы. Задачи и структура монографии // Политика памяти в России — региональное измерение / под ред. А. Миллера, О. Малиновой, Д. Ефременко. М. : ИНИОН РАН. 2023. С. 5–23.
- Мы еще живы! Судьбы бывших малолетних узников фашистских концлагерей / авт.-сост. К. А. Ньюппиева. Петрозаводск : Острова, 2023.
- Новый памятник в столице Карелии вызывает усмешку у краеведов // Фактор News. URL: https://dzen.ru/a/ZINrE_kVrkXytWnn (дата обращения: 10.04.2024).
- Память погибших узников концлагерей почтили в Петрозаводске // ИА «Республика». URL: <https://rk.karelia.ru/social/pamyat-pogibshih-uznikov-kontslagerej-pochtili-v-petrozavodske/> (дата обращения: 04.04.2024)
- Памятник матери открылся сегодня в Петрозаводске // ИА «Республика». URL: <https://rk.karelia.ru/social/pamyatnik-materi-otkrylsya-segodnya-v-petrozavodske> (дата обращения: 04.04.2024).
- Памятник Роберту Рождественскому и Владимиру Морозову появился в Петрозаводске // ИА «Республика». URL: <https://rk.karelia.ru/social/culture/pamyatnik-robertu-rozhdestvenskomu-i-vladimiru-morozovu-poyavilsya-v-petrozavodske/> (дата обращения: 04.04.2024)
- Пахалюк К. А. «В поисках русской древности»: политика памяти в регионах Центральной России // Политика памяти в России — региональное измерение / под ред. А. Миллера, О. Малиновой, Д. Ефременко. М. : ИНИОН РАН, 2023.
- Призрак великой Финляндии. Преступление без наказания : док. фильм (реж. А. Денисов). ВГТРК, 2023. URL: <https://smotrim.ru/video/2709229?ysclid=luqyap9urpm703419120> (дата обращения: 10.04.2024).
- Протокол заседания комиссии по культурно-историческому наследию. 16 марта 2018 г. // Администрация Петрозаводского городского округа. Управление культуры. Текущий архив.
- Alderman D. H., Dwyer O. J. Memorial landscapes: analytic questions and metaphors // GeoJournal. 2008. № 73. P. 165–178.

Alderman D. H., Dwyer O. J. Memorials and Monuments // *International Encyclopedia of Human Geography* / eds. R. Kitchin, N. Thrift. 2009. Vol. 7. P. 51–58.

Yusupova G., Pfoser A. Tourism, Memory Production and Contested Ethnic Hierarchies in Post-Soviet Almaty // *Europe-Asia Studies*. 2022. № 75(3). P. 1–18. DOI: 10.1080/09668136.2021.1964437

Sawczuk M. Commemoration or commodification? A stakeholder's discourse around the establishment of the martyrdom museum // *International Entrepreneurship Review*. 2020. № 6(3). P. 61–76. DOI: 10.15678/IER.2020.0603.05

References

Alderman, D. H., Dwyer, O. J. (2008). Memorial landscapes: analytic questions and metaphors. *GeoJournal*, 73, 165–178.
Alderman, D. H., Dwyer, O. J. (2009). Memorials and Monuments. In Kitchin R., Thrift N. (eds.). *International Encyclopedia of Human Geography*, 7, 51–58.

Assman, A. (2014). *Dlinnaya ten' proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The long shadow of the past: memorial culture and historical politics]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie.

Bratochkin, A. (2021). Gorodskoe prostranstvo [Urban Space]. *Vsyo v proshlom: Teoriya i praktika publichnoy istorii* / pod red. A. Zavadskogo, V. Dubinoy, 35–54. M.: Novoe izdatel'stvo.

Vashe mnenie o pamyatnike Gaskojnu? [What is your opinion of the Gascoyne monument?]. *Internet-zhurnal "Licej"*. URL: <https://gazeta-licej.ru/culture/99237-vashe-mnenie-o-pamyatnike-gaskojnu> (accessed: 10.04.2024).

Danilenko, Yu. Yu., Kataev, F. A. (2021). Istoricheskoe proshloe kak giperreal'nost' v sovremennoj massovoj kul'ture [Historical past as hyperreality in modern mass culture]. *Philological class*, 26, 3, 288–293.

Dva gruzovika s gumanitarnoj pomoshch'yu otpravilis' iz Petrozavodska v Lugansk [Two trucks with humanitarian aid went from Petrozavodsk to Lugansk]. *IA "Respublika"*. URL: <https://rk.karelia.ru/social/dva-gruzovika-s-gumanitarnoj-pomoshhyu-otpravilis-iz-petrozavodska-v-lugansk> (accessed: 10.04.2014).

Louental', D. (2017). Material'noe sohranenie i ego al'ternativy [Material conservation and its alternatives]. *Neprikosnovennyj zapas*, 4. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2017/4/materialnoe-sohranenie-i-ego-alternativy.html?ysclid=lusknj1ldo234101842> (accessed: 14.04.2024).

Malinova, O. Yu. (2020). Rezhim pamyati kak instrument analiza: problemy konceptualizatsii [Memory regime as a tool of analysis: problems of conceptualization]. *Politika pamyati v sovremennoj Rossii i stranah Vostochnoj Evropy. Akty, instituty, narrativy* / otv. red. A. I. Miller, D. V. Efremenko, 26–39. M.; SPb.: Izd-vo Evropejs. un-ta v Sankt-Peterburge.

Miller, A. I. (2020). Vvedenie. Bol'shie peremeny. CHto novogo v politike pamyati i v ee izuchenii? [Introduction. Big changes. What is new in the politics of memory and its study?]. *Politika pamyati v sovremennoj Rossii i stranah Vostochnoj Evropy*, 8–25. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

Miller, A. I., Pahalyuk, K. A. (2023). Vvedenie. Regional'nyĭ aspekt politiki pamyati v Rossii — masshtabirovanie i akty. Zadachi i struktura monografii [Introduction. The regional aspect of memory politics in Russia — scaling and actors. Tasks and structure of the monograph]. In Miller A., Malinova O., Efremenko D. (red.) *Politika pamyati v Rossii — regional'noe izmerenie*, 5–23. Moskva: INION RAN.

My eshche zhivy! : sud'by byvshih maloletnih uznikov fashistskih konclagerej [We are still alive! The fate of former juvenile prisoners of Nazi concentration camps] (2023) / avtor-sostavitel' K. A. Nyuppieva. Petrozavodsk: Ostrova.

Novyj pamyatnik v stolice Karelii vyzvaet usmeshku u kraevedov [A new monument in the capital of Karelia draws chuckles from local historians]. *Faktor News*. URL: https://dzen.ru/a/ZINrE_kVrkXytWnn (accessed: 10.04.2024).

Pamyat' pogibshih uznikov konclagerej pochtili v Petrozavodske [The memory of fallen concentration camp prisoners honoured in Petrozavodsk]. *IA "Respublika"*. URL: <https://rk.karelia.ru/social/pamyat-pogibshih-uznikov-konclagerej-pochtili-v-petrozavodske/> (accessed: 04.04.2024).

Pamyatnik materi otkrylsya segodnya v Petrozavodske [A monument to mothers was unveiled today in Petrozavodsk]. *IA "Respublika"*. URL: <https://rk.karelia.ru/social/pamyatnik-materi-otkrylsya-segodnya-v-petrozavodske> (accessed: 04.04.2024).

Pamyatnik Robertu Rozhdestvenskomu i Vladimiru Morozovu poyavilsya v Petrozavodske [A monument to Robert Rozhdestvensky and Vladimir Morozov appeared in Petrozavodsk]. *IA "Respublika"*. URL: <https://rk.karelia.ru/social/culture/pamyatnik-robertu-rozhdestvenskomu-i-vladimiru-morozovu-poyavilsya-v-petrozavodske/> (accessed: 04.04.2024).

Pahalyuk, K. A. (2023). "V poiskah russkoj drevnosti": politika pamyati v regionah Central'noj Rossii ["In Search of Russian Antiquity": The Politics of Memory in the Regions of Central Russia]. In A. Miller, O. Malinova, D. Efremenko (red.) *Politika pamyati v Rossii — regional'noe izmerenie*. Moskva: INION RAN.

Prizrak velikoj Finlyandii. Prestuplenie bez nakazaniya [The ghost of the great Finland. A crime without punishment]: dok. fil'm. Rezh. A. Denisov. VGTRK, 2023. URL: <https://smotrim.ru/video/2709229?ysclid=luqyap9ypm703419120> (accessed: 10.04.2024).

Protokol zasedaniya komissii po kul'turno-istoricheskomu naslediyu. 16 marta 2018 g. [Protocol of the meeting of the commission on cultural and historical heritage. March 16, 2018]. Administration of Petrozavodsk City District. Department of culture. Current archive.

Sawczuk, M. (2020). Commemoration or commodification? A stakeholder's discourse around the establishment of the martyrdom museum. *International Entrepreneurship Review*, 6(3), 61–76. DOI: 10.15678/IER.2020.0603.05

Yusupova, G., Pfoser, A. (2022). Tourism, Memory Production and Contested Ethnic Hierarchies in Post-Soviet Almaty. *Europe-Asia Studies*, 75(3), 1–18. DOI: 10.1080/09668136.2021.1964437

Сведения об авторе

Цумарова Елена Юрьевна — кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительных политических исследований Северо-Западного института управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия

Волохова Валентина Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Петрозаводского государственного университета, Петрозаводск, Россия

Information about the author

Elena Yu. Tsumarova — Cand. Sci. (Politics), Associate Professor of the North-West Institute of Management, RANEPa, Sankt-Petersburg, Russia

Valentina V. Volokhova — Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

*Статья поступила в редакцию 19.04.2024;
одобрена после рецензирования 15.05.2024;
принята к публикации 30.05.2024*

*The article was submitted 19.04.2024;
approved after reviewing 15.05.2024;
accepted for publication 30.05.2024*

Научная статья

УДК 94(470.23)“2001/2022” + 94:159.953 + 316.346.36 + 94(100)“1939/1945”

doi: 10.15826/tetm.2024.1.057

Коммеморативный проект «Ковалевский лес»: конфликты мнемонических акторов и стратегии их разрешения (2001–2022)

Дарья Антоновна Успенская

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия
duspenskaya@eu.spb.ru, <https://orcid.org/0009-0004-7766-5227>

Аннотация. В статье рассматриваются конфликты между мнемоническими акторами вокруг коммеморативного проекта Ковалевского леса как места увековечения памяти жертв красного террора 1920-х гг. Опираясь на идеи О. Двейера и Д. Альдермана об изучении мемориальных объектов, анализируются столкновения между акторами по поводу степени их вовлеченности в формирование проекта и включаемых в него фигур. Автор приходит к выводам о том, что мнемонические акторы, заинтересованные в преодолении забвения красного террора, стремились создать в Ковалевском лесу мифологизированную версию прошлого для посетителей, для которых память о репрессиях, терроре и его жертвах вынесена за черту города. В процессе развития проекта Ковалевский лес становится гибким пространством, в котором выделяется место для многих мифов. Для успешной реализации проекта акторы были готовы выстраивать свои отношения как взаимно принимающие и соглашались с включением в него многих нарративов.

Ключевые слова: коммеморативный проект, мнемонические акторы, конфликты

Для цитирования: Успенская Д. А. Коммеморативный проект «Ковалевский лес»: конфликты мнемонических акторов и стратегии их разрешения (2001–2022) // Tempus et Memoria. 2024. Т. 5, № 1. С. 16–24. <https://doi.org/10.15826/tetm.2024.1.057>

Original article

Commemorative Project “Kovalevsky Forest”: Conflicts of Mnemonic Actors and Strategies for Resolving Them (2001–2022)

Daria A. Uspenskaya

European University at St. Petersburg, Saint-Peterburg, Russia
duspenskaya@eu.spb.ru, <https://orcid.org/0009-0004-7766-5227>

Abstract. The article examines the conflicts between mnemonic actors regarding the commemorative project of the Kovalevsky Forest as a place to perpetuate the memory of the victims of the Red Terror of the 1920s. Based on the ideas of O. Dwyer and D. Alderman on the study of memorial objects, the author in the article analyzes

© Успенская Д. А., 2024

the conflicts between actors regarding the level of their involvement in the formation of the project and the figures included in it. The author comes to the conclusion that mnemonic actors interested in overcoming the oblivion of the Red Terror sought to create a mythologized version of the past in the Kovalevsky Forest for visitors for whom the memory of repression, terror and its victims was carried outside the city borders. In the process of development of the project, the Kovalevsky Forest becomes a flexible space with many myths. To successfully implement the project, the actors were ready to build their relationships as mutually accepting and agreed to include many narratives in it.

Key words: commemorative project, mnemonic actors, conflicts

For citation: Uspenskaya, D. A. (2024). Kommemorativnyi proekt “Kovalevskii les”: konflikty mnemonicheskikh aktorov i strategii ikh razresheniya (2001–2022) [Commemorative Project “Kovalevsky Forest”: Conflicts of Mnemonic Actors and Strategies for Resolving Them (2001–2022)]. *Tempus et Memoria*, 5, 1, 16–24. <https://doi.org/10.15826/tetm.2024.1.057>

Ковалевский лес — территория на северо-востоке от Санкт-Петербурга, он расположен между Санкт-Петербургом и Всеволожском и входит в состав Ленинградской области. Этот лесной массив находится на территории Ржевского артиллерийского полигона и в настоящий момент представляет собой пространство коммеморации жертв красного террора 1920-х гг. на предполагаемом месте массовых расстрелов или рядом с ним — в зависимости от точки зрения акторов. По одной из существующих версий в Ковалевском лесу были расстреляны участники Кронштадтского восстания 1921 г., а также приговоренные к расстрелу по «делу Петроградской боевой организации» («Таганцевское дело»). Памятное место — это лес, находящийся возле шоссе, в 7 километрах от ближайшего крупного населенного пункта, при этом посещают его горожане, которым из-за такого его расположения может быть непросто добраться туда в одиночку.

С 2001 г. на территории Ковалевского леса различные акторы увековечивали память о жертвах красного террора 1920-х гг., в результате чего это пространство можно рассматривать как коммеморативный проект. При этом необходимо отметить, что Ковалевский лес остается местом, не связанным с официальной памятью государства: памятные знаки могут устанавливать как различные организации, так и горожане, посещающие его. Начиная с момента обнаружения захоронения в 2001 г. члены Санкт-Петербургского научно-информационного центра (НИЦ) «Мемориал»¹ ежегодно, за исключением нескольких лет,

выезжали в Ковалевский лес и фотографировали памятные знаки, устанавливаемые активистами, а также проводили там экскурсии. С 2004 г. подразделения Русской православной церкви проводили в Ковалевском лесу панихиды в дни памяти, а также устанавливали и освещали поклонные кресты. Музей Анны Ахматовой в эти же годы участвовал в проведении памятных мероприятий, посвященных Н. С. Гумилеву, который, по одной из версий, был расстрелян в Ковалевском лесу как участник «Таганцевского дела».

В 2009–2012 гг. по поручению президента Российской Федерации Д. А. Медведева действовала рабочая группа по разработке концепции мемориального комплекса «Ковалевский лес», в которую входили сотрудники НИЦ «Мемориал»², музеев, университетов, представители Русской православной церкви. Все это время в Ковалевском лесу активисты устанавливали самодельные информационные таблички и памятные знаки. Памятные знаки представляют собой заламинированные плакаты с фотографиями, иконами, картинками, выдержками из стихов Н. С. Гумилева, А. А. Ахматовой, молитв и списков расстрелянных.

В 2018 г. к проекту присоединился уполномоченный по правам человека Ленинградской области С. С. Шабанов, который организует в Ковалевском лесу памятные мероприятия и занимается организацией благоустройства территории. В последние несколько лет администрация Всеволожского района Ленинградской области также участвует в организации в Ковалевском лесу памятных мероприятий

¹ Организация, выполняющая функции иностранного агента.

² Организация, выполняющая функции иностранного агента.

вместе с сообществом памяти Н. С. Гумилева. Панихиды в дни памяти проводит Всеволожское благочиние Выборгской епархии. Таким образом, на небольшой «общей» территории Ковалевского леса в проект вовлечены разнообразные акторы, каждый из которых имеет собственные опыт, идеи и коммеморативные практики, такие как религиозные службы или установка самодельных табличек. В такой ситуации конфликты между акторами были неизбежны, так как каждый из них приводит разные обоснования значимости Ковалевского леса как памятного места, а также имеет разные точки зрения на то, память каких жертв необходимо увековечивать на этой территории. Некоторые акторы со временем теряли интерес к проекту Ковалевского леса и минимизировали свое участие в нем, но в последние годы в процесс вовлечено большее их количество.

В центре внимания данной статьи — способности разрешения мнемоническими акторами конфликтных ситуаций, возникавших в процессе создания памяти о жертвах террора. Рассматривая образы, использовавшиеся при формировании памяти о красном терроре 1920-х гг. и его жертвах, а также акторов, вовлеченных в этот процесс, и их действия, можно исследовать, как память о терроре и репрессиях локализуется в пространстве между городами.

Для анализа Ковалевского леса как пространства коммеморации используется подход, предложенный О. Двейером и Д. Альдерманом [Dwyer, Alderman]. Он позволяет исследовать мемориальные объекты и памятные места на трех уровнях: «текст», предполагающий изучение версий прошлого, воспроизводимых многими акторами; «арена», рассматривающий мемориальные объекты как место столкновения акторов и использования ими «текстов» этого пространства для реализации своих целей; «перформанс», включающий обретение мемориальным объектом определенных смыслов посредством коммеморативных ритуалов. Таким образом, я понимаю Ковалевский лес как арену, где происходит взаимодействие мнемонических акторов, неизбежно носящее конфликтный характер. С формированием Ковалевского леса как места коммеморации были связаны конфликты по поводу «текста» памятного места и способов его реализации. Столкновения между акторами возникали

в основном из-за фигур, память о которых предполагалось увековечивать в коммеморативном проекте Ковалевского леса, но также и по другим поводам.

В центре моего внимания находятся взаимоотношения акторов, представляющих точки зрения негосударственных общественных организаций, Русской православной церкви и государственных административных структур, в процессе увековечения памяти о жертвах красного террора 1920-х гг. в Ковалевском лесу. Необходимо отметить, что в создании коммеморативного проекта участвовали локальные акторы, придерживавшиеся своих собственных целей, идей и позиций. Несмотря на то что региональные сообщества представляли собой подразделения больших организаций, цели и методы этих акторов в некоторых случаях могли не совпадать с идеями центральных отделений организаций или других локальных подразделений. Разрабатываемые в ходе развития коммеморативного проекта предложения исходили в основном от руководителей вовлеченных в этот процесс организаций, от имени которых официально осуществлялась деятельность.

Исследователи, проанализировав отношения между Русской православной церковью и НИЦ «Мемориал»³ в процессе работы над проектом Соловецких островов, пришли к выводу, что «стремление утвердить то или иное толкование этой истории (Соловецких островов) и извлечь из нее определенный этический вывод привело к тому, что организации, занимающиеся исследованием репрессий и увековечением памяти жертв террора (прежде всего НИЦ «Мемориал»⁴), и Русская православная церковь из союзников превратились в конфликтующие стороны» [Шторн, Бутейко]. Конфликтный характер отношений между акторами в процессе работы над проектами Соловецких островов и Ковалевского леса схож, так как и в одном и в другом упомянутые акторы были основными. В процессе работы над коммеморативным проектом Ковалевского леса представители НИЦ «Мемориал»⁵

³ Организация, выполняющая функции иностранного агента.

⁴ Организация, выполняющая функции иностранного агента.

⁵ Организация, выполняющая функции иностранного агента.

фокусировались на увековечении памяти политических жертв, стремясь создать условия для осмысления опыта насилия и нарушений человеческих прав, что приводило к конфликтам со многими акторами, включавшими в проект других жертв.

При подготовке статьи были использованы сведения, полученные в ходе полуструктурированных интервью с людьми, занимавшимися или занимающимися увековечением памяти о жертвах террора и репрессий на территории Ковалевского леса. Интервью были проведены с настоятелем храма православного братства св. великомученицы Анастасии Узорешительницы А. Степановым, уполномоченным по правам человека Ленинградской области С. С. Шабановым и директором НИЦ «Мемориал»⁶ И. А. Флиге.

В ходе поисковых работ группой НИЦ «Мемориал»⁷ в Ковалевском лесу в 2001 г. были найдены останки шести человек, дальнейшие раскопки этой организацией не проводились. Несмотря на то что других захоронений на этой территории найдено не было, за 20 лет Ковалевский лес стал местом увековечения памяти жертв красного террора и репрессий. В стороне от территории, называемой Ковалевским лесом, и в глубине лесного массива, на остающейся закрытой территории полигона, находится урочище Койранкангас, где были найдены и до сих пор обнаруживаются захоронения и расстрельные ямы, однако именно Ковалевский лес все равно остается местом увековечения памяти жертв красного террора и проведения памятных мероприятий во многом из-за удобства своего расположения.

Одна из конфликтных ситуаций между акторами возникла по поводу значения самой территории Ковалевского леса и происходивших там событий. Директор НИЦ «Мемориал»⁸ И. А. Флиге, которая разрабатывала концепцию этого памятного места, считала территорию Ковалевского леса местом проведения расстрелов в 1918–1921 гг. [Интервью с Флиге Ириной Анатольевной...]. Такая позиция основывалась

на собранных свидетельствах людей, указывавших на эту территорию, описанных в исследовании В. В. Иофе. Четко обозначенное время окончания расстрелов на этой территории объяснялось тем, что она была «рассекречена» осенью–зимой 1921 г., в результате чего расстрелы прекратились и были перенесены в другое место. На территории в глубине лесного массива, в Койранкангасе, где в 2002 г. также были обнаружены захоронения, расстрелы, по мнению И. А. Флиге, не проводились до конца 1920-х гг. из-за отсутствия дороги [[Интервью с Флиге Ириной Анатольевной...].

Настоятель храма св. великомученицы Анастасии Узорешительницы А. Степанов во второй половине 2000-х — первой половине 2010-х гг. был активным участником процесса создания коммеморативного проекта Ковалевского леса. В интервью он указывал, что точных сведений об этом месте и расстрелах времен красного террора не обнаружено и на данный момент «в этом месте ничего нет, а есть как раз в глубине полигона» [Интервью со Степановым Александром Олеговичем...]. Он считает, что захоронение было найдено группой НИЦ «Мемориал»⁹ случайно и «удивительным образом» и что поисковая деятельность, направленная на выявление других захоронений, воспринималась НИЦ «Мемориал»¹⁰ как «невыгодная» [Там же].

Уполномоченный по правам человека Ленинградской области С. С. Шабанов описывал Ковалевский лес как место содержания людей до расстрела, который проводился в Койранкангасе, на территории в глубине полигона: «Ну, важно теперь перейти, где же расстреливали-то все-таки? Расстреливали в Койранкангасе» [Интервью с Шабановым Сергеем Сергеевичем...]. При этом, по его мнению, Ковалевский лес был местом «страшного страдания людей» [Там же], и поэтому это пространство можно использовать для увековечения памяти жертв красного террора. «Даже если здесь не было расстрелов, даже если это не совсем так, это все равно место то, где можно говорить об истории этих событий. Вот место подходящее, вот все,

⁶ Организация, выполняющая функции иностранного агента.

⁷ Организация, выполняющая функции иностранного агента.

⁸ Организация, выполняющая функции иностранного агента.

⁹ Организация, выполняющая функции иностранного агента.

¹⁰ Организация, выполняющая функции иностранного агента.

я бы даже так сказал» [Интервью с Шабановым Сергеем Сергеевичем...].

Койранкангас представляет собой труднодоступную территорию («там доступа нет, то есть там ничего не сделать» [Там же]) и закрыт для въезда в течение года, кроме одного выходного дня в середине октября, приуроченного ко Дню памяти жертв политических репрессий 30 октября («Койранкангас — это глубоко внутри полигона. Шлагбаум и въезд только раз в году» [Там же]), там «кроме захоронений ничего нет» [Там же], а Ковалевский лес расположен удобнее. Несмотря на то что это все еще территория военного полигона, она находится с его краю и имеет «осязаемое здание», поэтому относительно легко может быть «вырезана» [Там же] для создания там музейного комплекса.

Несмотря на предлагаемые актерами различные «тексты» о том, был ли Ковалевский лес местом массовых расстрелов, все мнемонические актеры считали эту территорию значимой для увековечения памяти жертв красного террора и высказывались о создании памятного места в Ковалевском лесу как о необходимости: «первые жертвы были здесь» [Интервью со Степановым Александром Олеговичем...], «...а где еще можно было бы говорить о событиях, вот этих событиях, здесь. В Ленобласти больше такого места нет» [Интервью с Шабановым Сергеем Сергеевичем...].

Конфликтные ситуации между актерами возникали также по поводу фигур, которых они связывали с коммеморативным проектом. А. Степанов считал возможным использовать Ковалевский лес как место увековечения памяти митрополита Вениамина Петроградского, расстрелянного летом 1922 г. Настоятель сообщал, что о месте его захоронения ничего не известно и в Санкт-Петербурге на Никольском кладбище Александро-Невской лавры в его память установлен кенотаф. А. Степанов воспринимает Ковалевский лес как подходящее место для проведения панихид в память о нем, потому что он находится ближе к возможному месту расстрела: «Все-таки в той стороне, где-то, так сказать, это явно ближе к тому месту, где останки его находятся, мощи в смысле, не останки, вот» [Интервью со Степановым Александром Олеговичем...].

С. С. Шабанов считает, что митрополит мог быть расстрелян на территории Ковалевского

леса, и готов включить эту фигуру в коммеморативный проект: «Если он был расстрелян в те же годы, то он должен быть расстрелян по такой же точно схеме. Накопитель был один, никаких упоминаний про другой ничего нет...» [Интервью с Шабановым Сергеем Сергеевичем...].

И. А. Флиге считала, что Ковалевский лес нельзя рассматривать как место смерти митрополита, и отказывалась включать эту фигуру в коммеморативный проект: «Вениамина точно там нет» [Интервью с Флиге Ириной Анатольевной...]. Объясняя свою точку зрения, она отмечала, что в 1922 г. территория уже не использовалась как место массовых расстрелов. В процессе построения своего нарратива представители НИЦ «Мемориал»¹¹ особое внимание уделяли хронологическим границам событий, объясняя ими легитимность использования Ковалевского леса как места для сохранения памяти о жертвах террора. Нежелание включать в проект фигуры, предлагаемые Русской православной церковью, может объясняться опасениями НИЦ «Мемориал»¹², что Русская православная церковь займет главную роль в процессе создания памяти о терроре и его жертвах, как это произошло в некоторых других мемориальных объектах, например на Бутовском полигоне.

С фигурой Н. С. Гумилева также были связаны конфликтные ситуации. Представители НИЦ «Мемориал»¹³ считали Ковалевский лес предполагаемым местом расстрела поэта и использовали его фигуру как значимый образ для формирования коммеморативного проекта. Однако А. Степанов, рассуждая о месте предполагаемого захоронения Н. С. Гумилева, говорил о том, что достоверных сведений нет, а место было выбрано случайно, как красивое: «Ну просто красивое место, наверное, понравилось кому-то и сказал: “Наверное, уже здесь его похоронили”. Вот» [Интервью со Степановым Александром Олеговичем...], однако подтверждал, что во время проводимых им панихид имя поэта упоминалось. С. С. Шабанов рассказывал, что считал возможным рассматривать

¹¹ Организация, выполняющая функции иностранного агента.

¹² Организация, выполняющая функции иностранного агента.

¹³ Организация, выполняющая функции иностранного агента.

Ковалевский лес как предполагаемое место смерти Н. С. Гумилева, потому что это «ближе всего», «где-то здесь»: «Мы повесили там табличку, о том, что вблизи этого здания, мы написали, расстрелян поэт Николай Степанович Гумилев. Вот, чтобы как-то привязать, ну по крайней мере то, о чем мы говорим, потому что истинного места расстрела никто не знает. Что это где-то, возможно, вблизи, вот есть какие-то хотя бы свидетельства, опосредованные, другого ничего нет» [Интервью с Шабановым Сергеем Сергеевичем...].

Сообщество памяти Н. С. Гумилева в первые годы существования коммеморативного проекта отвергало возможность увековечения памяти о поэте в Ковалевском лесу, но впоследствии включило это место в свою программу коммеморативных мероприятий: «Понятно, что у нас есть различные группировки, и есть три версии, где он расстрелян. Вот, не могу сказать, что мы тут скрестили шпаги, вот, но были у нас противники наши, которые говорили, что вообще во Всеволожске, на красивом месте, ну, поэты должны быть расстреляны где-то в красоте, они же не могут расстреляны быть, как все, это понятно. Но потом они согласились, что ближе всего к нам, конечно...» [Там же].

Рядом с Ковалевским лесом расположен мемориал «Цветок жизни», созданный в память о погибших детях блокадного Ленинграда и Дороге жизни. И. А. Флиге считала необходимым объединение в коммеморативном проекте «дороги жизни» и «дороги смерти». Она рассказывала, что «Цветок жизни» — «это один из лучших памятников, на мой опять же вкус и на наш общий коллективный вкус... памятник, блокадный памятник» [Интервью с Флиге Ириной Анатольевной...]. В первоначальной идее созданной ею концепции ««Цветок жизни» и Ковалевский лес должны были как бы устроить такую переключку. И поэтому... была идея соединить несоединимое, то есть вот этот мемориальный комплекс посвятить не только террору, но и памяти о войне» [Там же]. Однако было принято решение не включать подробное обоснование этой идеи в итоговый вариант концепции из-за опасений, что она не будет одобрена. Первоначальная идея заключалась в том, что ««Цветок жизни» и место смерти рядом, это ну как бы дает возможность соединить XX век, потому что там бы заиграла

бы Дорога жизни, которая выполняла функцию дороги смерти и дороги жизни, да и вся блокадная история бы там тоже выплыла...» [Интервью с Флиге Ириной Анатольевной...], «война, присутствие блокады, и присутствие как бы войны, оно все равно обо всех, потому что и национальные операции в период войны, да и блокадный террор, он же чудовищный был, вообще для Ленинграда соизмерим с Большим террором» [Там же]. Планируя создание мемориального комплекса в Ковалевском лесу, НИЦ «Мемориал»¹⁴ рассматривал идею посвящения его многим темам трудного прошлого: «смысл этой концепции, что, да, на историческом месте, но обо всем» [Там же]. Проекты НИЦ «Мемориал»¹⁵ были направлены на создание условий для обращения к теме прав человека и их нарушений, увековечение памяти всех жертв насилия и извлечение этического вывода из создаваемого нарратива, но подобные идеи часто встречали сопротивление других акторов.

Разрабатывая собственную концепцию памятного места в Ковалевском лесу, С. С. Шабанов не разделял точку зрения И. А. Флиге о необходимости объединения истории блокады Ленинграда и Дороги жизни и истории красного террора: «Ну это разные времена, во-первых, и разное содержание. И очень страшно, что «Цветок жизни» рядом со смертью, поэтому как-то совершенно не должно совпадать и ни в одном буклете попадаться не должно. Дорога жизни, «Цветок», то есть это надежда и человеческая жизнь. А здесь-то смерть. Здесь трагедия, здесь горе» [Интервью с Шабановым Сергеем Сергеевичем...].

Если НИЦ «Мемориал»¹⁶ предлагал использовать Ковалевский лес для распространения информации о всех жертвах советского периода, то уполномоченный фокусировался только на увековечении памяти жертв политических репрессий, стараясь не усложнять создаваемый нарратив. Несмотря на различие позиций, этот конфликт не стал препятствием для развития коммеморативного проекта Ковалевского леса.

¹⁴ Организация, выполняющая функции иностранного агента.

¹⁵ Организация, выполняющая функции иностранного агента.

¹⁶ Организация, выполняющая функции иностранного агента.

В ходе деятельности рабочей группы и формирования проекта Ковалевского леса у представителей Русской православной церкви и НИЦ «Мемориал»¹⁷ возникла конфликтная ситуация по поводу вовлеченности акторов в процесс увековечения памяти жертв. А. Степанов рассказывал: «Немного были трения у нас с “Мемориалом”¹⁸ у меня, потому что церковь хотела, чтобы там какой-то храм был тоже, памятник или что-то в этом роде, где можно было бы церковно поминать...» [Интервью со Степановым Александром Олеговичем...], «ну, в общем, она [И. А. Флиге], она яв... не хотела, чтобы церковь взяла это в свои руки, то есть это дело все-таки как бы более широкое, общественное, вот, и, значит, она хотела за столбить это за “Мемориалом”¹⁹ и просто боялась, что если там появится храм, ну вот они все, церковники, заграбастают там, да, хотя ровным счетом никаких на этот счет идей у нас не было, мы готовы были сотрудничать, пожалуйста, все, что мы знаем, мы вам дадим, а вы поделитесь своим, ну, в общем, это так уже, такие мелкие какие-то там были шероховатости, но во всяком случае вот план был такой» [Там же].

Он считал, что во многом такое мнение И. А. Флиге было обусловлено ее позицией в отношении церкви и религии [Там же]. Отмечая, что НИЦ «Мемориал»²⁰ «очень не нравилось то, что сделано было в Москве, на Бутовском полигоне», он указывал и на положительные стороны такой деятельности: «Там действительно церковь взяла в свои руки это дело, но там и очень много сделано. Там огромный тоже и комплекс, и музей, и все, чего там только нету. Вот, поскольку другие организации как-то, ну не получали такого одобрения от государства, может быть, за счет этого, может быть, не так уж и как-то там упорно стремились что-то сделать, а церкви передали, вот там храм построен и...» [Там же].

Е. Махотина, описывая проект увековечения памяти жертв сталинских репрессий

в Бутово, объясняла значимость этого места для Русской православной церкви тем, что «при идентификации жертв расстрелов выявился беспримерно высокий процент священников», что в итоге способствовало наиболее отчетливому проявлению «церковной культуры памяти». В процессе увековечения памяти о новомучениках Русская православная церковь характеризует репрессии как «жертвы ради веры» [Махотина, 148–149], которые «способствовали возрождению и развитию Русской православной церкви и содействуют созданию лучшего будущего для всей нации» [Bogumil, 83]. Однако церковная память фокусируется на жертвах, и «вместо рационального осмысления реальных структур и техник террора посетитель Бутово выносит для себя лишь религиозный универсальный контекст борьбы добра со злом и искупления» [Махотина, 150]. Религиозный язык памяти о жертвах репрессий используется и в других местах коммеморации, таких как Сандармох, Левашовская пустошь, Коммунарка, Соловецкие острова и места, связанные с системой ГУЛАГа. Религиозные знаки представляют собой универсальный символ трагедии, выражают «своей формой отчуждение от советского» [Там же, 146] и защищают памятник от демонтажа [Там же, 156]. Однако такой язык памяти часто вызывает критику со стороны светских организаций, что можно заметить и на примере Ковалевского леса.

Как отмечала И. А. Флиге, «наша позиция была... гражданская, да, что это гражданское должно быть место, а не церковное, и это первое, а второе — то, что... то, что нельзя, чтобы была только одна конфессия» [Интервью с Флиге Ириной Анатольевной...]. Стремясь создать исследовательский центр, НИЦ «Мемориал»²¹, осваивая значимое для него пространство Ковалевского леса, отказывался делить его с Русской православной церковью и ограничивал территорию для постройки религиозных сооружений. Участвуя в создании коммеморативного проекта Ковалевского леса, НИЦ «Мемориал»²² часто занимал позицию мнемонического борца, как его понимает О. Ю. Малинова, то

¹⁷ Организация, выполняющая функции иностранного агента.

¹⁸ Организация, выполняющая функции иностранного агента.

¹⁹ Организация, выполняющая функции иностранного агента.

²⁰ Организация, выполняющая функции иностранного агента.

²¹ Организация, выполняющая функции иностранного агента.

²² Организация, выполняющая функции иностранного агента.

есть представляя «свое видение прошлого как единственно верное», стремясь «делегитимизировать нарративы оппонентов, проводя границу “свой” — “чужой”» [Малинова, 36] и отказываясь принимать точку зрения других акторов. Однако с течением времени для успешной реализации проекта был готов занять более принимающую позицию в отношениях. Исследовательский центр в Ковалевском лесу не был создан, однако проведение и религиозных мероприятий Русской православной церковью, и образовательных экскурсий, и других мероприятий НИЦ «Мемориал»²³ стало частями коммеморативного проекта.

Конфликтные ситуации во время формирования коммеморативного проекта Ковалевского леса возникали также по поводу установленных там памятных знаков. При этом критика деятельности активистов объединяла основных акторов, позиционировавших себя как экспертов по памяти и воспринимавших «простых людей» как любителей или сектантов. Акторы были готовы принимать легитимированный через науку или источники «текст» в отличие от «текста», предоставленного непрофессионалами. Так, все мнемонические акторы высказывали критику в отношении приводимых на памятных знаках сведений: «Относительно точности и ответственности материалов, которые там размещены, это очень большие вопросы, это и мне тоже было совершенно понятно, ну я никак не поощрял» [Интервью со Степановым Александром Олеговичем...]; «Вот там вон на этих стендах как раз, вот эта вот вся, такая, ну... паранаучная информация размещена» [Там же]; «Всякие апокрифические там данные размещал на этих стендах, там, непонятно откуда взявшиеся» [Там же]; «Они прилепляют туда вот это все, там, царскую семью лепят туда, там, и все подряд, то есть, и так далее» [Интервью с Шабановым Сергеем Сергеевичем...]; «А там еще не то было написано, там вообще страшное дело, че было написано» [Интервью с Флиге Ириной Анатольевной...]; «Тексты — жуть мрачная, да, с одной стороны, а с другой стороны, кто-то их писал» [Там же].

Акторы, критикуя эти памятные знаки, тем не менее оставляли их в пространстве Ковалевского леса, или не считая эту деятельность попадающей в их сферу ответственности, или придерживаясь исследовательских целей, или для сохранения атмосферы: «То, что висит на, на этих самых, на деревьях, мы срывали только совсем ветхое, которое уже совсем такое, дрянное, уже никуда не годится. Ну оно как бы, как бы антураж, то есть мы не стали разрушать» [Интервью с Шабановым Сергеем Сергеевичем...]. Пока мнемонические акторы направляли свои усилия на придание Ковалевскому лесу официального статуса и формирование собственного нарратива, неизвестные активисты, пользуясь свободой из-за отношения других акторов, конструировали еще одну версию прошлого, основой которой была история новомучеников и их почитание.

Мнемонические акторы, заинтересованные в преодолении забвения красного террора 1920-х гг. и в формировании коммеморативного проекта, увековечивающего память о жертвах, стремились и стремятся создать в Ковалевском лесу мифологизированную версию прошлого для посетителей, поэтому, даже развенчивая одни мифы, они направляют усилия на поддержку других. На основании собранных интервью можно заметить, что в качестве таких мифов акторы используют образ Ковалевского леса как места расстрелов времен красного террора 1920-х гг., как места расстрела митрополита Вениамина Петроградского или Н. С. Гумилева. В процессе развития коммеморативного проекта Ковалевский лес включает в себя все эти мифы и становится гибким пространством, в котором выделяется место для каждого.

Однако можно заметить, что с течением времени меняются позиции акторов, занимающихся коммеморативным проектом Ковалевского леса. Их взаимоотношения характеризовались наличием конфликтных ситуаций в первые годы включения в процесс создания коммеморативного проекта новых участников, но с течением времени отношения выстраивались как взаимно принимающие. Мнемонические акторы, фокусируясь на реализации проекта по созданию памяти о терроре и репрессиях, приходили к компромиссу в конфликтных вопросах. Стремясь сформировать

²³ Организация, выполняющая функции иностранного агента.

пространство для коммеморации жертв террора и репрессий или сохранить историю его развития, акторы соглашались с включением в него многих нарративов.

Несмотря на то что существует потребность в увековечении памяти о репрессиях, терроре и их жертвах, эта память вынесена за черту города. Посещающим это памятное место горожанам необходимо прикладывать дополнительные усилия или ездить туда организованными

группами только в определенные дни. И хотя Ковалевский лес расположен удобнее Койранкангаса и доступ для посетителей туда остается открытым все время, его местонахождение за чертой города может быть ограничивающим фактором: «Ну это [Соловецкий камень], это просто ближе, понимаете, уже тащиться... за тридевять земель, это тоже немножко отдельная история» [Интервью со Степановым Александром Олеговичем...].

Список источников

- Интервью со Степановым Александром Олеговичем от 03.02.2023 // Архив автора.
 Интервью с Флиге Ириной Анатольевной от 10.11.2023 // Архив автора.
 Интервью с Шабановым Сергеем Сергеевичем от 17.03.2023 // Архив автора.
 Малинова О. Ю. Режим памяти как инструмент анализа: проблемы концептуализации // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы: акторы, институты, нарративы : коллектив. моногр. / Европ. ун-т в Санкт-Петербурге, Центр изучения культурной памяти и символ. политики ; ред. А. И. Миллер, Д. В. Ефременко. СПб. : Изд-во ЕУСПб, 2020. С. 26–39.
 Махотина Е. М. Религиозный язык памяти: Россия в европейском контексте // Там же. С. 144–161.
 Шторн Е., Бутейко Д. Борьба за ограниченное пространство памяти на Соловках // Неприкосновенный запас. 2016. № 108 (4).
 Bogumil Z. Gulag Memories: the Rediscovery and Commemoration of Russia's Repressive Past / transl. P. Palmer. N. Y. ; Oxford : Berghahn Books, 2018.
 Dwyer O., Alderman D. Memorial landscapes: analytic questions and metaphors // GeoJournal. 2008. Vol. 73, № 3. Collective memory and the politics of urban space. P. 165–178.

References

- Bogumil, Z. (2018). *Gulag Memories: the Rediscovery and Commemoration of Russia's Repressive Past* / transl. P. Palmer. New York; Oxford: Berghahn Books.
 Dwyer, O., Alderman, D. (2008). Memorial landscapes: analytic questions and metaphors. *GeoJournal*, 73, 3, Collective memory and the politics of urban space, 165–178.
 Interv'yū s Flige Irinoi Anatol'evnoi ot 10.11.2023 [Interview with Irina Anatolyevna Fliege dated November 10, 2023]. *Arkhiv avtora*.
 Interv'yū s Shabanovym Sergeem Sergeevichem ot 17.03.2023 [Interview with Sergei Sergeevich Shabanov dated March 17, 2023]. *Arkhiv avtora*.
 Interv'yū so Stepanovym Aleksandrom Olegovichem ot 03.02.2023 [Interview with Alexander Olegovich Stepanov dated February 3, 2023]. *Arkhiv avtora*.
 Makhotina, E. M. (2020). Religiozniy yazyk pamyati: Rossiya v evropeiskom kontekste [Religious language of memory: Russia in the European context]. *Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge, Tsentr izucheniya kul'turnoi pamyati i simvolicheskoi politiki*. A. I. Miller, D. V. Efremenko. *Politika pamyati v sovremennoi Rossii i stranakh Vostochnoi Evropy: aktyor, instituty, narrativy: kollektivnaya monografiya*, 144–161. SPb.: Izdatelstvo EUSPb.
 Malinova, O. Yu. (2020). Rezhim pamyati kak instrument analiza : problemy kontseptualizatsii [Memory mode as a tool of analysis: problems of conceptualization]. In *Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge, Tsentr izucheniya kul'turnoi pamyati i simvolicheskoi politiki*. A. I. Miller, D. V. Efremenko (eds.). *Politika pamyati v sovremennoi Rossii i stranakh Vostochnoi Evropy: aktyor, instituty, narrativy : kollektivnaya monografiya*, 26–39. SPb.: Izdatelstvo EUSPb.
 Shtorn E., Buteiko D. (2016). Bor'ba za ogranichennoe prostranstvo pamyati na Solovkakh [The struggle for limited memory space on Solovki]. *Neprikosnovennyi zapas*, 108(4).

Сведения об авторе

Успенская Дарья Антоновна — магистрант факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия

Information about the author

Daria A. Uspenskaya — MA student of Department of History of European University at St. Petersburg, Saint-Petersburg, Russia

Статья поступила в редакцию 01.04.2024;
 одобрена после рецензирования 15.04.2024;
 принята к публикации 30.04.2024

The article was submitted 01.04.2024;
 approved after reviewing 15.04.2024;
 accepted for publication 30.04.2024

Научная статья

УДК 94(470.661-25):323 + 355.433(470.661)“2009” + 94:159.953

doi 10.15826/tetm.2024.1.058

Что хочет запомнить и забыть город Грозный? Изменения в мемориальном ландшафте в 2000–2022 гг.

Евгения Михайловна Горюшина¹, Аббаз Догиевич Осмаев²

¹Международный научно-образовательный Центр комплексных и европейских международных исследований, Центр стратегических исследований
Института мировой военной экономики и стратегии,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
egoryushina@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1800-9890>

²Комплексный научно-исследовательский институт им. Х. И. Ибрагимова
Российской академии наук, Грозный, Россия
osmaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0599-4636>

Аннотация. Статья описывает изменения в городском пространстве столицы Чеченской Республики в 2000–2022 гг. Рассматриваемый период включает активную фазу вооруженных действий второй чеченской войны, или контртеррористической операции на Северном Кавказе (завершилась 16 апреля 2009 г.), ставшей продолжением первой чеченской войны 1994–1996 гг. Однако политика переименования и десоветизации городского пространства Грозного началась задолго до 2009 г. Эти процессы привели к поэтапной национализации городской памяти, в которой стали заметны две параллельные линии памятования. Выявлено, что происходит подмена трагического и «неудобного» прошлого, связанного с периодом Великой Отечественной войны, — депортация чеченцев и ингушей в форме операции «Чечевица» в феврале 1944 г. Руководство Чеченской Республики стремится сконструировать и сохранить в мемориальном ландшафте Грозного только те объекты, которые указывают на исключительно положительную роль чеченцев в достижении Победы в 1945 г. Память о вооруженных действиях 1994–1996 и 1999–2009 гг. практически полностью нивелирована изменениями в городской топонимике. В том числе это подтверждает протестированная гипотеза авторов о существовании памяти «для своих» и памяти «для приезжих» во время экскурсии по Грозному.

Ключевые слова: Грозный, мемориальное пространство, Чеченская Республика, коллективная память, прошлое, постсоветский период

Для цитирования: Горюшина Е. М., Осмаев А. Д. Что хочет запомнить и забыть город Грозный? Изменения в мемориальном ландшафте в 2000–2022 гг. // *Tempus et Memoria*. 2024. Т. 5, № 1. С. 25–34. <https://doi.org/10.15826/tetm.2024.1.058>

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ «Институционализация коллективной памяти в постконфликтный период в Чечне: динамика и закономерности» (№ 23-28-01643).

What does the City of Grozny Want to Remember and Forget? Changes in the Memorial Landscape 2000–2022

Evgeniya M. Goryushina¹, Abbaz D. Osmaev²

¹Centre for Comprehensive European and International Studies (CCEIS),
Center for Strategic Studies of the Institute of World Military Economics and Strategy,
National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia

egoryushina@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1800-9890>

²The Kh. Ibragimov Complex Institute of the Russian Academy of Sciences, Grozny, Russia
osmaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0599-4636>

Abstract. The article describes changes in the urban space of the capital of the Chechen Republic in the period from 2000 to 2022. The period under review includes the active phase of military operations of the “second Chechen war,” or counter-terrorism operation in the North Caucasus (ended on April 16, 2009), which became a continuation of the first Chechen war of 1994–1996. However, the policy of renaming and de-Sovietization of the urban space of Grozny began long before 2009. These processes led to the gradual nationalization of urban memory, in which two parallel lines of commemoration became noticeable. It has been revealed that there is a substitution of the tragic and “inconvenient” past associated with the period of the Great Patriotic War — the deportation of Chechens and Ingush in the form of Operation “Chechevitsa” (Lentil) in February 1944. The leadership of the Chechen Republic strives to construct and preserve in the memorial landscape of Grozny only those objects that indicate the exclusively positive role of the Chechens in achieving Victory in 1945. Memory of the armed actions of 1994–1996 and 1999–2009. Almost completely leveled out by changes in urban toponymy. This is also confirmed by the authors’ tested hypothesis about the existence of memory “for our own” and “for visitors” during a tour over Grozny.

Keywords: Grozny, memorial space, Chechen Republic, collective memory, past, postsoviet period

For citation: Goryushina, E. M., Osmaev, A. D. (2024). Chto hochet zapomnit’ i zabyt’ gorod Groznyj? Izmeneniya v memorial’nom landshafte v 2000–2022 gg. [What does the City of Grozny Want to Remember and Forget? Changes in the Memorial Landscape 2000–2022]. *Tempus et Memoria*, 5, 1, 25–34. <https://doi.org/10.15826/tetm.2024.1.058>

Acknowledgments: the research carried out with the financial support of the Russian Science Foundation “Institutionalization of collective memory in the post-conflict period in Chechnya: dynamics and patterns” (№ 23-28-01643).

В 2003 г. Грозный был признан комиссией ООН самым разрушенным городом со времен Второй мировой войны (после Сталинграда). В сентябре 2009 г. город получил почетный диплом ООН-Хабитат в номинации «Постконфликтное восстановление». Однако произошло не просто восстановление городского ландшафта, а его поэтапное выстраивание; в настоящее время здесь доминируют совершенно иные политические символы, конструируется новое мемориальное пространство, призванное нивелировать травмирующее прошлое.

Изменения были связаны с политическими трансформациями: парламент Чеченской Республики Ичкерия даже переименовывал город в Джохар-гала (город Джохара, по имени Дж. Дудаева), но это имя сохранялось недолго. В 2005 г. Парламент Чеченской Республики принял решение о переименовании города в Ахмат-кала (по имени первого президента Чеченской Республики А.-Х. Кадырова). Однако ни федеральный центр, ни Р. А. Кадыров, ссылаясь на волю отца, не поддержали это решение.

Публикаций, посвященных мемориальному ландшафту Грозного, немного. Впрочем, в последние годы ряд исследователей обращаются к этой проблеме [Горюшина; Тхакахов; Ярычев].

Теоретико-методологическая основа тесно связана с разрабатываемыми в политической науке структурным институционализмом (по Т. Парсонсу) и дискурсивным институционализмом. Если первый позволяет рассматривать мемориальный процесс как взаимодействие устойчивых форм общественных ролей, то второй дает возможность изучить институционализацию коллективной памяти как столкновение дискурсов, в результате которого генерируются новые смыслы и конституируются субъекты, обновляющие институциональный контекст мемориального поля постконфликтной Чечни.

Цель данного исследования — выделить и описать ключевые изменения, произошедшие в Грозном с 2002 по 2022 г.

От десоветизации к национализации городской памяти

Начатая при Дж. Дудаеве десоветизация мемориального ландшафта Чечни была продолжена при новом правительстве А. Кадырова (с 2000 г.) и после его гибели — его сыном и нынешним главой республики Р. Кадыровым. Показательным случаем стала улица Коммунистическая в Грозном, которая была переименована в 2008 г. в улицу имени Солса-хаджи Яндарова, известного религиозного деятеля, жившего в республике в первой половине XX в. В Грозном это фактически первый случай переименования улицы в честь духовного руководителя.

Переименован и ряд других улиц в чеченской столице: в конце 2014 г. улица Розы Люксембург стала улицей имени погибшего во время теракта на День Грозного 23-летнего полицейского Хамзата Орзамиева. Улица Первомайская стала улицей имени расстрелянного большевиками религиозного деятеля шейха Али Митаева.

В 2015 г. улица Пионерская получила имя скоропостижно скончавшегося спикера парламента ЧР Дукувахи Абдурахманова; улица

Красных Фронтовиков получила название в честь Героя России Сайпуддина Лорсанова, погибшего в 2007 г. при штурме квартиры, в которой укрывались преступники. Являвшаяся традиционной для советских городов площадь Ленина стала именоваться площадью А.-Х. Кадырова.

Переименованы и те улицы, названия которых связаны с революционным движением. Например, улица Герцена стала улицей Рамзана Хаджиева, улицу Карла Маркса назвали в честь Умара Кадырова, родственника Рамзана Кадырова, погибшего во время атаки на город, и т. д. Улица Николая Чернышевского была переименована в честь советского общественного и государственного деятеля Муслима Гайрбекова, улица Стахановцев стала называться в честь этнического чеченца, единственного дважды Героя Хашимитского Королевства Иордания Ахмада Арслана.

Грозненская городская дума, которая решает вопросы переименования и наименования улиц столицы Чеченской Республики, согласно Положению о порядке наименования (переименования) улиц, площадей, скверов, парков, муниципальных учреждений и установления (демонтажа) памятников, бюстов, стел и мемориальных досок (памятных знаков) в городе Грозном [Положение...], оперативно откликается на повестку федерального и регионального уровня, тем более что не ограничена временными рамками в этом вопросе.

Масштабные изменения в грозненском мемориальном ландшафте произошли в декабре 2020 г., когда были переименованы внутригородские районы: Ленинский стал Ахматовским, Октябрьский — Байсангуровским (Байсангур Беноевский — легендарный герой Кавказской войны, наиб имама Шамиля), Старопромысловский — Висаитовским (М. Висаитов — участник Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза), Заводской — Шейх-Мансуровским (Шейх Мансур — руководитель национально-освободительного движения на Северном Кавказе в 1785–1791 гг., первый имам Кавказа) [О переименовании...].

Этим же решением переименованы внутригородские поселки: поселок Родина переименован в поселок имени Исаева Хусейна Абубакаровича (председатель Государственного совета Чеченской Республики с июня 2003 по май

2004 г., погиб в результате теракта вместе с А. Кадыровым); поселок 3-й совхоз — в поселок имени Дени-Шейха Арсанова (основатель одного из крупнейших суфийских братств, его мюриды живут в Чеченской Республике и Ингушетии); поселок Мичурина — в поселок имени шейха Дауда-Хаджи Хаджимусаева (богослов, умер в декабре 2017 г.); поселок 30-й участок — в поселок Суьйр-Корт (старинное чеченское название местности); городок Иванова — в поселок имени Дадин Айбики (легендарная чеченская девушка, погибшая при штурме села Дады-юрт в 1819 г.); поселок Соленая Балка — в поселок Дарбан-Хи («лечебная вода» (чеч.)); поселок Пригородное — в поселок имени шейха Изнаура Несерхоева (чеченский богослов); поселок Гикало (Н. Гикало — борец за установление советской власти на Северном Кавказе, герой Гражданской войны) — в поселок имени Жамалайли Элиханова (глава администрации поселка, убитый из засады членами незаконного вооруженного формирования).

23 ноября 2021 г. городок Маяковского был переименован в поселок имени Абузара Айдамира (1929–2005, чеченский писатель, поэт, прижизненный классик чеченской литературы, народный писатель Чечено-Ингушской АССР (1977), председатель Союза писателей Чечни (2004–2005)); поселок Войкова — в поселок имени Шоипа-Муллы (участник Кавказской войны, наиб имама Шамиля); поселок Кирова стал поселком имени Дагуна Омаева (чеченский актер театра и кино).

Эти переименования районов, которым насчитывалось несколько десятков лет, существенно изменили топонимику Грозного. Из его мемориального ландшафта ушли наиболее крупные объекты, не только связанные исключительно с советским периодом (Ленинский, Октябрьский районы), но и с важным этапом в истории всего региона — периодом развития промышленности в республике (Заводской, Старопромысловский районы).

Показательным направлением в современной политической топонимии республики и ее столицы стало переименование в октябре 2020 г. одной из улиц города в честь Мохаммеда Бен Зайеда Аль Нахайяна (эмир Абу-Даби и президент Объединенных Арабских Эмиратов, имеющий хорошие отношения с главой ЧР Р. Кадыровым). В республике открыт фонд

его имени, финансирующий экономические проекты, и установлена мемориальная доска с надписью о его вкладе в социально-экономическое развитие города Грозного. В Грозном уже есть улицы имени боксера Мохаммеда Али, короля Иордании Абдаллы II, парк имени его отца Хусейна бен Талала.

В январе 2021 г. «в целях увековечения памяти, за проявленную самоотверженность и героизм в борьбе с распространением COVID-19» было решено переименовать улицы Тихая, Фруктовая в Ахматовском районе города Грозного в улицы имени Эдильбиевой Каметы Исаевны, Айдамирова Рамзана Авалуевича соответственно и назвать новую улицу именем Танкиевой Манаши Амурановны; улицы Тракторная и Туговая в Байсангуровском районе города Грозного переименованы в улицу имени Солсаева Соипа Накаевича и Хизри Сайдиевича Муцурова; улица в Висаитовском районе города Грозного названа именем Нагаевой Ольги Петровны (это врачи и медицинские сестры больниц города, погибшие в борьбе с пандемией).

В мемориальном ландшафте Грозного в 2020–2022 гг. появился целый ряд улиц, названных в честь деятелей науки, культуры, образования: проректора Чеченского государственного университета им. Кадырова, доктора медицинских наук Заура Бароновича Киндарова; проректора Чеченского государственного педагогического университета, академика Академии наук Чеченской Республики, доктора педагогических наук Шавади Мадов-Хажиевича Арсалиева; проректора ГГНТУ им. академика М. Д. Миллионщикова, доктора географических наук Шарпутдина Шамсуддиновича Заурбекова; доктора филологических наук Овхада Алихаджиевича Джамбекова. Их жизни унесла пандемия.

В этот же период улица Новаторов переименована в честь народного поэта, заслуженного учителя Чечено-Ингушетии, члена Союза писателей СССР, краеведа, фольклориста и этнографа Ахмада Сулеймановича Сулейманова (1922–1995) — автора «Топонимии Чечено-Ингушетии» [Сулейманов]. Там же установлена мемориальная доска с надписью на чеченском и русском языках. Переулок Ивановский переименован в улицу профессора Сухарева Григория Михайловича (1907–1989,

инженер-нефтяник, открывший крупные месторождения, в 1952–1970 гг. — ректор Грозненского нефтяного института). Ему также установлена мемориальная доска.

Улица в Шейх-Мансуровском районе города названа именем академика Саламбека Наибовича Хаджиева (1941–2018, выдающийся ученый-нефтехимик, государственный и общественный деятель, член Российского Пагуошского комитета при Президиуме РАН, научный руководитель Института нефтехимического синтеза им. А. В. Топчиева Российской академии наук, академик РАН).

В апреле 2022 г. решено установить мемориальную доску памяти Муслима Гайрбековича Гайрбекова (общественный и государственный деятель, председатель Организационного комитета Президиума Верховного Совета РСФСР по восстановлению Чечено-Ингушской АССР, председатель Совета министров Чечено-Ингушской АССР), оставшегося в памяти народа как его истинный патриот.

В этом же месяце было принято решение о переименовании переулка Степной в переулок имени Хасана Орцуева (1953 г. р., боец вольного стиля, чемпион и призер чемпионатов СССР, чемпион мира, заслуженный мастер спорта СССР) как продолжение политики наименований улиц города именами известных спортсменов (ранее названы улицы именами Л. Яшина, Д. Багаева, У. Садаева).

Однако нельзя говорить исключительно о локализации мемориального пространства и его национализации в Грозном. Этот тезис подтверждает переименование 23 ноября 2021 г. улицы Лагерная в улицу имени Евгения Николаевича Зиничева (министр Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, погиб в сентябре 2021 г.) и улицы Тверская — в улицу имени Александра Владимировича Захарченко (глава Донецкой Народной Республики, погиб в 2018 г.) в мае 2022 г.

Таким образом, в области городской топонимики Грозного произошли изменения в названиях памятников, улиц, объектов инфраструктуры, за которым следовали скрытый потенциал нивелирования предыдущих этапов истории и необходимость соответствия новым политическим трендам.

Память о войне

Звание «Город воинской славы» Грозному присвоено 6 апреля 2015 г. По этому случаю в центре города установлена стела, выпущена почтовая марка, а Банком России введена в оборот памятная монета достоинством 10 рублей. Военное прошлое Грозного на официальном уровне прочно увязано с памятью о Великой Отечественной войне, а не с вооруженным конфликтом постсоветского периода.

В локальной памяти Чеченской Республики события 1941–1945 гг. выступают моральным императивом, поскольку они связаны с опровержением обвинений в коллаборационизме и предательстве. Можно утверждать, что мемориализация памяти о Великой Отечественной войне оказалась консолидирующей силой в условиях постконфликтного восстановления республики. В первую очередь это отразилось в изменениях мемориального ландшафта Грозного. Еще в советские годы отдельные улицы города носили имена участников Великой Отечественной войны, но среди них за редким исключением не было имен чеченцев и ингушей. Эта ситуация стала меняться с окончанием активной фазы вооруженных действий 1999–2009 гг.

Символической «точкой сборки» ландшафта Грозного выступает Мемориальный комплекс Славы имени А. А. Кадырова, посвященный Победе в Великой Отечественной войне. Его название одновременно указывает и на увековечение имени первого президента Чеченской Республики, погибшего в результате теракта 9 мая 2004 г. Этот комплекс впечатляет масштабом, он был открыт 8 мая 2010 г., накануне 65-летия Победы. На его территории установлены бюсты Героев Советского Союза (уроженцев ЧИАССР, что усиливает национальный компонент памяти) и военная техника разного времени [Распоряжение...].

Значение Грозного во время Великой Отечественной войны олицетворяет стела «Город воинской славы», расположенная в центре мемориального городского пространства напротив мечети «Сердце Чечни» имени Ахмата Кадырова.

Спустя три года Р. А. Кадыров открыл памятник командиру взвода, Герою Советского Союза Ханпаше Нурадилову, уничтожившему 920 фашистов [Нурадилов...]. Он был

установлен на проспекте Ахмата Кадырова 9 мая 2018 г. После этого 6 сентября 2018 г., в День Чеченской Республики, на территории Мемориального комплекса Славы в одном ряду с десятью Героями Советского Союза, уроженцами ЧИАССР, был также установлен бюст Х. Нурадилова. В советские годы его бюст был установлен на территории колонии для подростков в с. Старая Сунжа (в настоящее время городской поселок Ахматовского района Грозного), в его честь была названа улица в чеченской столице.

Памятник-бюст другому Герою Советского Союза, военному летчику времен Великой Отечественной войны Ф. Б. Бубликову, был открыт 8 октября 2014 г. на Центральном грозненском кладбище. Этот мемориальный объект примечателен тем, что установлен еще в 1972 г., но был разрушен в ходе вооруженных действий постсоветского конфликта и восстановлен руками учителя живописи и рисования Автуринской детской школы искусств И. Хатуева. На этом же кладбище расположены надгробные памятники многим участникам Великой Отечественной войны [Абалаева]. Известно, что в 1950 г. здесь были перезахоронены останки погибших советских воинов: из 7 братских и 85 одиночных могил они были перенесены в общую братскую могилу, над которой установлен памятник за авторством И. Твердохлебова. В течение нескольких лет памятник пять раз подвергался реконструкции (1975, 2007, 2009, 2011, 2012), а в настоящее время стал одним из ключевых «мест памяти», связанных с Великой Отечественной войной в Чеченской Республике.

У входа в главный корпус Грозненского государственного нефтяного технического университета имени академика М. Д. Миллионщикова в марте 2021 г. был восстановлен памятник преподавателям и студентам-участникам войны (шестеро из них стали Героями Советского Союза), который впервые был установлен перед другим, разрушенным в ходе боевых действий 1994–1996 гг. корпусом университета в 1985 г. [Историческая память...]

В преддверии 65-летия Победы в апреле 2010 г. именами ветеранов войны была названа 21 улица чеченской столицы, а к 70-летию — еще 19 улиц столицы стали носить имена Героев Советского Союза и России, связанных

с республикой; к 78-й годовщине более 100 улиц города носят имена участников войны.

В 2014 г. решением Совета депутатов города Грозного было принято решение об установлении мемориальной доски на доме № 3 по улице Орджоникидзе в честь А. П. Дрягалова — ветерана Великой Отечественной войны, кавалера боевых орденов, с 1962 по 1972 г. возглавлявшего республиканскую контору Госбанка СССР в Грозном [Измалкова].

23 февраля 2020 г. на карте Грозного появились памятник и улица имени Вахи Алиева — уроженца с. Чечен-аул, который подростком убежал на фронт, храбро воевал и был осужден за протестное письмо И. Сталину, когда узнал о депортации чеченцев и ингушей [В Грозном появилась улица...].

Еще в декабре 1968 г. в Заводском районе города (с 2020 г. — Шейх-Мансуровский) был установлен первый в СССР памятник пожарным (скульптор Р. Мамилов), погибшим при тушении пожаров в начале октября 1942 г. после массированного налета фашистской авиации. Памятник представляет собой фигуру бойца-пожарного, укрощающего огонь, который вырывается из вражеской авиабомбы. В ходе боевых действий в Чеченской Республике в 1994–1996 и 1999–2000 гг. этот памятник получил повреждения, восстановлен он был в начале 2000-х. В апреле 2016 г. сотрудники МЧС также восстановили мемориал на городском кладбище в Ленинском районе (в настоящее время — Ахматовский), возведенный над братской могилой шестерых пожарных.

Городские власти продолжают политику увековечения имен участников Великой Отечественной войны. Так, в обозначенный период были названы улицы именами Героя Советского Союза Петра Максимовича Крутова, Арби Идрисовича Идрисова, Ивана Ивановича Гурина.

При этом происходит подмена трагического и «неудобного» прошлого, связанного с периодом Великой Отечественной войны, — депортацией чеченцев и ингушей в форме операции «Чечевица» в феврале 1944 г. Руководство республики стремится отразить в городском ландшафте только те объекты, связанные с 1941–1945 гг., которые указывают на победу в войне, исключительно положительную роль чеченцев в ее достижении, реабилитацию этого

народа в борьбе против немецко-фашистской оккупации. Память о Великой Отечественной войне, кажущаяся одинаковой для чеченцев и ингушей (сказывается официальный нарратив о Победе 1945 г. времен СССР), совершенно различается в городском пространстве Грозного. В столице отсутствуют «места памяти», которые могли бы указывать на совместное прошлое чеченцев и ингушей (кроме памятника Дружбы народов), даже с учетом консолидирующей функции памяти о Великой Отечественной войне на страновом уровне.

Две памяти?

Городское пространство современного Грозного сохраняет две разные памяти — память «для своих» и память «для приезжих», ориентированные на разные аудитории, предлагающие соответственно разные нарративы и допускающие многочисленные фигуры умолчания. Для проверки этого тезиса в мае авторами статьи была проведена экскурсия по Грозному с русским гидом, не проживающим в Грозном. Исследовательская идея заключалась в том, чтобы проверить гипотезу о существовании в республике памяти «для своих» и памяти «для приезжих».

Ее тестирование продемонстрировало, что у местных гидов не выработан текст экскурсионного нарратива. Е. М. Горюшиной была проведена групповая экскурсия (мужчина 64 лет, две женщины 58 и 62 лет, г. Москва) в два этапа на безвозмездной основе, позволившая определить основной круг вопросов, интересующих экскурсантов нечеченской национальности. Это подтвердило гипотезу о разных аудиториях, нарративах и умолчаниях.

К первому кругу относились вопросы о том, почему в современной Чеченской Республике туристам «извне» показывают преимущественно объекты религиозного культа (многочисленные мечети и церковь Архангела Михаила). Ко второму кругу относились вопросы, почему во время экскурсии не упоминают травмирующие события из недавнего исторического прошлого: события 1994 г. (ввод федеральных войск и отражение этого события в городском пространстве), депортацию 1944 г. В частности, современный район «Минутка» с только что выстроенными небоскребами

в дубайском стиле полностью нивелировал трагическое прошлое двух военных периодов Чечни: 1994–1996 и 1999–2009 гг.

Сегодня площадь «Минутка» пересекается с проспектом А. Кадырова, улицами Сайханова (советский государственный деятель, нарком просвещения Чеченской автономной области) и Абдаллы II Бен Аль-Хусейна (король Иордании с 1999 г.). Во времена СССР эта площадь называлась Октябрьской, с 1991 г. — площадью Н. Хрущева, название «Минутка» долгое время было исключительно народной топонимикой. Ранее здесь проходила узкоколейная железная дорога, по которой перевозили рабочих на нефтезавод. Состав стоял здесь только минуту, благодаря чему закрепилось название площади. На первом этапе вооруженного противостояния 31 декабря 1994 г. перед федеральными войсками была поставлена боевая задача выйти к улице Ханкальская — площади «Минутка». Именно здесь происходили кровопролитные бои, а федеральные войска несли значительные потери в условиях сложного городского ландшафта.

«Точкой сборки» двух памятей в городском пространстве современного Грозного стал бывший проспект Победы. Его история примечательна тем, что здесь шли ожесточенные бои между федеральными войсками и вооруженными формированиями Чеченской Республики Ичкерия.

Еще в 1821 г. стала появляться улица, на которой селились семьи солдат. В 1848 г. и крепость, и улицы, находящиеся за ее пределами, были переименованы в станицу Грозненскую. После этого улица получила свое первое название согласно выполняемой ею функции — Граничная. В 1920 г. ее переименовали в улицу 11 августа — в честь победы красного движения над белым в боях за Грозный.

В 1950 г. на фоне появления широких улиц (проспектов) в Москве эта улица в Грозном получила статус проспекта и надолго закрепила память о Победе в Великой Отечественной войне.

Однако в ходе вооруженных действий постсоветского периода название проспекта Победы неоднократно менялось. В 1993 и 1996 гг. он переименовывался в честь Исы Арсемикова (в различных источниках его называют ученым, поскольку он окончил аспирантуру, но так

и не получил ученую степень), сторонника независимости Чечни, депутата парламента, избранного в 1991 г., погибшего здесь в результате обстрела.

В 1995 и 2000 гг., после окончания активной фазы вооруженных действий и установления федеральной власти в городе, проспекту вернули прежнее название и он вновь стал именоваться в честь Победы.

Именно этот проспект в 2004 г. оказался первой восстановленной улицей в Чеченской Республике. В 2008 г. его реконструировали, воссоздав исторический облик 1950-х гг. Тогда же проспект был переименован в честь В. В. Путина.

Однако это не единственный в республике случай наименования в честь президента России. Закрепление федерального нарратива и соответственно нивелирование нарратива о сепаратизме выразилось в появлении целого района чеченской столицы — Путинский [В Грозном создадут регион...].

Закрепление официального нарратива в символическом пространстве Грозного также происходит с помощью коммеморативных практик. Они призваны нивелировать прошлое о вооруженном противостоянии Чечни и ее борьбе с Россией в различные исторические периоды, включая период Кавказской войны.

В 2008 г. на площади им. А. Кадырова проходила масштабная коммеморативная акция в форме официальных торжеств по случаю 420-летия установления добрососедских отношений между Россией и Чечней. Она также позволила закрепить в республиканском нарративе политическое значение фигуры первого президента ЧР А. Х. Кадырова и увязать ее со страновым нарративом и президентом страны В. В. Путиным: «Тем самым мы отмечаем выдающиеся заслуги В. Путина перед нашей республикой, который явился настоящим спасителем чеченского народа. Именно он, поддержав в свое время Ахмата Кадырова, сумел остановить здесь войну...» [Прспект Победы...].

Во время стандартной туристической экскурсии местные гиды обходят «неудобные» места, начиная свой рассказ от храма Михаила Архангела, продолжая в Парке цветов (около небоскребов), далее — смотровая площадка на одной из этих высоток, бульвар М. Эсамбаева в центре Грозного и, наконец,

мемориал Ахмата-Хаджи Кадырова с отдельной экскурсией внутри по желанию. Данные экскурсионные места следует отнести к так называемой «доблестной памяти». При этом с памятью о «чеченских» войнах и конфликтах дело обстоит совершенно иначе: вводятся фигуры умолчания, туристам не показываются мемориальные таблички.

Так, вблизи бульвара М. Эсамбаева (со стороны проспекта В. В. Путина) на доме имеется табличка Г. А. Угрюмову (в честь которого названа улица в Грозном). Рядом с Национальной библиотекой Чеченской Республики им. А. А. Айдамирова установлена небольшая стела, посвященная Г. А. Угрюмову: «Улица названа в честь Угрюмова Германа Алексеевича, Героя России, вице-адмирала, заместителя директора ФСБ России, руководившего в 2001 г. региональным оперативным штабом на Северном Кавказе». Отдельные местные жители высказали возмущение по поводу установки памятника и переименования улицы 19 марта 2014 г. Улица, на которой расположена стела, называлась до недавнего времени Дагестанская.

«Силовой» компонент городского мемориального пространства Грозного также включает протяженную улицу генерала Г. Н. Трошева, появившуюся в результате переименования улицы Краснознаменной в сентябре 2008 г. Будучи уроженцем Грозного, Трошев командовал Объединенной группировкой федеральных войск на Северном Кавказе. Официальных документов о переименовании в открытом доступе нет, но в «Российской газете» от 22.09.2008 г. приводится следующая формулировка: «За особые заслуги перед чеченским народом, огромный вклад в дело восстановления мира и стабильности на чеченской земле» [Мацур].

Таким образом, городское пространство столицы Чеченской Республики в период с 2000 по 2022 г. оказалось десоветизированным и национализированным. В результате этого появились две параллельные линии коммеморации. Одна вписана в государственный (официальный) нарратив о Победе в Великой Отечественной войне, за скобки которого выводится память о насильственном выселении 1944 г. Другая, напротив, отражает региональный нарратив, основанный на трагическом,

но «неудобном» прошлом (депортация 1944 г. и ее последствия). Однако он никак не запечатлен в мемориальном пространстве чеченской столицы, за исключением надгробных камней (чурты) в составе Мемориала памяти погибших в борьбе с международным терроризмом, который находится на площади Ахмата Кадырова напротив мечети «Сердце Чечни». Следует уточнить, что чурты не сопровождаются никакой исторической справкой в этом мемориале

и есть вероятность того, что не только туристы, но и молодое поколение чеченцев не владеет информацией о важности данного «места памяти».

При этом память о вооруженных действиях 1994–1996 и 1999–2009 гг. практически полностью нивелирована изменениями в городской топонимике, где наряду с символами национальной культуры фиксируются такие фигуры как В. В. Путин, Г. А. Угрюмов, Г. Н. Трошев.

Список источников

- Абалаева М. Мы помним героев своих // Вести республики. 2023. 23 янв. № 6(3299).
- В Грозном появилась улица имени героя Великой Отечественной войны Вахи Алиева // Информационное агентство ТАСС. 23.02.2020. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7823947> (дата обращения: 24.02.2024).
- В Грозном создадут район Путинский // РИА Новости. 17.04.2024. URL: <https://ria.ru/20240417/groznyy-1940539227.html> (дата обращения: 20.04.2024).
- Горюшина Е. М. Непримируемые нарративы «о другом»: изучение памяти о вооруженном конфликте в Чечне // *Ideology and Politics Journal*. 2020. № 2 (16). С. 279–302.
- Измалкова Е. А. Живой среди павших (памяти А. П. Дрягалова) // Деньги и кредит. 2015. № 5. С. 24–26.
- Историческая память: состоялось открытие памятника преподавателям, сотрудникам и студентам ГНИ // Грозненский государственный нефтяной технический университет имени академика М. Д. Миллионщикова : офиц. сайт. 15.03.2021. URL: <https://gstou.ru/news.php?id=588> (дата обращения: 24.02.2024).
- Мацур М. В Грозном появилась улица Геннадия Трошева // Российская газета : интернет-портал. 23.09.2008. URL: <https://rg.ru/2008/09/23/troshev.html> (дата обращения: 20.04.2024).
- Нурадилов Ханпаша Нурадилович // Информационная система «Память народа». URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie150023792/ (дата обращения: 28.03.2024).
- О переименовании районов и внутригородских поселков города Грозного (в ред. Решения Грозненской городской думы от 29.12.2020 № 71) // Грозненская городская дума : офиц. сайт. 29.12.2020. URL: <http://grozorduma.ru/wp-content/uploads/2020/12/N-71-Решение-ГрД-о-переименовании-районов-и-внутригородских-поселков.pdf> (дата обращения: 29.03.2024).
- Положение о порядке наименования (переименования) улиц, площадей, скверов, парков, муниципальных учреждений и установления (демонтажа) памятников, бюстов, стел и мемориальных досок (памятных знаков) в городе Грозном (в ред. Решения Грозненской городской думы от 30.12.2021 № 42) // Грозненская городская дума : офиц. сайт. 30.12.2021. URL: <https://docs.cntd.ru/document/450382267> (дата обращения: 28.03.2024).
- Проспект Победы в Грозном переименован в проспект Путина // Грозный-информ : информ. агентство Чеченской Республики. 05.10.2008. URL: <https://www.grozny-inform.ru/news/politic/8981/?ysclid=lv20h838wm833018289> (дата обращения: 20.04.2024).
- Распоряжение Правительства Чеченской Республики от 12 апреля 2010 г. № 142-р «О государственном учреждении культуры “Мемориальный комплекс Славы им. А. А. Кадырова”» // «Гарант» : информ.-правовой портал. URL: <https://clck.ru/34rqHx> (дата обращения: 22.03.2024).
- Сулейманов А. С. Топонимия Чечни. Нальчик : Эль-Фа, 1997.
- Тхакахов В. Х. Карта города: символическая трансформация пространства на Северном Кавказе // Социол. исслед. 2017. Т. 5, № 5. С. 17–25.
- Ярычев Н. У. Мемориальный нейминг: основные тренды в сфере наименований объектов городской среды современной Чеченской Республики (на примере города Грозный) // Вестн. Кемер. гос. ун-та культуры и искусств. 2022. № 58. С. 81–86.

References

- Abalaeva, M. (2023). My pomnim geroev svoih [We remember our heroes]. *Vesti respubliki*, 23.01.2023, 6(3299).
- V Groznom pojavilas' ulica imeni geroja Velikoj Otechestvennoj vojny Vahi Alieva [A street named after the hero of the Great Patriotic War Vakha Aliyev appeared in Grozny]. *Informacionnoe agentstvo TASS*, 23.02.2020. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7823947> (accessed: 24.02.2024).
- V Groznom sozhdadut rajon Putinskij [Putinsky district will be created in Grozny]. *RIA Novosti*, 17.04.2024. URL: <https://ria.ru/20240417/groznyy-1940539227.html> (accessed: 20.04.2024).
- Goryushina, E. M. (2020). Neprimirimye narrativy «o drugom»: izuchenie pamjati o vooruzhennom konflikte v Chechne [Irreconcilable narratives about “The Other”: Memory research of the armed conflict in Chechnya]. *Ideology and Politics Journal*, 2(16), 279–302.

Izmalkova, E. A. (2015). Zhivoj sredi pavshih (pamjati A. P. Drjagalova) [Alive among the fallen (in memory of A. P. Dryagalov)]. *Den'gi i kredit*, 5, 24–26.

Istoricheskaja pamjat': sostojalos' otkrytie pamjatnika prepodavateljam, sotrudnikam i studentam GNI [Historical memory: the opening of a monument to teachers, staff and students of the State Research Institute took place]. *Oficial'nyj sajt Groznenskogo gosudarstvennogo nefljanogo tehničeskogo universiteta imeni akademika M. D. Millionshhikova*, 15.03.2021. URL: <https://gstou.ru/news.php?id=588> (accessed: 24.02.2024).

Macur, M. (2008). V Groznom pojavilas' ulica Gennadija Trosheva [Gennady Troshev Street appeared in Grozny]. *Internet-portal "Rossijskoj gazety"*, 23.09.2008. URL: <https://rg.ru/2008/09/23/troshev.html> (accessed: 20.04.2024).

Nuradilov Hanpasha Nuradilovich. *Informacionnaja sistema "Pamjat' naroda"*. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie150023792/ (accessed: 28.03.2024).

O pereimenovanii rajonov i vnutrigorodskih posjolkov goroda Groznogo (v red. Reshenija Groznenskoj gorodskoj Dumy ot 29.12.2020 № 71) [On the renaming of districts and intra-urban settlements of the city of Grozny (as amended by the Resolution of the Grozny City Duma dated December 29, 2020 No. 71)]. *Oficial'nyj sajt Groznenskoj Gorodskoj Dumy*, 29.12.2020. URL: <http://grozgoduma.ru/wp-content/uploads/2020/12/Nº-71-Reshenie-GgD-o-pereimenovanii-rajonov-i-vnutrigorodskih-poselkov.pdf> (accessed: 29.03.2024).

Polozhenie o porjadke naimenovaniya (pereimenovaniya) ulic, ploshhadej, skverov, parkov, municipal'nyh uchrezhdenij i ustanovleniya (demontazha) pamjatnikov, bjustov, stel i memorial'nyh dosok (pamjatnyh znakov) v gorode Groznom (v red. Reshenija Groznenskoj gorodskoj Dumy ot 30.12.2021 № 42) [Regulations on the procedure for naming (renaming) streets, squares, squares, parks, municipal institutions and installing (dismantling) monuments, busts, steles and memorial plaques (memorial signs) in the city of Grozny (as amended by Resolution of the Grozny City Duma dated December 30, 2021 No. 42)]. *Oficial'nyj sajt Groznenskoj gorodskoj Dumy*, 30.12.2021. URL: <https://docs.cntd.ru/document/450382267> (accessed: 28.03.2024).

Prospekt Pobedy v Groznom pereimenovan v prospekt Putina [Pobeda Avenue in Grozny has been renamed Putin Avenue]. *"Groznyj-inform"*, *Informacionnoe agentstvo Chechenskoj Respubliki*, 05.10.2008. URL: <https://www.grozny-inform.ru/news/politic/8981/?ysclid=lv20h838wm833018289> (accessed: 20.04.2024).

Rasporjazhenie Pravitel'stva Chechenskoj Respubliki ot 12 aprelja 2010 g. № 142-r "O gosudarstvennom uchrezhdenii kul'tury "Memorial'nyj kompleks Slavy im. A. A. Kadyrova" [Order of the Government of the Chechen Republic dated April 12, 2010 № 142-r "On the state cultural institution "Memorial Complex of Glory named after A. A. Kadyrov"]. *Informacionno-pravovoj portal "Garant"*. URL: <https://clck.ru/34rqHx> (accessed: 22.03.2024).

Suleymanov, A. S. (1997). *Toponimija Chechni* [Toponymy of Chechnya]. Nalchik: El-Fa.

Thakahov, V. H. (2017). Karta goroda: simvolicheskaja transformacija prostranstva na Severnom Kavkaze [City map: symbolic transformation of space in the North Caucasus]. *Sociologičeskije issledovanija*, 5, 5, 17–25.

Jarychev, N. U. (2022). Memorial'nyj nejming: osnovnye trendy v sfere naimenovaniy ob'ektov gorodskoj sredy sovremennoj Chechenskoj respubliky (na primere goroda Groznyj) [Memorial naming: main trends in the field of naming objects of the urban environment of the modern Chechen Republic (using the example of the city of Grozny)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 58, 81–86.

Сведения об авторе

Горюшина Евгения Михайловна, кандидат политических наук, научный сотрудник Международного научно-образовательного центра комплексных и европейских международных исследований, ведущий эксперт Центра стратегических исследований Института мировой военной экономики и стратегии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Осмаев Аббаз Догиевич, доктор исторических наук, заместитель директора по науке Комплексного научно-исследовательского института им. Х. И. Ибрагимова РАН, Грозный, Россия.

Information about the author

Evgeniya M. Goryushina, Cand. Sci. (Political Science), Researcher, International Scientific and Educational Center for Comprehensive and European International Studies, Leading expert at the Center for Strategic Studies, Institute of World Military Economics and Strategy, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.

Abbaz D. Osmaev, Doct. Sci (Historical Sciences), Deputy Director for Science, The Kh. Ibragimov Complex Institute of the Russian Academy of Sciences, Grozny, Russia.

Статья поступила в редакцию 13.05.2024;
одобрена после рецензирования 20.05.2024;
принята к публикации 01.06.2024

The article was submitted 13.05.2024;
approved after reviewing 20.05.2024;
accepted for publication 01.06.2024

Научная статья

УДК 304.9:930.1 + 101:316.1 + 316.422.44 + 008 + 321.74 + 330.46

doi 10.15826/tetm.2024.1.059

Проблема управления в условиях контингентной исторической темпоральности

Владислав Романович Калинин

Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия

kalinin-vr@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7873-4683>

Аннотация. Автором предпринята попытка эксплицировать изменения исторического контекста управленческой деятельности. Философия истории служит основанием, формирующим смыслополагание и целеполагание управленчества. Прогрессистские схемы отчетливо проявлялись в управлении в XIX–XX вв., однако в XXI в. прогресс перестал быть господствующей философией исторического времени. На смену ей приходят иные версии темпоральности, образуя тем самым новые проблемы для управленческих теорий и практик. Автор нацелен на выявление условий изменений исторических форм темпоральности как оснований целеполагания управления, на проблематизацию смысла и форм управлений в контексте контингентности. В тексте прослеживается трансформация управленческих форм, вызванная изменением контекстов исторической темпоральности. Отмечено, что потеря стратегического видения будущего в управленческой деятельности изменяет как практики управления, так и задачи, которые предъявляются управлению. Вместе с тем управленческие формы знания (модернистские науки), ранее господствовавшие в рамках прогрессистских схем истории, в контексте контингентной темпоральности показывают свою непригодность. Распространение контингентности как исторической схемы восприятия исторического времени образует проблематику смысла управления; горизонт будущего, служивший ранее ориентиром в управленчестве и мотивирующий на качественные изменения социального порядка через управленческие воздействия (планирование), исчезает. Основная задача философии управления, таким образом, состоит в том, чтобы сформировать ответы на те вызовы, которые бросает ей новая версия философии истории.

Ключевые слова: историческая темпоральность, прогресс, девелопментализм, контингентность, управление.

Для цитирования: Калинин В. Р. Проблема управления в условиях контингентной исторической темпоральности // *Tempus et Memoria*. 2024. Т. 5, № 1. С. 35–46. <https://doi.org/10.15826/tetm.2024.1.059>

Благодарности: автор признателен Атнашеву Тимур за плодотворное обсуждение темы, а также всем участникам исследовательского воркшопа «Историческая темпоральность и стратегическое управление». Конкретные выводы и формулировки остаются на моей совести.

© Калинин В. Р., 2024

Original article

The Problem of Management in Conditions of Contingent Historical Temporality

Vladislav R. Kalinin

Russian Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.
kalinin-vr@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7873-4683>

Abstract. The author makes an attempt to explicate the changes in the historical context of managerial activity. The philosophy of history serves as a basis that shapes the meaning-making and goal-setting of managerialism. Progressist schemes were clearly manifested in management in the XIX–XX centuries, but in the XXI century progress is no longer the dominant philosophy of historical time. It is being replaced by other versions of temporality, thus forming new problems for managerial theories and practices. The author aims at identifying the conditions of changes in historical forms of temporality as the basis of management goal-setting, at problematizing the meaning and forms of management in the context of contingency. The text traces the transformation of managerial forms caused by the changing contexts of historical temporality. It has been noted that the loss of strategic vision of the future in managerial activity changes both management practices and the tasks that are presented to management. At the same time, managerial forms of knowledge (modernist sciences), previously dominant within the framework of progressist schemes of history, show their unsuitability in the context of contingent temporality. The spread of contingency as a historical scheme of perception of historical time forms the problem of the meaning of management; the horizon of the future, which previously served as a reference point in management and motivated qualitative changes in the social order through managerial actions (planning), disappears. The main task of philosophy of management, therefore, is to form answers to the challenges posed to it by the new version of the philosophy of history.

Key words: historical temporality, progress, developmentalism, contingency, management

For citation: Kalinin, V. R. (2024). Problema upravleniya v usloviyakh kontingentnoi istoricheskoi temporal'nosti [The Problem of Management in Conditions of Contingent Historical Temporality]. *Tempus et Memoria*, 5, 1, 35–46. <https://doi.org/10.15826/tetm.2024.1.059>

Acknowledgments: The author is grateful to Timur Atnashev for a fruitful discussion of the topic, as well as to all participants in the research workshop “Historical temporality and strategic management”. Specific conclusions and formulations remain my own.

Экспозиция проблемы

В фокусе внимания данной статьи — вопрос о том, в какой мере управленческая стратегическая перспектива и политика (policy) задаются конкретными представлениями о логике исторического развития или, другими словами, философией истории. Проблематика текста образована, с одной стороны, исходя из противопоставления двух режимов исторической темпоральности, один из которых широко известен и достаточно плотно представлен в научном и политическом дискурсе, а другой менее известен, особенно в русскоязычном академическом пространстве. В первом случае этот режим историчности

именуется прогрессом, а во втором — контингентностью. С другой стороны, на это противопоставление мы накладываем категорию управленческих практик и стратегий, предполагая, что акторы управления и политики действуют внутри истории, по отношению к которой они, имплицитно или эксплицитно, адаптируют свои управленческие перспективы, цели, средства. Часть установок исторической темпоральности принимается мыслителями и управленцами по умолчанию или вовсе не осознается. Однако непроговариваемость видения логики истории вовсе не означает, что она у них отсутствует. Напротив, эту логику можно отследить, если обратиться к исторической семантике и прагматике управленческого

дискурса. Мы утверждаем, что в случае прогрессистской версии истории акторы политики (policy) отчетливо употребляли термины и понятия, отсылающие к данному режиму историчности. Смыслы и целеполагания управленческой деятельности были заданы прогрессистской семантикой и прагматикой. Однако если верно, как полагают многие специалисты в области теории и философии истории, что на рубеже XX–XXI вв. прогресс, господствующая версия исторической темпоральности, устарел или по концептуальным соображениям пришел в негодность, то в новой версии истории как контингентности, которая пришла на смену прогрессистскому режиму, есть ряд проблем, обозначить которые мы и хотим в данной статье.

Одна из этих существенных проблем заключается в том, что целеполагание управленческой деятельности и осуществление стратегического планирования в условиях контингентности истории теряют всякий смысл. Высокая степень исторической неопределенности, многовекторной открытости будущего, которое потенциально трудно предвосхитить и предсказать, не только свидетельствует об изъятии из социального мира предполагаемой упорядоченности и закономерности, но и делают этот социальный мир невосприимчивым для рациональных управленческих стратегий и планирований. В данной статье мы не можем предложить готового решения касательно того, какой должна быть управленческая стратегия в условиях контингентности истории. Наша цель — эксплицировать проблематику, условия ее появления, проанализировать теоретические рамки, внутри которых эта проблема смысла управления в контингентной истории стала проявляться. В первой части статьи предметом нашего внимания станет связка прогресса и управления. Во второй части мы разберем понятие контингентности как категории истории и покажем, как адаптируют управленчество под данные условия такие важные для понимания нашей статьи авторы, как Дж. Скотт и М. Бефир. В завершающей части мы покажем, что новоявленная и развиваемая современными философами категория суперконтингентности, обозначаемая ими как онтология времени, сужает горизонт для управленческой стратегии и образует

проблематику смысла управления, которая ранее не проявлялась в прогрессистской версии истории.

Девелопментализм как контекст управленческой практики

Известный немецкий философ Карл Лёвит в «Смысле истории. Теологические предпосылки философии истории» утверждал, что смысл и назначение истории определяются постановкой цели. «История тоже имеет смысл, — пишет он, — лишь постольку, поскольку указывает на некую трансцендентную цель, лежащую за пределами действительных фактов. Но поскольку история есть движение во времени, ее цель — это ее назначение» [Лёвит, 99]. Совокупность исторических событий, если бы не цели, представлялась бы чередой механических или органических движений и явлений. Собственно, указывать на движение событий от чего-то к чему-то было бы неправильно, поскольку без конечного пункта назначения и навигации движение — это бессмысленное перемещение в пространстве и времени, подобно вращению планет. С середины XVIII в., по мере расхождения опыта, ориентированного на прошлое, и горизонта ожидания, соответственно ориентируемого на будущее, зарождается, как пишет Козеллек в своем знаменитом тексте, историческое время (темпоральность). Ориентация на будущее стала определяться с того времени термином «прогресс». А с подачи Вольтера эсхатология как форма истории заменяется словосочетанием «философия истории». Движение, собственно, к трансцендентной цели (внешней для самой истории — разуму, свободе и т. д.) можно именовать прогрессом. Здесь и далее мы будем именовать, следуя современному британскому теоретику истории и управления М. Бевиру, такой тип исторического движения девелопментализмом.

Девелопментализм означает такой тип истории, который предполагает развитие, поступательное движение [Bevir 2015, 228]. В XIX в., отмечает Бефир, органицизм и эволюционизм сыграли важнейшую роль в формировании девелопментального нарратива истории; от семантики развития

и совершенствования были зависимы многие мыслители: Г. Гегель, К. Маркс, О. Конт, Г. Спенсер и др. Девелопментализм не исчерпывался только философией прогресса. Цивилизационный подход подразумевает некие истоки зарождения, развития до определенного уровня состояния культуры, нации, за которыми следовал период спада, заката. В XX в. семантика девелопментализма отчетливо выражалась в модернизационных теориях, в теории институциональных изменений (например, «path dependence» Д. Норта) и т. д. В рамках первой части текста мы задаемся вопросом о том, как историческая темпоральность девелопментализма влияла на практики управленчества, а те, в свою очередь, приобретали легитимность в историческом контексте.

Как история воздействует на субъекты управленческой деятельности? Процитируем отрывок из знаменитой книги Дж. Скотта «Благими намерениями государства», в которой он описывает прогрессивные взгляды большевиков. «Высокий модернизм зиждется на уверенности в вечном прогрессе, связанном с развитием научно-технического знания, расширением производства, рациональным устройством общества, возрастающим удовлетворением человеческих потребностей и, не в последнюю очередь, с возрастающим контролем над природой (включая человеческую природу), обязанным научному пониманию естественных законов» [Скотт, 117]. Мы бы хотели обратить внимание на несколько важных обстоятельств в этом высказывании. Во-первых, на формулировку «уверенность в вечном прогрессе». Откуда она берется, как уверенность формируется? Простой ответ таков: из конкретных осязаемых результатов. Например, создание двигателя внутреннего сгорания, замена гужевого транспорта на автомобильный, масштабная электрификация и т. п. А вот сложный ответ: убежденность в прогрессе есть проявление субъективно полагаемого смысла. Управленческие интенции по преобразованию черпали свою установку, целеполагание и смысл из того факта, что модернизм — это не просто механическое восприятие исторического времени, а некоторая форма жизни, по крайней мере для когорты управленцев. Теория модернизации не столько теория, сколько метатеория, которая указывала

людям, как им следует жить¹. «Теория модернизации, — пишет Дж. Александер, — являла собой символическую систему, которая служила не только объяснению мира рациональным образом, но и его истолкованию таким образом, который обеспечивал “смысл и мотивацию”» [Александер, 521]. Другими словами, модернизация — это объяснение не столько темпоральности времени, сколько нынешних условий существования, пояснение контекста, в котором необходимо думать и действовать, принимать решения. Кроме того, такой режим историчности давал гарантии лучшего будущего над настоящим ровно настолько, насколько оно было калькулируемо на уровне средств достижения и представимо само по себе как желаемая цель. Немецкий теоретик истории Алейда Ассман в схожем ключе утверждает, что теория модернизации — это «структурно-функциональное самоописание» современных обществ, внутри которого защиты не только фактические постулаты, но и нормативные требования на уровне «долженствования». Ханс-Ульрих Велер полагал, что модернизм как теория и как категория целеполагания фундирует расширение управленческого и продуктивного потенциала человека [Ассман].

Для иллюстрации модернистских практик управления обратимся к опыту строительства коммунизма в Советском Союзе, в котором сконцентрировались девелопменталистские интуиции в наиболее интенсивной и яркой форме. Сциентистское понимание управления обществом во многом было обусловлено отождествлением политики и науки. Политизация науки и сциентизация политики — реципрокные процессы. Окончательное институциональное оформление этого процесса произошло, по всей видимости, в 1960-х гг. Так, по мысли А. Бикбова, «масштабная реорганизация 1960-х восстанавливает относительное равновесие между этими двумя полюсами, инкорпорируя академическую науку в структуры государственной власти и восстанавливая за понятием науки паритетную языковую ценность

¹ Надо сказать, что мы не проводим различия между прогрессизмом и модернизмом, полагая их двумя сторонами одной медали — девелопментализма. Это означает, что смысл и мотивацию управленческой деятельности давал не только модернизм, но и прогрессизм в различных вариациях — от техноутопизма до коммунизма.

в понятиях “научно-технического прогресса”, “науки как непосредственной производительной силы” и ряде с ними связанных» [Бикбов, 253]. В процесс политического управления и планирования СССР были встроены механизмы научной экспертизы. Мультиплицируя эффекты за счет качественных изменений технологий, наука тем самым подтверждала и верифицировала правильность курса строительства бесклассового общества. В 1961 г. в знаменитой программе КПСС слова «наука» (чаще во множественном числе) и «прогресс», встречаются свыше 50 раз. Благодаря науке и технологии будет достигнута та организация, которой под силу «обеспечить непрерывный прогресс общества, предоставить каждому члену общества материальные и культурные блага по его растущим потребностям, индивидуальным запросам и вкусам...» [Программа Коммунистической партии Советского Союза, 216].

Вопрос о методологии планирования как основного способа стратегического управления в СССР достаточно изучен. Поэтому мы не будем подробно останавливаться на этом моменте, как и на разборе опыта пятилеток, а попробуем рассмотреть процесс планирования как дериватив от девелопментальной исторической темпоральности. В научной литературе, посвященной планированию в Советском Союзе, выделяются два принципа определения плана: «генетический» и «телеологический». Первый способ исходит из текущих экономических тенденций. На основании полученных данных показатели уровня развития из модуса «настоящего времени» экстраполируются в «будущее» с необходимыми корректировками. «Телеологический подход», напротив, направлен на формирование и достижение желаемых показателей в будущем, подгоняя директивным способом наличный запас средств к этим жестко заданным показателям.

В первом случае темпоральное движение следует из «настоящего» времени в «будущее», во втором — в «будущее» из «настоящего». Семантическое различие в этих высказываниях проведено по принципу порядка и приоритета категории времени. В последнем утверждении, как и в случае телеологии, цель или будущие плановые показатели придают смысл и важность движению в настоящем. Так, например,

смысл жизни христианина открывался лишь в перспективе спасения, подобно тому, как смысл индустриализации и грандиозных строек раскрывался будущим наступлением коммунизма, которому должно было, по замыслу партийных деятелей, способствовать директивное планирование. В процессе исполнения плана в принципе исключались или не принимались во внимание случайности. Нормативное оформление плана продуцировало на исполнителей определенные риски, в том числе юридическую ответственность за невыполнение плана. Из этого можно сделать вывод, что невыполнение плана уподоблялось не только нарушению нормативных установок, спущенных «сверху вниз», но и нарушению закона исторического развития. Само невыполнение плана ставило под сомнение прогностические функции науки и ее способности обслуживать управленческие инициативы. Планирование как вид управленческой деятельности, таким образом, немислим без контекста девелопментализма, в котором оно приобретало свою ценность и смысл.

Управленчество в контингентной истории

Представления о прогрессе как об общей рамке не были единственными формами осмысления истории и ее хода даже в XIX в. Циклические модели, модели деградации, которой необходимо противостоять, представления об органической, но непредсказуемой эволюции или, наконец, образ контингентной (непредсказуемой, случайной и разнонаправленной) истории в разное время конкурировали за гегемонию с прогрессистской схемой [Олейников].

Финский политический теоретик К. Палонен утверждал в 1999 г., что понятие «контингентность» вошло в моду и стало активно использоваться в политической теории, историографии [Palonen]. Причины, которые побудили теоретиков и интеллектуалов обратиться к категории контингентности, по всей видимости, неоднородны. Это может быть и крушение Советского Союза как прогрессивного проекта переустройства общества, и падение Берлинской стены как символа окончания холодной войны, в ходе

которой конкуренция между блоками обеспечивала технологическое развитие. К слову, для крупнейшего современного теоретика истории Ф. Артога последние события послужили неким основанием для манифестации нового режима историчности, который он именуется в противовес прогрессизму «презентизмом» [Артог]. Впрочем, эта мода может также объясняться господством постмодернизма, блокирующим притязания и стремления «больших нарративов» раскрыть основополагающие законы социального развития и пр. Сам К. Палонен пишет, что такая мода на использование категории «контингентность», которая в канонической формулировке значит «то, что могло бы быть иначе», связана с тем, что она содержит много нюансов и довольно широкий пул значений, «когда мы говорим о непредвиденных обстоятельствах в конкретном контексте» [Palonen, 7].

Говоря о контингентности, следовало бы отметить широкий пласт значений, которые можно найти у Аристотеля, Фомы Аквинского, И. Канта и др. Контингентность для них выступает в паре с категорией необходимости. Мы опускаем здесь сложный вопрос по поводу различения контингентности на эпистемологическую категорию (то есть как действие рассудка) и онтологическую (контингентность в природе). Для этого потребовалось бы написать отдельную статью. Важно, что противопоставленная контингентности категория необходимости тесно ассоциировалась с прогрессистской схемой философии истории. Однако у контингентности в плане философии истории тоже были свои формы выражения, аналогично тому, как необходимость выражалась в прогрессистском дискурсе. Н. Макиавелли, освободив от христианских значений понятие «добродетель» («virtue»), устранил тем самым и линейность времени (телеологию), определяемую целеполаганием спасения суверена и подданных. Время, в котором надлежит разворачивать отныне субъекту политической практики свой *modus operandi*, это время случайностей и подходящих моментов, а не череды закономерностей или провидения, на которые нельзя воздействовать. Контингентность у Макиавелли — случай, который не поддается рациональному вычислению и прогнозированию. Удобный случай может подвернуться,

и тогда Италия будет единой, как того желал сам автор трактата «Государь». Но при условии, что этим случаем воспользуется сильный, как лев, и хитрый, как лиса, политик. Сама контингентность выражалась термином «фортуна». Она же есть изменчивая и непостоянная богиня.

Удивительно, что критика взглядов Макиавелли совпала с расцветом прогрессивной версии истории. Однако на рубеже XIX–XX вв. не без усилий Ф. Ницше формула прогрессистской истории стала предметом критики. Еще Якоб Бурхардт, чье влияние испытал немецкий философ, отказывался видеть в истории предзаданные конечные цели и смыслы [Лёвит, 126]. Позднее ведущие теоретики Франкфуртской школы обличили прогрессизм и Просвещение, показывая внутренне присущие им противоречия. Прогресс техники, замечает В. Беньямин, сопровождается регрессом общества. Так, слепая вера в прогресс для социал-демократов в Германии в первой половине XX в. обернулась, в силу бездействия и отсутствия решимости по причине той же веры во все освобождающую мощь техники, политической катастрофой и приходом национал-социализма. Моральный коллапс и катастрофы первой половины XX в. побудили многих интеллектуалов окончательно расстаться с девелопментализмом. Среди этих интеллектуалов следовало бы особо выделить французского философа и марксиста Л. Альтюссера, который заложил в марксистскую философию, изначально представленную как политическую идеологию прогресса, новую схему непрогрессистской истории, сформулированную им за счет обращения к наследию Макиавелли. Разработанная им концепция алеаторного материализма фундирует положение, согласно которому события развиваются не по принципу причинности или необходимости, а в силу случайности встреч, совпадений, непредзаданных отклонений. Социальные, политические и другие типы событий обусловлены случайными совпадениями. Так, капитализм — это результирующий феномен случайного совпадения или встречи рабочего класса как носителя свободного труда и буржуазии как владельца капитала. Если вернуться к примеру с Макиавелли, то, для того чтобы состоялось желаемое автором «Государя» политическое событие — объединение

итальянских республик и княжеств в единое государство, необходимо, чтобы состоялась встреча между фортуной и добродетелью политика [Althusser, 173].

Контингентность в истории, повторимся, означает возможность такого будущего, которое не поддается предвосхищению или прогнозированию в перспективе настоящего. Вместо упорядоченного чередования временных установок, как это было в прогрессивистской темпоральности, ориентированной на горизонт ожиданий, контингентность вводит в игру открытость любому событию, неопределенность траекториям развития. Цель, исток — произвольные категории, которые не находят себе место в историческом движении. Описывая переход от девелопментальной истории к радикальному историзму (контингентной истории), теоретик истории и управления М. Бевир сформулировал ряд ключевых пропозиций, разделяемых сторонниками контингентного режима исторической темпоральности: отказ от детерминизма и редукционизма в пользу многовекторности, неопределенности событий и явлений, воздействующих друг на друга неоднолинейным образом. Здесь же — ставка на номинализм вместо реализма, универсализма, натурализма, эволюционизма и других способов реификации социальных процессов. Как отмечает Бевир, такой способ исторической репрезентации максимально далек от того, чтобы копировать методы естественно-научного познания, следовать позитивистским максимам. Установка познания в контексте контингентности дисквалифицирует притязания на поиск общих знаменателей внеисторических оснований для продвижения и исполнения исторического развития (модернизация) [Bevir 2010, 5–7].

Какой способ управленчества соответствует такой исторической повестке и немодернистским формам знания? Для ответа на данный вопрос мы обратимся к двум авторам, которых мы упоминали выше, — Дж. Скотту и М. Бевире. Модернистская рационализация породила специфицированные практики и подходы управления. Бевир выделяет собственные девелопментальной истории режимы управления: иерархический, институциональный, сетевой [Ibid., 256]. Будучи основными агентами управления, бюрократы воплощали

собой идеальных типов рационального мышления, как выразился бы М. Вебер. Иерархичность бюрократических институций, формалистские и универсальные притязания бюрократов стали, очевидно, проблемой в плане способности выполнения междисциплинарных и сложных задач.

Чтобы выйти за пределы поля модернизма как исторической темпоральности и определить новые подходы и требования к управлению, следовало бы, отмечает Бевир, переосмыслить понятие рационализма. Дальнейшее использование рационализма как основы управления опасно по той причине, что в нем имплицитно содержатся интеллектуализм, этноцентризм и стремление к исправлению принципа непротиворечивости, множественности. Данные атрибуты рационализма блокируют пластичность практик и многовариативность подходов, необходимые в контингентности истории. Вместо рационализма Бевир предлагает опираться на иные формы мышления и агентности (субъекты местных культурных практик как носителей локального мышления), вовлечение которых в процесс принятия решения повышает демократичность и прозрачность управления. Он пишет: «Наставить на локальном характере рассуждений, таким образом, значит исключать автономную и универсальную концепцию разума и субъективности, связанную с большим количеством экономических теорий» [Bevir 2010, 262]. Чтобы понять контекстуальность действия, необходимо опираться на интерпретативные теории, в которой практики, в том числе практики управления, предстают в изменчивом, ситуативном измерении. Краткое резюме этих положений представлено Бевиром в сводной таблице «После модернизма».

По Джеймсу Скотту, процесс управления вне модернистских схем если и возможно организовать, то только с соблюдением ряда условий, которые в общем и целом совпадают с требованиями М. Бевира. Поскольку мы не можем предсказать результат наших вмешательств, следует строить планы постепенно и поэтапно, рефлексивно опираясь на опыт пройденного. «Необратимые, — пишет Скотт, — вмешательства имеют необратимые последствия» [Скотт, 387]. Планирование, продолжает он, должно быть организовано так, чтобы в случае непредвиденных

«После модернизма»

...	Модернизм (Modernism)		После модернизма (After modernism)
Концепция рациональности (Concept of rationality)	Экономическая (Economic)	Социологическая (Sociological)	Локальная (Local)
Социальные науки (Social science)	Теория рационально- го выбора (Theory rational choice)	Институционализм (Institutionalism)	Интерпретативные теории (Interpretive theory)
Гражданство (Citizenship)	Потребители (Consumerist)	Сообщества (Communitarian)	Множество (Pluralist)
Демократическая теория (Democratic theory)	Репрезентация (Representative)	Репрезентация (Representative)	Вовлеченность (Participatory)
Принятие решений (Policymaking)	Экспертиза (рынок) (Expertise (markets))	Экспертиза (сеть) (Expertise (networks))	Диалог (Dialogic)

*Источник: Bevir M. Democratic governance. Princeton University Press, 2010.

обстоятельств план можно было оперативно изменить. В самом плане или проекте должны содержаться условия его оперативного изменения и адаптации. Такой способ управления в большей степени напоминает то, что принято в теориях управления называть индикативным планированием. Однако для Скотта важно, что планирование может быть эффективным в том случае, если субъект управленческой практики вовлекает в процесс планирования потенциальных акторов, интересы которых могут быть затронуты управленческим решением. Гибкость, адаптивность и изменчивость планирования повышает возможную эффективность и снижает риск провала или возникновения побочных эффектов, однако в силу этих достоинств теряется одна из важнейших компонент — стратегическая ориентация на будущее в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Такие управленческие предписания, стимулирующие более гибкие управленческие формы воздействия на объекты управления, может напоминать нам парадокс корабля Тесея, который по ходу своего маршрута плавания теряет одни свойства и приобретает другие. Вопрос о том, является ли корабль Тесея одним и тем же на входе и на выходе, можно адресовать и нашей поставленной проблеме: какова разница между управленческим проектом на входе и на выходе?

Каковы пределы контингентности истории и как возможно стратегическое планирование в контексте такого режима историчности? Базовое допущение, которое содержится в теории контингентности истории, заключается в том, что случайность применима к событиям человеческих дел и творений, направленных на других акторов, будь то человек, группа или общество. Категории целеполагания и смысла, планирование и проекты как формы управленческой деятельности действительно отчасти теряют свою значимость, если применимы к диапазону названных объектов. Но сохраняется ли значимость в том случае, если объектом приложения теории и практики управления является природа? Мы утверждаем, что релевантность прогрессистского дискурса сохраняется, если объектом приложения и воздействия является природа или техника. Более того, мы можем расширить наш тезис, если скажем, что прогрессизм и соответствующие ему способы управления актуальны и действенны в той степени, в какой валидна и применима научно-естественная установка мышления к ним. И до тех пор, пока в парадигме такого мышления действуют законы необходимости, прогресс и рядоположенные практики управления будут сохраняться.

Из сказанного вытекает несколько предположений. Во-первых, мы можем уверенно

полагать, что контингентность истории человечества, культуры или обществ основана на необходимости или принципе законности и предсказуемой регулярности событий в природе, например, восход и закат солнца. Во-вторых, контингентность явно исключается из механических объектов, инженерных систем и других технологических предметов и вещей, таких, например, как самолет. Это вовсе не исключает того, что в таких системах невозможны случайности или катастрофы. Если таковые и случаются, то по причине дефицита контроля сборки, эксплуатации и экспертизы.

Для авторов контингентной истории вывести мир природы или вещей за скобки не составляло проблемы. Сегодня, когда граница между человеческими и нечеловеческими (non-human) акторами, миром социального и миром природы, благодаря усилиям Бруно Латура и его последователей, стала более прозрачной, сохранять демаркацию, разделяющую необходимость и контингентность на две противоположности, становится особенно трудным и, по всей видимости, неактуальным занятием [Латур]. Можно ли управлять исключительно вещами или природой, не принимая в расчет человеческую агентность? В управленческой оси общество — природа (материальный объект), на наш взгляд, мы еще пока не способны освободиться от человеческого опосредования, которое, собственно, и привносит элемент случайности в непрерывную цепь причин и следствий. Однако потенциально к природе приложимы стратегические проекты и управленческие планы. К примеру, в программе ООН формулируется цель по снижению и доведению до нуля процента выбросов парникового газа к 2050 г. Такие цели могут показаться более достижимыми вследствие технологического развития и перехода на иной тип энергетики, в отличие от таких целей, как ликвидация нищеты, голода, повышение уровня образования др., обозначенные в 2015 г. в программе по устойчивому развитию. Впрочем, в последнее время набирает обороты иная версия контингентности, которая делает менее релевантными обозначенные различия и проблемы, нерелевантными — поиск мест для стратегических проектов и планов. К этой версии мы сейчас и обратимся.

Радикальная контингентность как проблема управленческого смыслополагания

В 2007 г. благодаря усилиям философов вошла в интеллектуальный обиход иная теория контингентности. Автор новой версии контингентности, французский философ Квентин Мейясу, назвал ее суперконтингентностью в противовес контингентности, описанной нами ранее. Ниже мы разовьем основные положения суперконтингентности и обозначим ряд проблем, вытекающих из этой версии темпоральности. Далее мы покажем, что существующие теории управленчества не в состоянии адекватно отреагировать на те вызовы, которые предъявляются философами контингентности.

В своем значимом труде «После конечности. Эссе о необходимости контингентности» К. Мейясу ставит философский вопрос о том, как выйти за пределы трансценденталистского опыта, в котором любая по отношению к субъекту внешняя вещь (вещь-в-себе) становится вещью для нас. Корреляционизм (понятие, введенное Мейясу) обозначает «идею, согласно которой мы можем иметь доступ только к корреляции между мышлением и бытием, но никогда к чему-то одному из них в отдельности» [Мейясу 2015, 11]. Так, любое событие из прошлого, которое гипотетически состоялось до появления человечества (доисторическое), не может быть осмыслено, не став частью предмета того, кто спрашивает в настоящем. «К примеру, — пишет Г. Харман, — можно сказать, что Большой взрыв произошел 13.5 млрд лет до появления человечества для человечества (курсив автора цитаты. — В. К.)» [Харман, 236]. То есть горизонт времени (границы прошлого и будущего) задается в перспективе настоящего времени, что означает следующее: не бывает событий в прошлом, а есть прошлые события в настоящем времени. По сути, это возвращает нас к принципу, что человек является не только мерой вещей, но и мерой времени и пространства.

Корреляционистский круг (связка мышления и бытия) для Мейясу есть основной предмет его философской атаки. В ходе имманентной критики корреляционизма, все тонкости которой описывать здесь нам не предоставляется возможным, Мейясу приходит к выводу,

что данный тип связи мышления и бытия не имеет под собой оснований, как и то, что нет оснований полагать, что что-то есть и за пределами этой связи, поскольку это чисто внешнее только может существовать в режиме гипотезы, а не факта. Именно неспособность корреляционизма подобрать и объяснить прочные основания (причины) присутствия как самого себя, так и вещи в себе является свидетельством в пользу того, что принцип неоснования является фундаментальным основанием бытия, то есть Абсолютом. В свою очередь, пишет Мейясу, «абсолютная контингентность — единственное, что мы отныне будем называть “контингентностью”, означает, напротив, чистую возможность (курсив автора цитаты. — В. К.): возможность, которая, может быть, никогда не осуществится. Итак, мы не можем заявлять о знании, что наш мир, несмотря на то что является контингентным, в один прекрасный день действительно развалится. Мы знаем, что в соответствии с принципом неоснования, это реально возможно, что это может произойти без всякого на то основания» [Мейясу 2015, 89].

Чем отличается суперконтингентность Мейясу от той версии, в которой контингентность классически представлялась как невозможное и не-необходимое? Во-первых, суперконтингентность масштабирована на все сущее, в то время как в классической версии контингентности случайность применима к человеческим делам и неприменима к природным явлениям. Дело в том, что у Мейясу возможны любые события, например, внезапное превращение солнца в черную дыру, испарение молекул водорода и воскрешение мертвых. Законы природы принципиально конечны. Мысль об отсутствии прочных каузальных оснований не только для социальных порядков, но и для природы в классической теории контингентности была непроговариваемой. Поэтому на уровне допущения непредсказуемость развития истории сопрягалась с предсказуемостью природы. Во-вторых, причина непредсказуемости развития для классической версии определялась во многом несовершенством человеческой способности познания. Отсюда, как мы полагаем, взаимосвязь: чем выше уровень способности познания, чем совершеннее оно, тем меньше случайностей и непредвиденных обстоятельств встречалось на пути

человека. Если прогресс опирался на науку или разум, как у Кондорсе, то контингентность была обусловлена отсутствием ононого. У Мейясу, как мы видим, контингентность не выводится из факта нашего незнания или ограниченности разума, а, напротив, предъявляется как онтологический факт. «Безосновность (*unreason, irreason*), — пишет он, — становится свойством абсолютного времени, способного уничтожить или творить любую конкретную сущность без какой-либо причины для ее творения или уничтожения» [Мейясу 2008].

Очевидное возражение, которое можно сформулировать к концепции Мейясу, состоит в том, что, при условии отсутствия основания у всякого сущего и явления, не будет возможности делать последние предметами перцепции, ведь вещи, в силу того что они без основания, будут распадаться. Время тогда — это бесконечная энтропия. По существу, это кантовское возражение шотландскому философу Д. Юму, чье теоретическое наследие касательно принципа причинности, к слову, Мейясу и развивает.

Кантовский аргумент двоякого рода. Он касается, с одной стороны, проблемы времени, с другой — смысла истории. В известном примере Канта с восприятием изменчивой киноленты, которая меняет произвольным образом свои цвета, форму и вес, формулируется мысль о необходимости единства субстанции, которая и обеспечивает способность упорядоченного познания. Без устойчивости субстанции немислимо помыслить время. Если распадается тело во время движения, то мы не можем нарезать время используя пространственные параметры. Более того, теряется не только время как форма чувственности, а равно и пространство, но также теряется опыт и категория причинности. Для нас этот посыл важен, поскольку категория причинности и основательности в том числе отвечает за проблематику смысла и целеполагания. Субстанция необходима, а значит, есть и законы ее удержания от распада. В природе в конечном счете есть законы по необходимости. Но что если предположить, что в природе нет таких законов? «В самом деле, — пишет Кант в “Идеях о всеобщей истории во всемирно-гражданском плане”, — если мы отказываемся от этих основоположений, то имеем не закономерную, а бесцельно играющую природу; и, как

ни печально, вместо разума путеводной нитью становится случай» [Кант, 12]. И далее: «Для философа здесь остается один выход: поскольку нельзя предполагать у людей и в совокупности их поступков какую-нибудь разумную собственную цель, нужно попытаться открыть в этом бессмысленном ходе человеческих дел цель природы, на основании которой у существ, действующих без собственного плана, все же была бы возможна история согласно определенному плану природы» [Там же]. Для Канта, таким образом, случай противопоставляется разуму, а мир без разума предстает грудой бесцельных и бессмысленных событий, поступков.

Мейясу верно указывает на нерв кантовского решения в книге «Метафизика и вненаучная фантастика» [Мейясу 2020]. Царство случая не отменяет разум и возможность законов, как это представляется немецкому философу. Суперконтингентность сообщает лишь о том, что наука теряет свою способность давать объяснения и формулировать причины. С другой стороны, суперконтингентность не отменяет возможность регулярности событий и явлений. Если абсолютно возможно все и нет

оснований для невозможности чего-либо, значит, возможны и регулярности как проявление контингентности. Предположим, что природа, общество и история действительно определяются принципом суперконтингентности. Тогда возникает закономерный вопрос: в чем смысл и цель управленческой деятельности? Как она может осуществляться в мире истории, где явления и вещи как производные от практик управления не гарантированы в своем существовании? Каков должен быть временной горизонт стратегии, если вообще применима стратегия как временной способ планирования? По всей видимости, мы не можем дать ответы на эти вопросы, поскольку это потребовало бы от нас концептуализации иных форм мышления и действия, которые соответствовали бы вызову со стороны теории Мейясу. Однако мы можем утверждать, что в случае успеха в распространении такой исторической темпоральности философия управления столкнется с серьезными вызовами. По всей видимости, выработка ответов на этот вызов может считаться предстоящей интеллектуальной задачей для теории и практик управления.

Список источников

- Александр Дж. Модерн, анти, пост и нео: как интеллектуалы объясняют «наше время» // Александр Дж. Смыслы социальной жизни. Культурсоциология / пер. с англ. Г. К. Ольховикова. М. : Праксис, 2013.
- Артог Ф. Порядок времени, режимы историчности // Неприкосновенный запас. 2008. Т. 3, № 59.
- Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М. : Новое лит. обозрение, 2017.
- Бикбов А. Т. Грамматика порядка: Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М. : ВШЭ, 2014.
- Кант И. Собр. соч. : в 8 т. Т. 8. М. : ЧОРО, 1994.
- Латур Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006.
- Мейясу К. Время без становления. 2008. URL: <http://gefter.ru/archive/7657> (дата обращения: 30.03.2019).
- Мейясу К. Метафизика и вненаучная фантастика. Пермь : Гиле Пресс, 2020.
- Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург ; М. : Кабинетный ученый, 2015.
- Левит К. Смысл в истории. Теологические предпосылки философии истории. СПб. : Владимир Даль, 2021.
- Олейников А. Будущее в настоящем // Неприкосновенный запас. 2022. Т. 142, № 02.
- Скотт Д. Благими намерениями государства // Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М. : Университет. книга, 2005.
- Харман Г. Спекулятивный реализм: введение. М. : Рипол Классик, 2019.
- Программа Коммунистической партии Советского Союза [1961 г.] // XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 17–31 октября 1961 года : стенограф. отчет. Т. 3. М., 1962.
- Althusser L. The Underground Current of the materialism of the encounter // Althusser L. Philosophy of the encounter: later writings, 1978-87. London ; N. Y. : Verso, 2006.
- Bevir M. Democratic governance. Princeton : Princeton University Press, 2010.
- Bevir M. Historicism and critique // Philosophy of the Social Sciences. 2015. Vol. 45, № 2.
- Bryant L. R., Srnicek N., Harman G. (ed.). The speculative turn: Continental materialism and realism. Melbourne : Re.press, 2011.
- Palonen K. Contingency in Political Theory // Finnish Yearbook of Political Thought. 1999. Vol. 3, № 1.

References

- Alexander, J. (2013). Modern, anti, post i neo: kak intellektualy ob"yasnyayut «nashe vremya» [Modern, anti, post and neo: how intellectuals explain "our time"]. *Meanings of social life: cultural sociology: scientific publication*. M.: Praxis.
- Artog, F. (2008). Poryadok vremeni, rezhimy istorichnosti [The order of time, modes of historicity]. *Neprikosnovennyj zapas*, 3, 59.
- Assman, A. (2017). Raspalas' svyaz' vremen? Vzlet i padenie temporal'nogo rezhima Moderna [Has the connection of times broken up? The Rise and Fall of the Modern Temporal Regime]. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*.
- Althusser, L. (2006). Podzemnyj potok materializma vstrechi. Al'tyusser L. Filosofiya vstrechi: bolee pozdnie sochineniya [The Underground Current of the materialism of the encounter]. Althusser L. *Philosophy of the encounter: later writings, 1978–87*. London, NY.: Verso.
- Bevir, M. (2010). *Demokraticeskoe upravlenie* [Democratic governance]. Princeton: Princeton University Press.
- Bevir, M. (2015). Istoricism i kritika [Historicism and critique]. *Philosophy of the Social Sciences*, 45, 2.
- Bryant, L. R., Srnicek, N., Harman G. (ed.) (2011). *Spekulyativnyj povorot: kontinental'nyj materializm i realizm* [The speculative turn: Continental materialism and realism]. Melbourne: Re.press
- Bikbov A. T. (2014). *Grammatika poryadka: Istoricheskaya sociologiya ponyatij, kotory`e menyayut nashu real'nost* [Grammar of order: Historical sociology of concepts that change our reality]. Moscow: HSE.
- Kant I. (1994). *Sobr. Soch.*, 8 [Collected works in 8 vols]. Moscow: CHORA.
- Latour B. (2006). *Novogo Vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoy antropologii* [We have never been modern]. SPb.: Izd-vo Yevrop. un-ta v S.-Peterburge
- Meillassoux K. (2008). *Vremya bez stanovleniya* [Time without becoming]. URL: <http://gefter.ru/archive/7657> (accessed: 30.03.2019).
- Meillassoux K. (2020). *Metafizika i vnauchnaya fantastika* [Metaphysics and non-scientific fiction]. Perm: Giele Press.
- Meillassoux K. (2015). *Posle konechnosti: Esse o neobxodimosti kontingentnosti* [After finiteness: An essay on the need for contingency]. Ekaterinburg, M.: Cabinet scientist.
- Levit K. (2021). *Smy'sl v istorii. Teologicheskie predpos`lki filosofii istorii* [Meaning in history. Theological premises of the philosophy of history]. St. Petersburg: Vladimir Dal.
- Oleinikov A. (2022). Budushhee v nastoyashhem [Future in the present]. *Neprikosnovenny`j zapas*, 142, 02.
- Scott, D. (2005). *Blagimi namereniyami gosudarstva* [Seeing like a State. Why and how projects to improve the conditions of human life failed]. Moscow: Universitetskaya kniga.
- Harman G. (2019). *Spekulyativny`j realizm: vvedenie* [Speculative realism: an introduction]. Moscow: Ripol Classic.
- Palonen, K. (1999). Kontingentnost v politicheskoy teorii [Contingency in Political Theory]. *Finnish Yearbook of Political Thought*, 3, 1.
- Programma Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza [Program of the Communist Party of the Soviet Union]. *XXII s`ezd Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza, 17–31 oktyabrya 1961 goda. Stenograficheskij otchet. 1961*. Stenograficheskij otchet. T. 3. M.

Сведения об авторе

Калинин Владислав Романович — аспирант, старший преподаватель кафедры управления и публичной политики института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы.

Information about the author

Kalinin Vladislav Romanovich — graduate student, senior lecturer at the department of governance and public policy, institute of social sciences of the Russian academy of national economy and public administration

Статья поступила в редакцию 02.11.2023;
одобрена после рецензирования 15.03.2024;
принята к публикации 01.04.2024

The article was submitted 02.11.2023;
approved after reviewing 15.03.2024;
accepted for publication 01.04.2024

Научная статья

УДК 94(470)“19”:272.1 + 930(470) + 94:159.953 + 316.346.36:159.953 + 140.8:2

doi 10.15826/tetm.2024.1.060

Образы И. В. Сталина и сталинской эпохи в гражданской религии современной России: риски конфликтогенности государственного и православного дискурса

Роман Юрьевич Батищев

Саратовский государственный университет, Саратов, Россия
romanbatishhev@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7820-8835>

Аннотация. В статье рассматривается проблема репрезентации образов И. В. Сталина и сталинской эпохи в официальном государственном и православном дискурсах, проводится их сравнение, оценка степени взаимовлияния друг на друга, выявляются основные точки «напряженности» в этих нарративах. В условиях общей актуализации мемориальной повестки и по-прежнему высокого символического капитала событий, связанных с этим периодом, для большей части российского общества, включения их в формируемую гражданскую религию важно обратить внимание на возможные риски сосуществования этих двух нарративов. Делается вывод, что потенциальная конфликтность этих политик памяти связана прежде всего с противоречиями «постсоветских» и «несоветских» дискурсов. В заключение предлагаются концептуальные установки для государственной политики памяти, которые могли бы нивелировать выявленные риски.

Ключевые слова: гражданская религия, политика памяти, Русская православная церковь, мемориальный конфликт, образ Сталина, мнемоническая адаптация, неосталинизм

Для цитирования: Батищев Р. Ю. Образы И. В. Сталина и сталинской эпохи в гражданской религии современной России: риски конфликтогенности государственного и православного дискурса // *Tempus et Memoria*. 2024. Т. 5, № 1. С. 47–55. <https://doi.org/10.15826/tetm.2024.1.060>

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00535 «Гражданская религия в современной России: мемориальные практики и особенности теологического дискурса», <https://rscf.ru/project/22-28-00535/>

Original article

The Images of Stalin and Stalin's Era in Civil Religion of Modern Russia: Conflict Potential's Risks between State and Orthodox Discourses

Roman Yu. Batishchev

Saratov State University, Saratov, Russia
romanbatishhev@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7820-8835>

Abstract. The article is dedicated to the problem of the representation of the images of Stalin and Stalin's era in official state and Orthodox discourses, it is compared of them, it is analyzed of the mutual influence, it is recognized of "tension points" in these narratives. In the context of the general actualization of the memorial agenda and the still high symbolic capital of events related to this period, for the majority of Russian society, including them in the emerging civil religion, it is important to pay attention to the possible risks of the coexistence of these two narratives. It is concluded that the potential conflict of these politics of memory is primarily related to the contradictions of "post-Soviet" and "non-Soviet" discourses. In conclusion, conceptual guidelines for the state politics of memory are proposed, which could offset the identified risks.

Key words: Civil religion, politics of memory, Russian Orthodox Church, memorial conflict, Stalin's image, mnemonic adaptation, neostalinism

For citation: Batishchev, R. Yu. (2024). Obrazy I. V. Stalina i stalinskoj epokhi v grazhdanskoj religii sovremennoj Rossii: riski konfliktogennosti gosudarstvennogo i pravoslavnogo diskursa [The Images of Stalin and Stalin's Era in Civil Religion of Modern Russia: Conflict Potential's Risks between State and Orthodox Discourses]. *Tempus et Memoria*, 5, 1, 47–55. <https://doi.org/10.15826/tetm.2024.1.060>

Acknowledgments: The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation № 22-28-00535, <https://rscf.ru/project/22-28-00535/>

Рассматривая формирование гражданской религии в современной России, необходимо иметь в виду, что этот комплекс универсальных этических норм и гражданских добродетелей испытывает сильнейшее влияние со стороны собственно религиозных акторов. А поскольку гражданская религия во многом строится на сакрализованном представлении о тех или иных событиях истории, выдвигаемых в «актуальное прошлое», стоит обратить внимание на мемориальную политику религиозных акторов, а говоря о современной России — на историческую политику, прежде всего православных сообществ и Русской православной церкви как наиболее влиятельных религиозных акторов. Реалии современной России таковы, что Русская православная церковь играет весьма активную роль в репрезентации событий прошлого, выступая зачастую поддержкой, но иногда и оппонентом официальной государственной позиции. В рамках данной статьи предполагается рассмотреть основные конфликтные точки государственного

и церковного нарративов о сталинской эпохе, предложить возможные варианты по «мнемонической адаптации» этих акторов применительно к спорным моментам исторического прошлого.

На протяжении первых постсоветских десятилетий Церковь, реагируя на общественный запрос на новые ценности и смыслы, гораздо активнее, чем государство, занималась вопросами исторической памяти, вследствие чего по ряду вопросов позиция Церкви оказалась более четкой, чем крайне размытые политико-идеологические ориентиры Российского государства. В условиях этой слабости и длительного невнимания федерального центра к вопросам политики памяти другие акторы не только стали формировать свои историко-политические репрезентации, но и продавливать свою мемориальную повестку на всероссийский уровень, то есть использовать государственные ресурсы для продвижения своих образов прошлого. И Церковь стала одним из таких акторов. В частности, появившийся в 2005 г.

праздник День народного единства (4 ноября), продвижение которого на федеральный уровень связывают с активностью нижегородских властей, был активно поддержан и Русской православной церковью как День Казанской иконы Божией Матери. А в последние годы усилиями некоторых архиереев РПЦ Следственный комитет России с юридической точки зрения рассматривал сугубо религиозный нарратив о якобы имевшем место ритуальном характере убийства царской семьи [Преступление века].

Нельзя не отметить, что государство само часто обращается к специфическим символическим ресурсам Русской православной церкви. Подобная «симфония» мемориальных практик выглядит вполне органичной по ряду важных вопросов, таких как военные коммеморации (и здесь нельзя не вспомнить о Главном храме Вооруженных сил или о реставрации Храма Христа Спасителя), патриотическое воспитание молодежи, социальная поддержка наименее защищенных слоев общества и т. д. А взаимоотношения Церкви и Вооруженных сил имеют многолетнюю институциональную основу [Донцев]. В настоящее время вновь актуализировался нарратив Русского мира как духовной общности людей, связывающих свою историческую судьбу с Россией, русским языком и русской культурой. Идея Русского мира изначально была инициирована именно в среде Русской православной церкви, в дальнейшем она была подхвачена уже государством для формирования своей внешнеполитической доктрины [Зевелев]. В ноябре 2023 г. идея Русского мира вновь прозвучала и в выступлении Президента [Пленарное заседание Всемирного русского народного собора], и в выступлении Патриарха на Всемирном русском народном соборе [Доклад Святейшего Патриарха Кирилла...].

Однако трактовки советской эпохи высвечивают довольно серьезное противоречие в позиции государства и Церкви. И если по вопросу отношения к революционным событиям 1917 г. и первым годам советской власти государство и Церковь находят компромисс в негативной оценке революции как способа социальных трансформаций, то сталинская эпоха представляет куда большую сложность. Во многом эта сложность обусловлена памятью о Великой Отечественной войне, которая в плане символического капитала, пожалуй,

самая большая ценность не только для жителей России, но и во многом является символически ценной для граждан других постсоветских государств, выступая едва ли не единственным консолидирующим фактором как внутри страны, так и в пределах нашего ближнего зарубежья. Уже с 2000-х гг. именно память о Великой Отечественной войне легла в основу российской гражданской религии [Тесля], и сложившийся к тому моменту канон празднования Дня Победы с соответствующей символикой (парад, георгиевская ленточка, впоследствии — акция «Бессмертный полк») в целом находил отклик и со стороны Русской православной церкви [Аникин, 513–515]. Но важно обратить внимание на то, что к моменту создания этого канона со стороны государства и перехода к общей патриотической линии во внутренней политике России внутри Русской православной церкви сложился ряд нарративов, которые явно входили в противоречие с оформленной государственной политикой памяти о Великой Отечественной. Это прежде всего дискурс новомучеников, во многом связанный с культом и состоявшейся в 2000 г. канонизацией семьи Николая II как раз в составе Собора новомучеников и исповедников российских [Батищев, Беляев, Линченко]. Причем в 1990-е гг. религиозные коммеморации семьи последнего русского императора в целом встречали поддержку со стороны государства (Б. Н. Ельцин присутствовал на церемонии перезахоронения останков царской семьи), что обусловлено и стремлением самой «новой» российской государственности символически дистанцироваться от советского прошлого.

Противоречия между формирующейся гражданской религией на основе «патриотического консенсуса» к собственной истории и церковным дискурсом о новомучениках стали очевидны лишь спустя время. И основным противоречием здесь выступает именно трактовка советского периода и сталинского правления (поскольку на него приходится самое символически значимое событие — Победа 1945 года). Важно иметь в виду, что у этих двух конфликтующих нарративов разные источники происхождения. «Патриотический консенсус», как бы то ни было, исходит из реалий массового исторического сознания россиян, в котором советская эпоха, а также конкретно фигура

И. В. Сталина пользовались неизменной симпатией на протяжении всех постсоветских десятилетий (по данным опроса от Russian Field, в августе 2023 г. положительно оценивали И. В. Сталина 65 % опрошенных [Russian Field провела по заказу АПЭК опрос...]). Кроме того, очевидна и неразрывная связь между образом Сталина и образом Победы в Великой Отечественной войне.

Дискурс новомучеников и культ Николая II возникали в несколько иных, специфических религиозных течениях. Так, искупительная жертва Николая II и его канонизация как страстотерпца основаны на идее так называемого царебожия. Царебожие (которое с точки зрения официальной Церкви часто до сих пор именуется ересью) формировалось в достаточно маргинальных православных кругах: исследователи прослеживают его генезис в общинах «катакомбников» (ныне запрещенной религиозной организации в Российской Федерации), связывают с мистической концепцией «катехона», а впоследствии эта идея стала популярной в кругах Русской православной церкви за границей [Зыгмонт]. Там канонизация царской семьи состоялась еще в 1981 г., причем святость царской семьи являлась для РПЦЗ чуть ли не одним из догматов веры. В 1990-е гг., когда встал вопрос об объединении двух церквей, канонизация Николая II и его семьи официально Московским патриархатом стала фактически одним из условий положительного решения вопроса объединения. Тем самым этот «несоветский» нарратив был во многом искусственно привнесен в «постсоветские» реалии, что и породило существующие проблемы и противоречия.

Имея в качестве объективной данности симпатии большого числа граждан к фигуре И. В. Сталина, различные акторы предпринимали и предпринимают попытки вписать образ Сталина в существующую политику памяти. Причем эти попытки имели место и со стороны государства, и со стороны некоторых кругов Церкви (официальная же Церковь сохраняет свое негативное отношение к фигуре Сталина). При принципиально разных методах этой «адаптации» Сталина под необходимый мемориальный и идеологический контекст можно выделить то общее, что связывает и государственный, и церковный дискурс

о Сталине, — это попытка представить его в «правом» контексте, символически отделяя от «левых» большевиков-богоборцев, космополитов и революционеров. Поэтому на первый план выходит Сталин как «красный монарх», как создатель новой империи, как сильная рука и творец экономического чуда, как победитель в сакральной войне добра со злом, как возмездие против той самой «ленинской гвардии», которая в таком «правом» прочтении олицетворяет едва ли не глобальное зло XX в. Фигура Сталина получила определенное прочтение в таком духе в религиозных и околорелигиозных кругах [Прилуцкий]. Интересно отметить, что дискурс «православного сталинизма», остающийся весьма маргинальным для русского православия, имеет в своей основе ту же идею царебожия, что и культ Николая II, здесь Сталин также предстает «красным императором», «катехоном» и, кроме того, еще и заступником веры.

Со стороны интеллектуалов, выступающих с провластных позиций, представлен целый спектр различных трактовок, дающих положительные оценки тем или иным аспектам сталинского правления и рассматривающих некоторые сталинские практики как востребованные и в современной России. В этом направлении, среди крупных фигур, можно выделить писателя А. А. Проханова, лидера движения «Суть времени» С. Е. Кургиняна, писателя Захара Прилепина, блогера Д. Ю. Пучкова, политолога А. А. Вассермана, экономиста М. Л. Хазина и др. В 2021 г. при поддержке корпорации «Ростех» вышла книга «Кристалл роста к русскому экономическому чуду», в которой в качестве эталона для развития экономики берется именно модель сталинской экономики (период с 1929 по 1955 г.), которая, как сообщают авторы, на протяжении двух с лишним десятилетий показывала двузначные темпы экономического роста. Однако при этом авторы старательно пытаются избегать всякой патетики в адрес И. В. Сталина, вплоть до сознательного умалчивания имени Сталина, заменяя его в повествовании словосочетанием «глава государства» [Галушка, Ниязметов, Окулов], что фактически не вполне корректно, формальным главой Советского государства Сталин не был. Здесь мы видим попытку рассмотреть Сталина и его эпоху с позиции чисто «технократической»,

намеренно дистанцированной от какой-либо идеологии. Тем не менее «Кристалл роста» представляет собой определенный взгляд на историю нашей страны и весьма интересную попытку положительной оценки сталинской эпохи и даже вписывания ее в будущее России.

Большой интерес с точки зрения идеологического вписывания сталинского времени непосредственно в политико-идеологический контекст современной России представляют вышедшие в 2023 г. два номера журнала «Изборский клуб», которые получили название «Вопросы сталинизма». Лейтмотивом обоих выпусков стала актуализация тех или иных сталинских практик применительно к проблемам современной России. Период правления И. В. Сталина рассматривается именно в контексте тех проблем и тех идеологем, которые выдвигаются на первый план современной российской политической повесткой: сталинский СССР как государство-цивилизация [Баранов], как империя (неосталинизм как концептуальная основа новой русской империи [Коровин]), технологический суверенитет, многополярный мир, Организация Варшавского договора как неопанславистский проект, «русский патриотизм» Сталина [Баранов]. Большое внимание уделяется взаимоотношениям Сталина и Церкви, в рамках которых Сталин предстает заступником Православной церкви. Личная ответственность И. В. Сталина за массовые репрессии, в том числе за гонения на Церковь, занижается, в вину самой Церкви ставится поддержка ею Февральской революции [Степанов, 109]. Отмечаются и культурный поворот в конце 1930-х гг., мероприятия по сворачиванию пролеткульта, возврат к традиционным семейным ценностям. В таких же «правых» тонах рассматривается даже сталинская модель образования: подчеркиваются эффективность платного и даже «сословного» образования, ценность всеобщего доступного образования отрицается [Магнитов, Матвейчев].

Однако даже в рамках одного журнала и общего «правого» прочтения Сталина сосуществуют слабо примиряемые между собой оценки Сталина и его эпохи — от «классического» для правых сталинистов образа Сталина как нового «красного императора» и реставратора Российской империи (прокладывается символический мостик к Николаю II)

[Степанов, 112] до Сталина как восстановителя доромановской традиции, «русификатора» вестернизированных при Романовых российских элит, восстановившего духовную связь между народом и властью [Багдасарян] (этакий постмодернистский гибрид неосталинизма со славянофильством). Тем самым идеологи Изборского клуба намечают целый набор различных ликов «правого Сталина»: Сталин-технократ, Сталин-традиционалист, Сталин-элитист, Сталин — создатель русского экономического чуда и т. д. Каждый из этих образов может быть востребован в рамках того или иного политико-идеологического контекста и той или иной политики памяти, причем, как видится, при всей эклектичности и даже экзотичности этих образов они будут способны преодолевать дихотомии левой — правой идеологии, выступать не как конфликтогенный образ, а скорее как консолидирующий левых и правых патриотов, что крайне важно при конструировании гражданской религии.

2023 год отметился еще одним важным событием, напрямую связанным с рассматриваемой проблемой: в российских школах появился новый учебник истории России в Новейшее время под редакцией В. Р. Мединского и А. В. Торкунова. Учебник ожидаемо вызвал критику со стороны представителей самых разных идеологических лагерей. Интересно отметить, что наиболее радикальные критики учебника (изучавшие его, судя по всему, не по первоисточнику, а по отрывкам в постах с соответствующих телеграм-каналов) обвиняли его в пропаганде православия и неосталинизма. Действительно, ставя задачи консолидации российского общества и вписывая события недавней истории в актуальный контекст, авторы учебника старались достаточно аккуратно описать события сталинской эпохи, акцентируя внимание прежде всего на успехах и достижениях Советского Союза в 1930–1950-е гг. Так, затрагивая достаточно болезненную тему издержек мобилизационной модели развития, завершение темы индустриализации в СССР авторы описывают в положительных тонах: «Наши предки стремились быстрее сделать свое государство процветающим, покончить с неграмотностью, избавить своих детей от нужды... Это был прорыв крестьянской страны в современное индустриальное

общество. СССР никогда не встал бы в один ряд с ведущими промышленными державами, если бы не трудовая самоотверженность советских граждан, заложивших базу для развития следующих поколений» [Мединский, Торкунов, 218]. Говоря о коллективизации, в учебнике делается вывод, что «колхозный строй, ломая одно из начал крестьянской жизни — индивидуальное хозяйство, продолжал другое — общинный дух российского села, взаимозависимость и совместный труд» [Там же, 225]. Определенная часть рассмотренного выше дискурса, которым описывается сталинское правление, также оказалась на страницах учебника. Так, в учебнике присутствует упоминание определенного патриотического поворота в идеологии и культуре в конце 1930-х гг.: говорится о «реабилитации отечественной истории», о стремлении сталинского окружения «укрепить преимущество Советского государства от дореволюционной России». Отдельно акцентируется внимание на провале политики «коренизации», которой занимались большевики в 1920-е — начале 1930-х гг., в качестве примера такой политики по ущемлению русских и русскоговорящих приводится Украинская ССР, в силу актуальной уже для читателей ситуации [Там же, 237].

Большое внимание уделяется положению Русской православной церкви в СССР, ее взаимоотношениям с советской властью. Говоря об индустриализации, авторы учебника отдельно приводят как пример «перегиба» индустриализации лозунг «Колокола на трактора!»: «под лозунгом “Колокола на трактора!” стали снимать церковные колокола с целью получения необходимой для промышленности бронзы и меди. Наиболее ценные колокола московских Данилова и Сретенского монастырей были проданы за границу» [Там же, 209].

Тема массовых репрессий не находит отражения в отдельном параграфе, о ней говорится разрозненно в нескольких параграфах, более того, подчеркивается, что «для основной массы советских людей репрессии в условиях сложной международной обстановки казались обоснованными» [Там же, 234]. При этом отдельно раскрывается тема именно религиозных гонений [Там же, 244–245]. Также в двух частях учебника отдельные пункты посвящены жизни русского зарубежья, культурным достижениям

русской эмиграции, формированию Русской зарубежной церкви [Мединский, Торкунов, 268–272].

В русле существующего консенсуса вокруг Великой Отечественной войны описывается и деятельность И. В. Сталина на посту Верховного главнокомандующего. Указывается, что Сталин «как несет ответственность за поражения и потери, так и по праву входит в число главных творцов Победы» [Там же, 315]. Но при описании конкретных операций Великой Отечественной войны про личную ответственность Сталина ничего не говорится, хотя, к примеру, ряд российских историков ставят в вину Сталину крупное поражение Красной армии летом 1941 г. под Киевом: «именно он до самого последнего момента не разрешал войскам оставлять Киев» [Мощанский, 111].

Таким образом, обобщая все вышеизложенное, можно сделать вывод, что советская эпоха, и в особенности время правления И. В. Сталина, на которое выпали и самые символически значимые, и самые травмирующие события, продолжает оставаться основным источником конфликтных интерпретаций исторического прошлого. Русская православная церковь, являясь важным мнемоническим актором современной России, выработала свои интерпретации этих событий, исходя зачастую из своего специфически религиозного дискурса. Дискурс новомучеников и коммеморативные практики вокруг жертв политических репрессий и религиозных гонений рассматривают советский период нашей истории в однозначно черных тонах — как историческое безвременье и болезненный разрыв с тысячелетней традицией. Государство же вынуждено отталкиваться от куда более прагматических задач, находясь в поисках прежде всего консолидирующей исторической памяти и механизмов сглаживания исторических травм и противоречий. Реалии массового исторического сознания современных жителей России ставят задачу четкой и ясной интерпретации советского периода нашей истории и конкретно образа И. В. Сталина, поскольку он продолжает для значительного числа россиян оставаться референтной фигурой. В этой связи и государство, и православные акторы предпринимают попытку противопоставить сталинское правление идее революции, лежавшей в основе советского

проекта, сформировать некий образ «правого» Сталина, ассоциирующегося с актуальными идеологемами дня сегодняшнего: суверенитет, экономическая мощь, сильная рука, успешная борьба с внутренними и внешними врагами, особый статус русского народа, традиционные ценности и т. д. В целях снижения конфликтного потенциала государственного и церковного нарративов о рассматриваемом периоде возможно предложить ряд мер концептуального характера, которые могли бы снять остроту этих противоречий:

1. Акцент не на Сталине, а на сталинской эпохе. Попытка поставить в центр внимания именно фигуру Сталина будет в любом случае подрывать консенсус, поскольку революционное прошлое И. В. Сталина, его атеистическое, марксистское мировоззрение (а у историков нет никаких убедительных фактов об обратном) никак не смогут вписываться в те актуальные идеологемы современности, к которым обращена политика памяти. Сталинская же эпоха дает нам целую плеяду героев и патриотов Отечества, которые своим самоотверженным трудом ковали ратные, экономические и интеллектуальные победы.

2. Больше внимание государства к коммеморациям жертв политических репрессий, проработка на государственном уровне вопросов об определении виновников репрессий и исторической ответственности. На сегодняшний день усилия православных акторов во многом заполняют ту лакуну, которую оставляет государственная политика памяти по данному вопросу. На государственном

уровне существует День памяти жертв политических репрессий, проводится ряд публичных мероприятий. Однако государственные коммеморации на данный момент избегают прямого указания на виновников этих трагических событий, позиция же Русской православной церкви в этом плане куда четче и определеннее.

3. Общее принятие преемственности истории России, идеи «исторической России». В своем выступлении на Всемирном русском народном соборе Президент России отдельно акцентировал внимание на идее преемственности и отнес Советский Союз к Русскому миру, к исторической России. Сталинский СССР такая же неотъемлемая его часть, со всеми светлыми и темными страницами. Ее трактовка не должна отталкиваться от отрицания как ее самой, так и предшествующих и последующих форм существования исторической России.

4. Акцент не на прошлом, а на будущем. Необходимо определиться, что из исторического опыта той эпохи мы можем взять на вооружение сегодня. Технологический суверенитет, консолидация общества, нацеленность на экономический рывок, передовая фундаментальная наука, привлекательность России для стран «глобального Юга», традиционные ценности, уважение к собственной истории, почитание героев прошлого и современности — это те ценностные установки, которые могут быть связаны не только со сталинской эпохой, а вполне согласуются с общей политической линией нашего государства и могут выступать консолидирующими идеями образа будущего.

Список источников

Аникин Д. А. Мемориализация Великой Отечественной войны в религиозном дискурсе: основные тенденции и региональная специфика // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы : материалы IV Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посв. 80-летию освобождения Дона и Донбасса, Ростов-на-Дону, 5–8 июля 2023 г. / отв. ред. Г. Г. Матишов. Ростов н/Д : Федер. исслед. центр Южный науч. центр Рос. акад. наук, 2023. С. 508–516.

Багдасарян В. Э. Государство-цивилизация Сталина (доклад Изборскому клубу) // Изборский клуб : обществ.-полит. журн. 2023. № 6. С. 20–54.

Баранов С. Десять сталинских решений (авторский доклад Изборскому клубу) // Там же. № 7. С. 4–16.

Батищев Р. Ю., Беляев Е. В., Линченко А. А. Русская православная церковь как актор современной политики памяти: дискурс канонизации // *Studia Humanitatis*. 2018. № 1. С. 23.

Галушка А. С., Ниязметов А. К., Окулов М. О. Кристалл роста к русскому экономическому чуду. М. : АО Щербинская типография, 2021.

Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на пленарном заседании XXV Всемирного русского народного собора : офиц. сайт Московского патриархата (28.11.2023). URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6080946.html> (дата обращения: 01.12.2023).

- Донцев С. П. Политика памяти в контексте институциональных взаимодействий Русской православной церкви и государства в современной России // Полит. наука. 2018. № 3. С. 110–128. DOI: 10.31249/poln/2018.03.05
- Зевелёв И. А. Границы русского мира. Трансформация национальной идентичности и новая внешнеполитическая доктрина России // Россия в глобальной политике. 2014. № 2. URL: <http://globalaffairs.ru/number/Granitsy-russkogo-mira-16582> (дата обращения: 12.11.2023).
- Зыгмонт А. И. О феномене «царебожия» в современной религиозной культуре России // Вестн. РГГУ. Серия : Философия. Социология. Искусствоведение. 2012. № 11 (91). С. 138–145.
- Коровин В. Неосталинизм — курс на империю // Изборский клуб : обществ.-полит. журн. 2023. № 7. С. 38–46.
- Мажитов С., Матвейчев О. Основы педагогики Сталина // Там же. С. 90–96.
- Мединский В. Р., Торкунов А. В. История России, 1914–1945 годы : 10-й класс : учеб. М. : Просвещение, 2023.
- Мощанский И. Б. 1941. Битва за Киев, 7 июля — 26 сентября. М. : Яуза, БТВ-Книга : Эксмо, 2008. 208 с.
- Пленарное заседание Всемирного русского народного собора : сайт Президента Российской Федерации (28.11.2023). URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72863> (дата обращения: 01.12.2023)
- Преступление века. Материалы следствия: Документально-архивная хронология событий, связанных с гибелью Российского императора Николая II, его семьи и их приближенных : в 3 т. М. : Следств. комитет РФ, 2021. 552 с.
- Прилуцкий А. М. «Сталинский миф» в религиозном и парарелигиозном дискурсах // Вестн. Северного (Арктического) федер. ун-та. Серия : Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 2. С. 87–95.
- Степанов А. Сталин как неизбежность // Изборский клуб : обществ.-полит. журн. 2023. № 7. С. 108–116.
- Тесля А. А. Как менялась память о Второй мировой войне // Эксперт. 2020. № 18–20. С. 97–101.
- Russian Field провела по заказу АПЭК опрос об отношении к политическим лидерам прошлого (21.08.2023) // Агентство политических и экономических коммуникаций. URL: http://www.apecom.ru/news/?ELEMENT_ID=8791 (дата обращения: 23.11.2023).

References

- Anikin, D. A. (2023). Memorializatsiya Velikoi Otechestvennoi voiny v religioznom diskurse: osnovnye tendentsii i regional'naya spetsifika [The Memorialization of the Great Patriotic War in religious discourse: the main trends and religious specificity]. *Velikaya Otechestvennaya voina v istorii i pamyati narodov Yuga Rossii: sobytiya, uchastniki, simvoly: Materialy IV Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoi 80-letiyu osvobodzheniya Dona i Donbassa, Rostov-na-Donu, 5–8 iyulya 2023 goda* / ed. G. G. Matishov, 508–516. Rostov-on-Don: Federal'nyi issledovatel'skii tsentr Yuzhnyi nauchnyi tsentr Rossiiskoi akademii nauk.
- Bagdasaryan, V. E. (2023). Gosudarstvo-tsilivizatsiya Stalina (doklad Izborskому клубу) [State-civilization of Stalin: report to the Izborsk Club]. *Obshchestvenno-politicheskii zhurnal "Izborskii klub"*, 6, 20–54.
- Baranov, S. (2023). Desyat' stalinskikh reshenii (avtorskii doklad Izborskому клубу) [Ten Stalin's Decisions (original report to the Izborsk Club)]. *Obshchestvenno-politicheskii zhurnal "Izborskii klub"*, 7, 4–16.
- Batishchev, R. Yu., Belyaev, E. V., Linchenko, A. A. (2018). Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' kak aktor sovremennoi politiki pamyati: diskurs kanonizatsii [The Russian Orthodox Church as an actor of modern politics of memory: the discourse of canonisation]. *Studia Humanitatis*, 1, 23.
- Doklad Svyateishogo Patriarkha Kirilla na plenarnom zasedanii XXV Vsemirnogo russkogo narodnogo sobora [Report of His Holiness Patriarch Kirill at the plenary session of the XXV World Russian People's Council]. *The official website of the Moscow Patriarchate* (28.11.2023). URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6080946.html> (accessed: 01.12.2023).
- Doncev S. P. (2018) Politika pamyati v kontekste institucional'nykh vzaimodejstvij Russkoj pravoslavnoj cerkvi i gosudarstva v sovremennoj Rossii [The politics of memory in the context of the Russian Orthodox Church and the state's interactions in modern Russia]. *Politicheskaya nauka*. Moscow, 3, 110–128. DOI: 10.31249/poln/2018.03.05
- Galushka, A. S., Niyazmetov, A. K., Okulov, M. O. (2021). *Kristall rosta k russkomu ekonomicheskому chudu* [Growth Crystal to Russian Economic Miracle]. Moscow: AO Shcherbinskaya tipografiya.
- Korovin, V. (2023). Neostalinizm — kurs na imperiyu [Neostalinism — the course to empire]. *Obshchestvenno-politicheskii zhurnal "Izborskii klub"*, 7, 38–46.
- Magnitov, S., Matveichev, O. (2023). Osnovy pedagogiki Stalina [The bases of Stalin's pedagogy]. *Obshchestvenno-politicheskii zhurnal "Izborskii klub"*. 7, 90–96.
- Medinskii, V. R., Torkunov, A. V. (2023). *Istoriya. Istoriya Rossii. 1914–1945 gody: 10-i klass: bazovyi uroven': uchebnik* [History. The history of Russia: 1914 — 1945: 10th grade: basic level: student book]. Moscow: Prosveshchenie.
- Moshchanskij I. B. (2008) *1941. Bitva za Kiev. 7 iyulya — 26 sentyabrya* [1941. Battle for Kiev. July 7 — September 26] Moscow: Yauza, BTV-Kniga, Eksmo. 208 p.
- Plenarnoe zasedanie Vsemirnogo russkogo narodnogo sobora [Plenary session of the World Russian People's Council]. *The website of the President of the Russian Federation* (28.11.2023). URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72863> (accessed: 01.12.2023).
- Prestuplenie veka: Materialy sledstviya: Dokumental'no-arhivnaya hronologiya sobytij, svyazannykh s gibel'yu Rossijskogo imperatora Nikolaya II, ego sem'i i ih priblizhyonnykh* [The Crime of the Century: Investigation materials: Documentary and archival chronology of events related to the death of Russian Emperor Nicholas II, his family and their entourage] (2021). Moscow: The Investigative Committee of the Russian Federation.
- Prilutskii, A. M. (2016). "Stalinskii mif" v religioznom i parareligioznom diskursakh ["Stalin's Myth" in religious and para-religious discourses]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 2, 87–95.

Russian Field provela po zakazu APEK opros ob otnoshenii k politicheskim lideram proshlogo (21.08.2023) [Russian Field conducted a survey commissioned by APEC on attitudes towards political leaders of the past]. *Agency of political and economic communications*. URL: http://www.apecom.ru/news/?ELEMENT_ID=8791 (accessed: 23.11.2023).

Stepanov, A. (2023). Stalin kak neizbezhnost' [Stalin as an inevitability]. In *Obshchestvenno-politicheskii zhurnal "Izborskii klub"*, 7, 108–116.

Teslya, A. A. (2020). Kak menyalas' pamyat' o Vtoroi mirovoi voine [How does the memory about the Second World War change]. *Ekspert*, 18–20, 97–101.

Zevelyov I. A. (2014) Granicy russkogo mira. Transformaciya nacional'noj identichnosti i novaya vneshnepoliticheskaya doktrina Rossii [The borders of the Russian world. The transformation of national identity and the new foreign policy doctrine of Russia]. *Russia in Global Affairs*, 2. URL: <http://globalaffairs.ru/number/Granitsy-russkogo-mira-16582> (accessed: 12.11.2023)

Zygmont, A. I. (2012). O fenomene "Tsarebozhiya" v sovremennoi religioznoi kul'ture Rossii [About the phenomenon of "Tsarebozhiye" in modern religious culture of Russia]. *Vestnik RGGU. Seriya "Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie"*. 11 (91), 138–145.

Сведения об авторе

Батищев Роман Юрьевич, младший научный сотрудник Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия

Information about the author

Roman Yu. Batishchev, Junior Researcher of Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky, Saratov, Russia

*Статья поступила в редакцию 06.12.2023;
одобрена после рецензирования 30.12.2023;
принята к публикации 01.04.2024*

*The article was submitted 06.12.2023;
approved after reviewing 30.12.2023;
accepted for publication 01.04.2024*

Научная статья

УДК 271.2 + 373.5.016:94 + 378-057.175:94 + 006.3

doi 10.15826/tetm.2024.1.061

Репрезентация исторической роли Русской православной церкви в контексте преподавания отечественной истории (2013–2023)

Владимир Олегович Беклямишев

Саратовский государственный университет, Саратов, Россия
bekliamishev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0528-8704>

Аннотация. В статье рассматривается политика Русской православной церкви (РПЦ), направленная на включение элементов конфессиональной истории в светские учебно-методические нарративы. По мере стандартизации содержания курса истории России в школе, а затем и установления нормативных требований к результатам освоения общеобязательного курса истории России в вузах значимость этих каналов формирования коллективной памяти серьезно возросла. Проведенный анализ выявил три основные стратегии РПЦ по оказанию влияния на содержание данных курсов: акцентирование внимания на эпизодах участия церковных иерархов в переломных событиях, изменивших ход истории российской государственности, поэтапное расширение круга упоминаемых персоналий, связанных с историей Церкви, и, наконец, апелляция к цивилизационному подходу, акцентирующему внимание на ценностных основаниях политической истории, что дает РПЦ символическое преимущество как «государствообразующей» конфессии.

Ключевые слова: гражданская религия, Русская православная церковь, историческое образование в школе, историческое образование в высшей школе, Историко-культурный стандарт

Для цитирования: Беклямишев В. О. Репрезентация исторической роли Русской православной церкви в контексте преподавания отечественной истории (2013–2023) // *Tempus et Memoria*. 2024. Т. 5, № 1. С. 56–63. <https://doi.org/10.15826/tetm.2024.1.061>

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00535 «Гражданская религия в современной России: мемориальные практики и особенности теологического дискурса», <https://rscf.ru/project/22-28-00535/>

Original article

Representation of the Historical Role of the Russian Orthodox Church in the Context of Teaching Russian History (2013–2023)

Vladimir O. Beklyamishev

Saratov State University, Saratov, Russia

bekliamishev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0528-8704>

Abstract. The article discusses the policy of the Russian Orthodox Church aimed at including elements of confessional history in secular educational and methodological narratives. As the content of the Russian history course was standardized for schools, and then the regulatory requirements for the results of studying the compulsory Russian history course at universities were established, the importance of these channels for the formation of collective memory has increased significantly. The analysis revealed three main strategies of the Russian Orthodox Church to influence the content of these courses: focusing on episodes of participation of church hierarchs in crucial events that changed the course of the history of Russian statehood, a gradual expansion of the range of mentioned personalities related to the history of the Church and, finally, an appeal to a civilizational approach that focuses on the value foundations of political history, which gives the Russian Orthodox Church a symbolic advantage as a “state-forming” denomination.

Key words: civil religion, Russian Orthodox Church, historical education in school, historical education in university education, Historical and cultural standard

For citation: Beklyamishev, V. O. (2024). *Reprezentatsiya istoricheskoi roli Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v kontekste prepodavaniya otechestvennoi istorii (2013–2023)* [Representation of the Historical Role of the Russian Orthodox Church in the Context of Teaching Russian History (2013–2023)]. *Tempus et Memoria*, 5, 1, 56–63. <https://doi.org/10.15826/tetm.2024.1.061>

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number № 22-28-00535, <https://rscf.ru/project/22-28-00535>

Тема исторического образования очень важна в контексте изучения «гражданской религии» (в терминологии Р. Беллы), поскольку, во-первых, школьные учебники истории служат своего рода «привилегированными медиа» [Пахалюк, 16], то есть источниками информации, с которыми гарантированно ознакомится подавляющее большинство молодых граждан, а во-вторых, структура излагаемого в них материала воспроизводит «те основания, согласно которым определяется, какое знание действительно имеет значение для общества и правящих элит» [Lässig, 3].

Рассматривая деятельность Русской православной церкви (РПЦ) как актора политики памяти, целесообразно сосредоточиться на способах ее взаимодействия с системой образования и, в частности, на попытках включения элементов конфессиональной

истории в светские учебно-методические нарративы. Как уже отмечалось исследователями, «для РПЦ взаимодействие с системой государственного образования является одним из ключевых каналов для трансляции определенного образа прошлого и собственного видения смысла и содержания общественно-политических феноменов и явлений» [Донцев, 95]. Не случайно и то, что единственным предметом, упоминаемым в разделе Основ социальной концепции Русской православной церкви, посвященном образованию, оказывается именно история. Применительно к ней утверждается, что «во многих учебных курсах истории недооценивается роль религии в формировании духовного самосознания народов», а «православные верующие с сожалением воспринимают попытки некритического заимствования учебных стандартов, программ

и принципов образования из организаций, известных негативным отношением к христианству вообще или Православию в частности» [Основы социальной концепции...].

Хронологические рамки исследования охватывают последнее десятилетие (2013–2023), за которое системой образования был проделан большой путь «от почти полной, не всегда в должной степени контролируемой государством свободы в содержании школьных учебников до возвращения государства в эту сферу и нормативного закрепления содержания образования» [Гагкуев, 7]. Ключевой вехой данного процесса, если говорить об истории, стало решение о подготовке нового, избавленного «от двойных толкований», так называемого «единого учебника», озвученное президентом России В. В. Путиным в 2013 г. [Владимир Путин...]. Результатом большой работы, проделанной Правительством России, РАН, Российским историческим и Российским военно-историческим обществами, стала Концепция учебно-методического комплекса по отечественной истории, содержательным ядром которой являлся Историко-культурный стандарт — перечень ключевых событий, фактов, персоналий и дат, служащих смысловой основой для подготовки новых линейек учебников, а также контрольно-измерительных материалов для государственных экзаменов — ГИА и ЕГЭ [Акульшин, Гребенкин].

Представители РПЦ активно участвовали в общественном обсуждении идеи «единого учебника», апеллируя к тому, что его отсутствие наносит ущерб формированию гражданственности [Патриарх Кирилл...]. Столь же серьезное внимание к теме содержательного наполнения школьного курса истории было проявлено РПЦ и спустя шесть лет, при разработке Концепции преподавания учебного курса «История России» в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы [Митрополит Волоколамский Иларион...]. Сравнение этих методических документов позволяет не только описать изменение структуры исторического нарратива о роли Церкви, связанное с добавлением или исключением отдельных сюжетов, но и выявить дискурсивные стратегии сопряжения истории РПЦ с общегосударственным историческим нарративом.

И Концепция учебно-методического комплекса по отечественной истории (Концепция-2013), и Концепция преподавания учебного курса «История России» в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы (Концепция-2019), открываются развернутым методологическим разделом, предваряющим Историко-культурный стандарт. В обоих случаях констатируется мировоззренческое значение школьного курса, подчеркивается, что в нем «объективно существуют большие, чем в других дисциплинах, возможности для раскрытия разных сторон исторического процесса». Среди этих сторон выделяются «церковь и религиозные учения» [Концепции учебно-методического комплекса..., 6–7], причем в Концепции-2019, за счет написания слова «Церковь» с большой буквы, акцент переносится на конкретную Русскую православную церковь [Концепция преподавания учебного курса..., 9].

Первое упоминание о роли церкви в обеих редакциях Историко-культурного стандарта связано с принятием христианства в конце X в., которое «предопределило путь культурного развития страны и оказало огромное влияние на картину мира и систему представлений человека того времени» [Концепции учебно-методического комплекса..., 14]. С этого момента и вплоть до конца обоих текстов основной акцент делается на вклад церкви в развитие отечественной культуры. В соответствующих разделах перечисляются церковные уставы и первые русские жития, храмовое строительство и т. д. [Там же, 16–17]. Кроме того, при описании более поздних периодов иерархии церкви также перечисляются преимущественно как «деятели культуры». Отметим, что в процессе общественного обсуждения Концепции-2013 патриарх Кирилл неоднократно указывал на это обстоятельство, подчеркивая, что значение религии в российской истории было гораздо шире [В школьных учебниках...], но на конечном варианте текста это не отразилось.

Следующим историческим эпизодом, в котором подчеркивается политическая роль РПЦ, является период феодальной раздробленности. Как отмечается авторами Концепции-2013, «несмотря на фактическую суверенность земель, продолжало существовать

представление о единстве Руси... Единой оставалась и русская церковная организация во главе с митрополитом всея Руси» [Концепции учебно-методического комплекса..., 14]. Впрочем, если этот фрагмент был сохранен в Концепции-2019 без изменений, то факт переноса митрополичьей кафедры в Москву получил более отчетливую оценку. Если в первой редакции Историко-культурного стандарта о нем упоминалось вскользь, то в Концепции-2019 роль русских митрополитов, «выбравших местом своего пребывания Москву», в борьбе княжеств была признана «значительной» [Концепция преподавания учебного курса..., 28].

Расширенное толкование в Концепции-2019 получает и роль РПЦ в период ордынского ига. Если в Концепции-2013 имело место лишь упоминание Сергия Радонежского, то во второй редакции возникает уравнивающая фигура святителя Алексея Московского, пользовавшегося большой благосклонностью в Орде [Там же, 30]. Это нашло отражение и в содержании новых школьных учебников, опиравшихся на Историко-культурный стандарт, где стали подчеркиваться позитивные последствия отношений РПЦ и ордынских властей [Алленова, 137].

В обеих редакциях Историко-культурного стандарта фигурируют захват Константинополья османами в 1453 г. и рост церковно-политической роли Москвы в православном мире. Там же упоминаются теория «третьего Рима», Флорентийская уния и последовавшая затем автокефалия русской церкви [Концепции учебно-методического комплекса..., 18]. Именно применительно к периоду XVI в., в контексте завоевания Казанского ханства, утверждается, что в составе Российского государства «приобретали опыт мирного сосуществования различные в цивилизационном и конфессиональном плане народы» [Там же, 20]. Дискурс гармоничного сосуществования конфессий становится стержневым и для последующих разделов. По замыслу авторов Концепции-2013, представленные на страницах учебников примеры должны были подчеркнуть уникальность России как «крупнейшей многонациональной и поликонфессиональной страны в мире» [Там же, 9].

Наиболее существенные изменения в 2019 г. были внесены в раздел, посвященный XVII в. Новая редакция Историко-культурного

стандарта, в отличие от предыдущей, подчеркнула «роль Русской православной церкви во главе с патриархом Гермогеном» в борьбе со Смутой [Концепция преподавания учебного курса..., 33], а затем и «роль патриарха Филарета в управлении государством» [Там же, 36]. С другой стороны, при описании раскола прежняя формулировка его причин — «несогласие части священства и мирян» [Концепции учебно-методического комплекса..., 22] — превратилась в категоричную: «большой части священства и мирян» [Концепция преподавания учебного курса..., 34].

Интерес представляет и развитие темы православного миссионерства. Если в Концепции-2013 этот феномен упоминался лишь в контексте территориального расширения страны в XVII в. («Переселение русских на новые земли. Миссионерство и христианизация. Межэтнические отношения. Формирование многонациональной элиты») [Концепции учебно-методического комплекса..., 24], то в Концепции-2019 тема миссионерской деятельности возникает и в разделе о XIX в., где в ряду исторических персоналий возникает даже святитель Николай Японский [Концепция преподавания учебного курса..., 84].

Вместе с тем при описании имперского периода отечественной истории объем сведений об истории РПЦ существенно сокращается в обеих редакциях Историко-культурного стандарта. Единственное различие состоит в том, что Концепция-2019 компенсирует это снижение увеличением доли религиозных фигур в разделе «Персоналии», где возникают, например, Иоанн Кронштадтский, Серафим Саровский, митрополиты Антоний (Храповицкий) и Владимир (Богоявленский) [Там же, 84–85].

В контексте революционных событий в обоих случаях упоминаются Собор 1917 г. и восстановление патриаршества [Концепции учебно-методического комплекса..., 47], а при описании раннего советского периода — отделение церкви от государства и школы от церкви, антирелигиозная пропаганда и секуляризация жизни общества [Там же, 47–48], наступление на религию, «Союз воинствующих безбожников» и обновленческое движение [Там же, 54].

Принципиально важным видится выделение роли Церкви в годы Великой Отечественной

войны. Обе редакции Историко-культурного стандарта упоминают избрание на патриарший престол митрополита Сергия (Страгородского) в 1943 г. и «патриотическое служение представителей религиозных конфессий» [Концепции учебно-методического комплекса..., 60]. Отметим, что если в Концепции-2013 присутствуют упоминания о предоставлении церкви в постсоветский период налоговых льгот, а также о передаче государством зданий и предметов культа для религиозных нужд [Там же, 77], то в обновленной редакции Историко-культурного стандарта эти моменты уже не фигурируют. Хотя в учебнике истории России под редакцией В. Р. Мединского и А. В. Торкунова упоминается, что «возрождение религиозной жизни во многом происходит при поддержке государства» [Мединский, 367].

Со временем процесс поэтапной стандартизации преподавания мировоззренческих дисциплин распространился и на высшие учебные заведения. В феврале 2022 г. Экспертным советом по развитию исторического образования при Минобрнауки России была утверждена Концепция преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях высшего образования [Концепция преподавания истории России...]. Структура данного документа, задающего единую планку требований к результатам освоения обязательного курса истории в высшей школе, во многом схожа с базовым школьным курсом. Однако, при прочих равных, историческая роль РПЦ в нем выражена в меньшей степени. В преамбуле подчеркивается «особое значение... исторического опыта национальной и конфессиональной политики Российского государства на всех этапах его существования (включая периоды Российской империи и Советского Союза)», однако при этом указывается на важность анализа проблем и противоречий [Там же, 4]. В контексте раскола выделяется «спор о взаимоотношениях “священства и царства”» [Там же, 27], религиозные реформы Петра I оцениваются через призму «зарождения практики религиозной терпимости» [Там же, 35] и «начала смены религиозного мировосприятия рациональным» [Там же, 36], а при оценке реформ Екатерины II акцентируется вопрос о секуляризации церковных имений [Концепция преподавания

истории России..., 31]. Отсутствует и упоминание о «патриотическом служении» Церкви в годы Великой Отечественной войны, — речь идет исключительно о «смягчении антирелигиозной политики» со стороны государства [Там же, 73].

Подобная постановка вопросов не могла не вызвать нареканий со стороны руководства РПЦ, о чем патриарх Кирилл косвенно заявил в рамках встречи президента России В. В. Путина с историками и представителями традиционных конфессий 4 ноября 2021 г. Указав, что история Церкви теснейшим образом переплетена с историей государства, председатель подчеркнул, что «эта тема не очень ярко сегодня представлена в светских вузах», и попросил «чтобы какие-то курсы все-таки... посвящались истории духовной жизни нашего народа» [Встреча с историками...].

В результате по поручению президента стартовала разработка нового курса «История религий России», в настоящее время проходящего апробацию в ряде вузов по всей стране. По имеющимся данным, его программа состоит из четырех блоков, включая исторический, который раскрывает основные аспекты формирования России как «поликонфессионального государства-цивилизации» [Истории религии...]. Данный курс позиционируется руководством РПЦ как автономный от ранее внедренного курса истории России. «Очень важно, чтобы этот курс разрабатывался с участием компетентных и уполномоченных представителей тех самых традиционных религий, которым он будет посвящен, а не некоей третьей, как бы нейтральной, стороной — религиоведческой или исторической», — подчеркивал, в частности, председатель Учебного комитета РПЦ протоиерей М. Козлов [Председатель Учебного комитета...].

Следует отметить, что переход к цивилизационному подходу при изложении истории России действительно позволяет более широко представить роль РПЦ не только в культурной, но и в политической сфере. Примером служит содержание учебников по курсу «Основы российской государственности», еще одному мировоззренческому курсу, внедренному в высших учебных заведениях с 1 сентября 2023 г. Например, в одном из трех одобренных на сегодняшний день пособий прямо указывается, что

«православие повлияло на русскую политическую культуру» [Основы российской государственности, 86], а «российская цивилизация изначально складывалась с ясным пониманием своей исключительности как последнего хранителя веры и правды» [Там же, 88].

Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, по мере сужения вариативности в преподавании школьного курса истории России, а затем и общеобязательного курса истории для обучающихся в высших учебных заведениях по неисторическим направлениям подготовки значимость этих каналов формирования коллективной памяти серьезно возросла. При этом на всех этапах работы над содержанием соответствующих методических документов руководство РПЦ не устраивало ни структура, ни интенция учебно-методического нарратива, во многом унаследованного еще с советских времен. В ходе развернувшейся дискуссии о направлении трансформации исторического образования подчеркивалось, что роль РПЦ, признаваемая в сфере культуры, приуменьшается в части вклада в развитие государственности.

В определенном смысле это объясняется тем, что при описании событий Новейшего времени доминирует дискурс Просвещения, построенный вокруг оппозиции «светский — религиозный», где «светскость» интерпретируется как синоним прогресса, трактуемого в позитивном ключе.

Проводя собственную политику памяти, руководство РПЦ выработало три стратегии, позволяющие интегрировать необходимые ему сюжеты в учебно-методический нарратив. Это актуализация эпизодов участия православных иерархов в «бифуркационных точках» истории российской государственности (роль митрополитов в возвышении Москвы, роль патриарха Гермогена в преодолении Смуты, роль патриарха Сергия в период Великой Отечественной войны и т. д.), поэтапное расширение репертуара сюжетов и перечня персоналий церковной истории в методических текстах и, наконец, апелляции к цивилизационному подходу, акцентирующему внимание на ценностных основаниях политической истории, что дает РПЦ символическое преимущество как «государствообразующей» конфессии.

Список источников

- Акульшин П. В., Гребенкин И. Н. Историко-культурный стандарт: концепция, рекомендации, содержание // Вестн. Рязан. гос. ун-та им. С. А. Есенина. 2013. № 4 (41). С. 7–15.
- Аленова И. В. Сравнительный анализ школьных учебников по истории России 6–9-х классов на содержание в них православного компонента // Богослов. сб. Тамбов. духов. семинарии. 2023. № 1 (22). С. 132–148.
- В школьных учебниках не отражена истинная роль РПЦ в истории государства : офиц. сайт фонда «Русский мир». URL: <https://russkiymir.ru/news/198868/?ysclid=lpzips2a3j753332525> (дата обращения: 10.12.2023).
- Владимир Путин распорядился создать единые учебники истории для школ // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2013/02/20/putin.html> (дата обращения: 10.12.2023).
- Встреча с историками и представителями традиционных религий России : офиц. сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/69781> (дата обращения: 10.12.2023).
- Гажуев Р. Г. Учебники истории. Взгляд через Федеральный перечень учебников // Преподавание военной истории в России и за рубежом. Вып. 4. М. ; СПб. : Рос. воен.-ист. общество. 2021. С. 7–33.
- Донцев С. П. Политика памяти в контексте институциональных взаимодействий Русской православной церкви и государства в современной России // Полит. наука. 2018. № 3. С. 91–105.
- Истории религии придали новый курс // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6282179> (дата обращения: 10.12.2023).
- Концепции преподавания учебного курса «История России» в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы : офиц. сайт Минпросвещения России. URL: docs.edu.gov.ru/document/b12aa655a39f6016af3974a98620bc34/download/3243/?ysclid=lpzk02wzwf606314251 (дата обращения: 10.12.2023).
- Концепции учебно-методического комплекса по отечественной истории : офиц. сайт Российского исторического общества. URL: konsepsiyaifinal.pdf (historyrussia.org) (дата обращения: 10.12.2023).
- Концепция преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях высшего образования : офиц. сайт Минобрнауки России. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%86%D0%B8%D1%8F1.pdf?ref=svtv> (дата обращения: 10.12.2023).

Мединский В. Р., Торкунов А. В. История России, 1945 год — начало XXI века. 11-й класс: базовый уровень : учеб. М. : Просвещение, 2023.

Митрополит Волоколамский Иларион принял участие в заседании рабочей группы по совершенствованию концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории : офиц. сайт РПЦ МП. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5523425.html> (дата обращения: 10.12.2023).

Основы российской государственности : учеб. пособие для студентов науч. и инж.-техн. специальностей. М. : Изд. дом РАНХиГС. 2023.

Основы социальной концепции Русской православной церкви : офиц. сайт РПЦ МП. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 10.12.2023).

Патриарх Кирилл: единый учебник истории поможет преодолеть «исторический мазохизм» // ИТАР-ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/1410442> (дата обращения: 10.12.2023).

Пахалюк К. А. Преподавание военной истории в зарубежном академическом дискурсе (на основе обзора материалов журнала *Journal of Educational Media, Memory, and Society*) // Преподавание военной истории в России и за рубежом. Вып. 1. М. ; СПб. : Рос. воен.-ист. об-во, 2018. С. 13–46.

Председатель Учебного комитета отметил наличие возможностей для участия Церкви в разработке курса истории религий России : офиц. сайт РПЦ МП. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5984836.html> (дата обращения: 10.12.2023).

Lässig S. Textbooks and Beyond: Educational Media in Context(s) // *Journal of Educational Media, Memory, and Society*. 2009. Vol. 1, № 1. P. 1–20. DOI: 10.3167/jemms.2009.010101.

References

Akul'shin, P. V., Grebenkin, I. N. (2013). Istoriko-kul'turnyj standart: kontseptsiya, rekomendatsii, sodержanie [Historical and cultural standard: concept, recommendations, content]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Esenina*, 4 (41), 7–15.

Allenova, I. V. (2023). Sravnitel'nyj analiz shkol'nykh uchebnikov po Istorii Rossii 6–9-kh klassov na sodержanie v nikh pravoslavnogo komponenta [Comparative analysis of school textbooks on the History of Russia in grades 6–9 on the content of the Orthodox component in them]. *Bogoslovskij sbornik Tambovskoj dukhovnoj seminarii*, 1 (22), 132–148.

Dontsev, S. P. (2018). Politika pamyati v kontekste institutsional'nykh vzaimodejstvij Russkoj pravoslavnoj tserkvi i gosudarstva v sovremennoj Rossii [The Politics of Memory in the Context of Institutional Interactions between the Russian Orthodox Church and the State in Modern Russia]. *Politicheskaya nauka*, 3, 91–105.

Gagkuev, R. G. (2021). Uchebniki istorii. Vzglyad cherez Federal'nyj perechen' uchebnikov [History textbooks. A look through the Federal List of Textbooks]. *Prepodavanie voennoj istorii v Rossii i za rubezhom*, 4. М.; СПб.: Rossijskoe voenno-istoricheskoe obshchestvo, 7–33.

Istorii religii pridali novyj kurs [The history of religion has been given a new course]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6282179> (accessed: 10.12.2023).

Kontseptsii prepodavaniya uchebnogo kursa «Istoriya Rossii» v obrazovatel'nykh organizatsiyakh Rossijskoj Federatsii, realizuyushhikh osnovnye obshheobrazovatel'nye programmy [Concepts of teaching the course “History of Russia” in educational institutions of the Russian Federation implementing basic general education programs]. URL: docs.edu.gov.ru/document/b12aa655a39f6016af3974a98620bc34/download/3243/?ysclid=lpzk02wzwf606314251 (accessed: 10.12.2023).

Kontseptsii uchebno-metodicheskogo kompleksa po otechestvennoj istorii [Concepts of the educational and methodological complex on national history]. URL: konsepsiyafinal.pdf (historyrussia.org) (accessed: 10.12.2023).

Kontseptsiya prepodavaniya istorii Rossii dlya neistoricheskikh spetsial'nostej i napravlenij podgotovki, realizuemykh v obrazovatel'nykh organizatsiyakh vysshego obrazovaniya [The concept of teaching Russian history for non-historical specialties and training areas implemented in educational institutions of higher education]. URL: <https://minobrнауки.gov.ru/%D0%A%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%86%D0%B8%D1%8F1.pdf?ref=svtv.org> (accessed: 10.12.2023).

Lässig, S. (2009). Textbooks and Beyond: Educational Media in Context(s). *Journal of Educational Media, Memory, and Society*. 1, 1, 1–20. DOI: 10.3167/jemms.2009.010101.

Мединский, В. Р., Торкунов, А. В. (2023). *Istoriya Rossii. 1945 god — nachalo XXI veka. 11-j klass: bazovyy uroven': uchebnik* [The history of Russia. 1945 is the beginning of the XXI century. 11th grade: Basic level: Textbook]. М.: Prosveshchenie.

Mitropolit Volokolamskij Ilarion prinyal uchastie v zasedanii rabochej grupy po sovershenstvovaniyu kontseptsii novogo uchebno-metodicheskogo kompleksa po otechestvennoj istorii [Metropolitan of Volokolamsk Hilarion took part in a meeting of the working group on improving the concept of a new educational and methodological complex on national history]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5523425.html> (accessed: 10.12.2023).

Osnovy rossijskoj gosudarstvennosti: uchebnoe posobie dlya studentov nauchnykh i inzhenerno-tekhnicheskikh spetsial'nostej [Fundamentals of Russian statehood: a textbook for students of scientific and engineering specialties] (2023). М.: Izd. dom RANKHiGS.

Osnovy sotsial'noj kontseptsii Russkoj Pravoslavnoj Tserkvi [Fundamentals of the social concept of the Russian Orthodox Church]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (accessed: 10.12.2023).

Pakhalyuk, K. A. (2018). Prepodavanie voennoj istorii v zarubezhnom akademicheskom diskurse (na osnove obzora materialov zhurnala *Journal of Educational Media, Memory, and Society*) [Teaching military History in foreign Academic discourse (based on a review of materials from the *Journal of Educational Media, Memory, and Society*)]. *Prepodavanie voennoj istorii v Rossii i za rubezhom*, 1. М.; СПб.: Rossijskoe voenno-istoricheskoe obshchestvo, 13–46.

Patriarkh Kirill: edinyj uchebnik istorii pomozhet preodolet' "istoricheskij mazokhizm" [Patriarch Kirill: a single history textbook will help overcome "historical masochism"]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/1410442> (accessed: 10.12.2023).

Predsedatel' Uchebnogo komiteta otmetil nalichie vozmozhnostej dlya uchastiya TSerkvi v razrabotke kursa istorii religij Rossii [The Chairman of the Educational Committee noted the availability of opportunities for the Church to participate in the development of a course on the history of religions in Russia]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5984836.html> (accessed: 10.12.2023).

V shkol'nykh uchebnikakh ne otrazhena istinnaya rol' RPTS v istorii gosudarstva [School textbooks do not reflect the true role of the ROC in the history of the state]. URL: <https://ruskiymir.ru/news/198868/?ysclid=lpzips2a3j753332525> (accessed: 10.12.2023).

Vladimir Putin rasporyadilsya sozdat' edinye uchebniki istorii dlya shkol [Vladimir Putin ordered the creation of unified history textbooks for schools]. URL: <https://rg.ru/2013/02/20/putin.html> (accessed: 10.12.2023).

Vstrecha s istorikami i predstavitelyami traditsionnykh religij Rossii [Meeting with historians and representatives of traditional religions of Russia]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/69781> (accessed: 10.12.2023).

Сведения об авторах

Беклямишев Владимир Олегович, младший научный сотрудник Саратовского государственного университета, Саратов, Россия

Information about the authors

Vladimir O. Bekliamishev, Junior Research Fellow, Saratov State University, Saratov, Russia

*Статья поступила в редакцию 06.12.2023;
одобрена после рецензирования 30.12.2023;
принята к публикации 01.04.2024*

*The article was submitted 06.12.2023;
approved after reviewing 30.12.2023;
accepted for publication 01.04.2024*

Научная статья

УДК 004.25 + 316.77:004.77 + 159.953 + 81:004.738.5 + 177.1

doi 10.15826/tetm.2024.1.062

Память Сети: проблема приватности в интернет-коммуникации

Данил Викторович Пигин, Екатерина Сергеевна Черепанова

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

Pigin_danil@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-0417-3143>

e.s.cherepanova@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2126-1678>

Аннотация. В статье исследуется проблема приватности в интернет-коммуникации в контексте парадокса конфиденциальности. Цель статьи — показать видение проблемы не только в рамках социально-теоретического подхода, но и с позиции философской антропологии и теории коммуникации. Осуществлен анализ актуальных исследований по проблеме парадокса конфиденциальности и выявлены основные проблемы, привлекающие внимание специалистов. Отмечается, что трансформации границы приватного происходят в эпоху телевидения, когда складываются практики избыточной откровенности в обсуждении исключительно личных тем. Вместе с тем открытость в сфере приватного не исключает тревоги по поводу возможных последствий такой свободы. Показано, каким образом феномен самораскрытия, как неотъемлемый элемент общения, приобретает в сетевой коммуникации новые формы. Если в устном общении откровенно высказанная личная информация, как правило, ненадолго запоминается, то в Интернете приватное всегда в памяти Сети.

Ключевые слова: память Сети, интернет-коммуникация, приватность, доверие, самораскрытие

Для цитирования: Пигин Д. В., Черепанова Е. С. Память Сети: проблема приватности в интернет-коммуникации // Tempus et Memoria. 2024. Т. 5, № 1. С. 64–75. <https://doi.org/10.15826/tetm.2024.1.062>

Original article

Internet Memory: Exploring the Problem of Privacy in Online Communication

Danil V. Pigin, Ekaterina S. Cherepanova

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Pigin_danil@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-0417-3143>
e.s.cherepanova@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2126-1678>

Abstract. The article seeks to offer a comprehensive understanding of privacy issues in online communication, particularly in the context of the confidentiality paradox. It delves into the problem not only from a socio-theoretical standpoint but also through the lenses of philosophical anthropology and communication theory. The article presents an overview of contemporary research on the paradox of confidentiality, spotlighting the key issues. The transformation of the private sphere's boundary started in the television era as practices of excessive openness emerged in discussions focused on exclusively personal topics. However, openness in the private sphere does not eliminate concerns about potential consequences of such freedom. The article illustrates how self-disclosure, an integral communication element, takes on new forms in online communication. While openly shared personal information in verbal communication is typically short-lived in memory, the online realm preserves private information in the network's memory.

Key words: memory of the Internet, Internet communication, privacy, trust, self-disclosure, infinite expression

For citation: Pigin, D. V., Cherepanova, E. S. (2024). Pamyat' seti: problema privatnosti v internet-kommunikatsii [Internet Memory: Exploring the Problem of Privacy in Online Communication]. *Tempus et Memoria*, 5, 1, 64–75. <https://doi.org/10.15826/tetm.2024.1.062>

Введение

Интернет и рождаемые им новые виды взаимодействия заставляют переосмыслить множество человеческих функций и возникающих в связи с этим проблем. Так, функция человеческой памяти активно дополняется в связи с открытым и практически круглосуточным доступом к бесконечному количеству информации. Память же остается важнейшим элементом культуры, выделяя атомарные события социального взаимодействия в целую сеть культурных кодов, необходимых для ее сохранения и развития. При этом постоянный поток социального взаимодействия актуализирует проблему приватного, которая в контексте обсуждения трансформации современных форм коммуникации традиционно рассматривается в связи с изменениями публичной сферы. Отмечается также неразрывная связь публичного и приватного, выявляются признаки существенного кризиса публичного или же вовсе доказываются исчезновение публичной сферы в той ее форме, в какой

она сложилась до Второй мировой войны. Работы Х. Арендт, Ю. Хабермаса, Н. Лумана, М. Маклюэна, М. Кастельса, З. Баумана и других исследователей в разных методологических оптиках раскрывают целый комплекс проблем, вызванных указанной трансформацией публичного. К таковым относят не только политическую пассивность, атомарность индивида, неподлинность и незавершенность коммуникации, но также и существенные изменения представлений о приватном, смещение границ допустимого в сфере интимного.

Сегодня изменение границы приватного и публичного, как правило, объясняют стремительным обновлением технологий, влияющих на сетевые коммуникативные практики современного человека. Поэтому можно видеть стремление исследователей успеть выявить ситуативные особенности коммуникативных стратегий сегодняшнего дня. Тема приватного в этой связи в значительной мере оказывается в центре обсуждения, так как напрямую связана с технологическими возможностями защиты личной информации.

Кроме того, факт, что сегодня правовая база стала более проработанной по сравнению с 2000-ми годами, не изменил проблему конфиденциальности персональных данных. Так, например, в мае 2022 г. команда из компании Mozilla провела анализ приложений для молитв и поддержания психического здоровья. Результат оказался неутешительным: исследователи установили, что эта категория приложений демонстрирует один из самых плохих показателей конфиденциальности. Джен Калтрайдер, руководитель Mozilla, заявила: «Они (компания. — Д. П., Е. Ч.) следят, распространяют информацию и извлекают выгоду из самых сокровенных личных мыслей и чувств пользователей, таких как настроение, психическое состояние и биометрические данные [Wetsman].»

Таким образом, можно сказать, что проблема приватного в сетевой коммуникации сохраняет свою значимость, несмотря на технологический прогресс в области защиты информации, и требует философского анализа.

Парадокс приватности в современных исследованиях

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что проблема парадокса приватности анализируется специалистами в области социально-экономических исследований. Еще в 2006 г. Сьюзен Барнс опубликовала работу о парадоксе конфиденциальности [Barnes], где указала на несоответствие между беспокойством людей о конфиденциальности своих данных и мерах, которые они предпринимают, чтобы их защитить. Автор объяснила происходящее недостатком образования, несовершенством правовой системы. В общем, самого парадокса, по сути, не было, так как проблемы казались достаточно очевидными, а их решение — понятным.

Далее тема парадокса приватности активно обсуждается в 2010-х гг. К числу известных работ можно отнести статью Моники Таддикен о факторах, влияющих на степень откровенности людей в сети [Taddicken]. Интересным также является подход Кристиана Флендера и Гюнтера Мюллера, которые осуществили обобщающий анализ публикаций, посвященных попытке объяснить, почему «люди щедро раздают личные данные, в то же время очень беспокоясь о своей приватности» [Flender,

Müller]. Они отмечают, что пользователи Сети, с одной стороны, очень обеспокоены тем, что их личная информация может быть использована различными институтами, а с другой — мало интересуются способами сохранения этой информации. На эту же тему в России была опубликована статья специалиста в области современной коммуникации Елены Пронкиной, которая представила актуальный социально-теоретический дискурс парадокса приватности [Пронкина, 157].

Из числа статей последнего времени можно отметить исследование бразильских ученых Ренаты Гонзалвес и Хулио Фигейредо, изучивших влияние физических, демографических, половых и образовательных факторов на формирование парадокса приватности [Gonçalves, de Figueiredo], а также труд Якопо Арпетти и Марко Дельмастро, которые исследовали крайне важный аспект этой темы — степень осознанности решений людей в вопросах выбора информационных способов сохранения и защиты личных данных [Arpetti, Delmastro].

Наиболее подробный анализ теоретических подходов к анализу феномена, который в психологии получил название «самораскрытие личности», представлен в исследованиях Ирины Сапон и Дмитрия Леденева [Сапон, Леденев 2018; Сапон, 2020]. Авторы, изучив различные публикации, посвященные теме откровенности пользователей социальных сетей, пришли к выводу, что специалисты в области социальной психологии, социологии и теории СМИ «чаще всего используют теорию регулирования интимных признаний в межличностных отношениях (Communication privacy management, CPM), она дает широкое представление о самораскрытии и учитывает наибольшее количество факторов, влияющих на него» [Сапон, Леденев 2018, 287]. Эти же ученые опубликовали данные анализа эффекта самораскрытия в контексте рекламной активности пользователей сети [Сапон, Леденев 2020а].

Леся Чеснокова также подробно описывает состояние проблемы конфиденциальности и выявляет целый ряд причин, по которым люди, несмотря на имеющиеся технологические возможности, не используют в полной мере предоставляемые социальной сетью так называемые настройки приватности [Чеснокова]. К таковым автор статьи относит

нежелание тратить время, стремление следовать примеру других пользователей, готовность идти на риск ради выгоды признания.

Что касается философского анализа, то в настоящее время не так много исследований, посвященных этой проблеме. Можно отметить, что риски сетевой приватности представлены в дискурс-анализе проблем родительства в социальных медиа [Дискурсивные границы...].

Генезис понятия приватности в истории философии и правовые аспекты этой темы раскрывает Елена Труфанова [Труфанова 2021а], указывая также на невозможность эффективного контроля распространения личной информации. Можно отметить, что вопрос о парадоксе приватности изучается с точки зрения социальной философии, в аспекте проблемы идентичности либо в социально-политическом контексте. Однако, по всей видимости, есть необходимость использовать не только указанные подходы, но и попытаться проблематизировать вопрос с точки зрения междисциплинарного диалога теории коммуникации и философской антропологии.

Возможность управления пространством приватного в Сети

Как уже отмечалось, именно в рамках социологического анализа выявлены наиболее очевидные противоречия в отношении сохранения интернет-пользователями личной информации. Сегодня люди по большей части постоянно осуществляют коммуникацию в социальных сетях. И можно согласиться, что «сетевая идентичность для современного человека — это не самостоятельный, существующий отдельно Я-образ или образы, это продолжение его идентичности, которое не только расширяет часть его существующих в офлайн-мире идентификаций, но и создает новые идентификации, например, с определенными онлайн-сообществами» [Труфанова 2021б, 22]. Как следствие, масса информации, фото, комментариев и лайков постоянно (ежедневно, а порой и ежечасно) поддерживают эти идентичности. Такая информация не всегда является правдивой хроникой, но совершенно точно имеет статус личной, приватной. При этом редко кто из пользователей задается вопросом, насколько безопасна такая откровенность.

Согласно результатам опроса, проведенного Левада-центром в 2017 г. [Безопасность персональных данных], почти половина респондентов отдают себе отчет, что проблема безопасности персональных данных в Интернете существует (46 %). При этом только четверть опрошенных никак не беспокоится на этот счет. Важно то, что, несмотря на достаточно высокую озабоченность этой проблемой, 41 % пользователей из числа опрошенных не предпринимают никаких действий по защите своей персональной информации.

Такой разрыв между осведомленностью о наличии проблемы приватности и отсутствием конкретных действий по регулированию своих персональных цифровых границ как раз и демонстрирует парадокс приватности. Еще в начале 2000-х Сандра Петронио представила теорию управления приватностью, где изложила основные принципы трактовки указанной проблемы. Она показала, как на персональном уровне взаимодействия индивиды принимают решение о публикации или непубликации своей персональной информации, как выбирают уровень ее секретности и то, на какую аудиторию эта информация будет транслироваться [Petronio, 41].

Во-первых, каждый индивид считает, что обладает своей персональной информацией и управляет тем, насколько эту информацию сделать публичной [Сапон, Леденев 2020б, 25]. При этом надо принять во внимание то, что практически во всех социальных сетях перед ее использованием необходимо принять политику конфиденциальности, в которой говорится, что администрация сайта имеет доступ к личным данным пользователя. Это подтверждение того, что в онлайн-пространстве информация как минимум не принадлежит одному лишь адресанту, даже если сам человек считает иначе.

В соответствии с теорией Петронио те данные, которые принадлежат индивиду, находятся в рамках его границы личной приватности. Соответственно если человек раскрывает свою личную информацию, то он делает границу своей приватности открытой и проницаемой. В противном же случае если информация остается в пределах его личной границы, ее можно считать закрытой и непроницаемой [Там же, 25].

Таким образом, получается, что сохранить информацию нераскрытой можно только в том случае, если границы приватного пространства остаются закрыты. Однако, как было сказано выше, политика конфиденциальности сетей препятствует этому. Фактически мы имеем дело с ситуацией, когда в Интернете человек не имеет возможности сохранить свои личные границы закрытыми, а информацию неопубликованной.

Во-вторых, как указывает Петронио, каждый индивид определяет приватность своей персональной информации при помощи определенных личностных установок, убеждений, ожиданий и т. д. Эти установки максимально субъективны, на них влияет огромное количество факторов (культурные, семейные, гендерные и т. п.). При этом пользователи менее охотно раскрывают личную информацию, если считают, что она достаточно важна для них [Сапон, Леденев 2020б, 26].

В-третьих, любое сообщение личной информации другому индивиду переводит эту информацию из границ частной в границы коллективной приватности [Petronio, 45]. Так, например, исследование уровня анонимности показали, что в настройках приватности социальной сети условно можно выделить три большие группы: друзья, родственники; коллеги; незнакомцы [Сапон 2021, 136]. Самой открытой для распространения информации группой ожидаемо является группа друзей пользователя. Именно этот круг можно условно назвать пространством коллективной приватности. Чуть меньше информации раскрывается для друзей друзей, а незнакомые чаще всего практически полностью лишены доступа к информации. При этом важно отметить, что вся размещенная пользователем информация становится доступной как минимум для администрации ресурса, а коллективные рамки приватности формируются в результате предоставления доступа другим пользователям в соответствии с настройками приватности по вышеуказанному распределению групп. Однако важно отметить, что само понятие «друг», особенно в крупных социальных сетях типа ВКонтакте, Фейсбук¹,

Инстаграм², X³ (бывший Твиттер) все сильнее размывается. Более того, в некоторых из них «друзья» заменяются подписчиками, которые сами подписываются на пользователя, хотя и так же в соответствии с его настройками приватности. Таким образом в Интернете образуется скорее не список друзей, а аудитория, и пользователь не видит полный список людей, которые имеют доступ к его персональной информации.

В-четвертых, члены, входящие в коллективные границы приватности, договариваются об определенных, уместных для всех членов правил приватности. Этот принцип теории управления приватностью показывает, что в момент открытия персональных данных пользователь испытывает незащищенность, так как не может контролировать дальнейшее распространение своей информации.

В-пятых, когда договориться не удастся, может возникнуть так называемая «турбулентность границ» [Petronio, 46]. Эта ситуация характеризуется тем, что пользователь не может контролировать допуск к своей персональной информации или в результате утечки информация становится доступна не установленным и нежелательным лицам.

Актуальные эмпирические исследования свидетельствуют о том, что публикация личных данных зависит от возраста конкретной группы. «Наибольшая разница между возрастными группами проявлялась в частоте заполнения полей: “Возраст”, “Список групп”, “О себе”, “Фото с пользователем”, “Мировоззрение”. При этом чем старше пользователи, тем в большей степени они склонны были раскрыть большинство категорий личных данных в профиле» [Сапон, Леденев 2021, 90]. Пользователи выкладывают реальные фотографии семейных событий, путешествий и даже вполне обычного времяпрепровождения, делятся новостями. В ответ ожидают не только просмотров, но и сигналов о том, что фото интересны, а события их жизни вызывают соответствующую ситуации реакцию. Люди готовы включаться в коммуникацию по поводу

¹ Признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

² Признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

³ Признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

своей личной жизни с достаточно большим кругом пользователей, отбирая фото и видеоматериалы таким образом, чтобы они служили поводом для коммуникации, останавливали взгляд и т. п.

С другой стороны, современный человек испытывает страх и тревогу в связи с тем, что открывают в Сети приватную информацию. Как отмечают специалисты НИУ ВШЭ, «большинство пользователей (84 %) чувствуют бессилие перед возрастающими рисками утраты контроля над их данными в Сети. Более половины признают, что не могут самостоятельно защититься от кражи персональной информации (52 %), обеспокоены тем, что их действия могут быть записаны и проанализированы (55 %)» [Полякова, Фурсов].

Таким образом можно отметить, что, с одной стороны, люди стремятся к тому, чтобы сделать коммуникацию в Сети более динамичной, для чего готовы большому количеству пользователей продемонстрировать свои интересы, предоставить фото и видео событий своей личной жизни. С другой стороны, они испытывают тревогу, что открытость может быть использована во вред, и осознают, что стихия Сети не поддается контролю.

Феномен самораскрытия: интимность, доверие и тревога

Может показаться, что феномен самораскрытия в Сети и парадокс приватности — свидетельство влияния сетевых форм коммуникации на подвижную границу приватного и публичного, однако о трансформации интимности, кризисе личных и дружеских связей достаточно много было написано уже в эру телевидения, когда никто не мог себе даже вообразить возможности интернет-коммуникации.

Ричард Сеннет в известной работе «Падение публичного человека» (1974) осуществляет культурно-исторический анализ развития публичной сферы и в связи с этим — формирования пространства приватного. Характеризуя ситуацию во второй половине XX в., он делает вывод: «Мертвое публичное пространство является самой конкретной причиной того, почему люди начинают искать в личном то, в чем им было отказано на чужой территории.

Изоляция при полной публичной зримости и чрезмерное внимание к психологическому взаимодействию дополняют друг друга. К примеру, то, что человек при помощи молчаливой изоляции пытается защитить себя от надзора со стороны других в публичном пространстве, это до некоторой степени компенсируется его открытостью к тому, с кем ему хочется установить контакт» [Сеннет, 23]. Избыточная открытость/открытость с избранным кругом тех, кого человек выбирает для общения, как следует из утверждения Сеннета, это следствие утраты подлинной, ранее сформировавшейся публичной сферы.

Можно предположить, что такой сдвиг границ в сферу приватного в некоторой степени наследуется и воспроизводится в сложившихся коммуникативных практиках при в геометрически увеличивающемся количестве личных контактов. Несмотря на предостережения, люди выкладывают в социальные сети ту информацию о себе, которая считалась исключительно личной. Можно ли говорить, что тем самым человек делает публичным интимное? Или, напротив, он полагает, что его страничка в социальных сетях — часть того, что относится к приватной сфере?

В 1992 г. Энтони Гидденс опубликовал работу о трансформации интимности [Giddens], содержание которой, казалось бы, далеко от рассматриваемой темы. Однако в этом тексте также описаны изменения в пространстве приватного, прежде всего в наиболее его табуированной области — сфере интимных переживаний. Анализ Гидденса свидетельствует о том, что к концу XX в. человек стал значительно более открытым в том, что прежде не обсуждалось за пределами семьи, а порой и в семье, в том, в чем человек не мог признаться даже самому себе. Свершившаяся сексуальная революция, по мнению теоретика, позволяет пересмотреть культурные стереотипы любви, близости и интимности. Интересно, что Гидденс, обращаясь к анализу типов любви в сравнительно-исторической перспективе, видит в увеличивающейся готовности людей говорить о сокровенном отражении общей политической тенденции — демократизации. Он считает, что «демократизация частной сферы сегодня... является необходимо подразумеваемым качеством личной жизни,

развивающейся в русле отношений как самоценности» [Giddens, 191]. При том что теоретик этим заключением отсылает к политическому контексту, можно отметить, на наш взгляд, важное утверждение: для человека конца 1990-х открытость в сфере приватного — свидетельство качества личной жизни. Тем самым прогноз Сеннета находит подтверждение.

В практики самораскрытия стремительно входят опробованные СМИ способы описания интимного публичными личностями. Об этом, также ссылаясь на Сеннета, пишет Зигмунт Бауман, отмечая желание человека начала 2000-х гг. даже в общественной сфере видеть только частную жизнь, с тем чтобы также сравнивать ее со своей. «“Публичный интерес” деградирует до любопытства к частной жизни “общественных деятелей”, сводя искусство жить в обществе к копанию в чужом белье и публичным излияниям частных эмоций (чем более интимных, тем лучше)» [Бауман, 62]. Открывая интимное/приватное, человек надеется также вызвать интерес к событиям своей жизни, своим переживаниям. Отмечая значимость информации других пользователей, человек тем самым высказывает одобрение той степени открытости, которой отвечают в круге его сообщества на его откровенность.

Вместе с тем очевидно, что могут происходить сдвиги в оценке пределов возможного к размещению в Сети, отчего одна и та же фотография может вызывать разные реакции, к которым из-за подвижности границ приватного человек может быть не готов. Одобрение может соседствовать с осуждением: кто-то видит отдыхающую на море девушку в красивом купальном костюме, а кто-то — учительницу своего ребенка. В первом случае — фото частной жизни для оценки «друзей» в Сети, во втором — поступок, позорящий педагога, а именно вынесение на обсуждение «публики» достоинств почти обнаженного тела. Прецеденты нарушения границ приватного и публичного также находят скандальный отклик в сетевом пространстве, подкрепляя растущую тревогу за безопасность персональной информации. Свобода Сети осознается человеком как угроза, как фактор риска, о котором, правда, не всегда есть время подумать, ведь нужно успевать за скоростью сетевой формы коммуникации. Как следствие, тревога становится

фоном практик самораскрытия. «А там, где царит неуверенность, остается мало времени как для заботы о ценностях, витающих выше уровня повседневных забот, так и для всего, что выходит за узкие границы скоротечного момента. Фрагментированная жизнь имеет свойство проживаться эпизодами, как череда бессвязных событий. Неуверенность как раз и является той точкой, в которой бытие распадается на части, а жизнь — на эпизоды» [Бауман]. Иначе говоря, жизнь, репрезентированная в Сети, не воспринимается как развернутое во времени существование, что исключает из круга забот вопрос об ответственности за отдаленные последствия выложенной здесь и сейчас личной информации.

В приведенном выше тезисе Сеннета нужно отметить еще одну характеристику современного человека — особое внимание к психологическому. Это проявляется не только в том, что психология вызывает особый интерес, но и в стремлении акцентировать внимание на чувствах и переживаниях. То, что, также ссылаясь на Сеннета, Жиль Липовецки в 1983 г. назвал неонарциссизмом, проявляется в том числе в «психологизации общественного начала, политики, общественной сцены в целом, субъективизации всех видов деятельности, которые некогда были не персонализированными или объективными» [Липовецки, 30]. Символика смайлов, которые используются в сетях, также кодируют различного рода эмоции: одобрение — это радость, восторг, а неодобрение — изображение шока, злости, ярости и т. п. Доверие к собеседникам означает готовность поделиться эмоциями, ответные эмоциональные реакции подтверждают ожидания. Иначе говоря, условия коммуникации таковы, что пользователи по большей части рассчитывают на эмоциональную реакцию, не размышляя о том, что размещенные фото и видео могут быть проанализированы в другом контексте, а результаты анализа используются во вред автору.

Память Сети и последствия самораскрытия

Особенность информации, которую выкладывают в Сети, заключается в том, что она дополняет и в какой-то степени заменяет собой

человеческую память. Технические средства расширяют возможности запоминания, сохраняя фрагменты нашего окружения, такие как фотографии, звукозаписи, видео и тексты, однако гораздо более важными тут становятся запись и сохранение смыслов внутри упомянутых фотографий, видео, текстов и т. п. Проблемой в этой ситуации становится то, что при всей неотрывности и вовлеченности цифровых носителей информации в человеческую жизнь эти носители не являются непосредственной и контролируемой частью нашего сознания. Необходимо заметить, что искомые средства записи и хранения информации качественно отличаются от человеческой памяти двумя важными моментами: относительной невозможностью «забывания» (об этом более подробно чуть ниже) и отсутствием избирательности, характерной для биологической памяти (в отличие от мозга, запоминание информации которым опосредовано эмоциональным и психологическим состоянием человека, цифровая память фиксирует любые события) [Труфанова 2021б, 35]. Интернет же усугубляет этот разрыв. Так, информация, сказанная в процессе беседы, не всегда предназначенная для публичного доступа в любой момент времени, фиксируется в интернет-пространстве, становится постоянно доступной и может интерпретироваться как угодно — от безобидного искажения смысла до того, что автор может быть подвергнут общественному остракизму, уголовному или административному преследованию [Лайкнул — в тюрьму].

Эту ситуацию можно назвать формированием особой «памяти Сети» выделяющей несколько серьезных проблем, отражающих уникальность процесса интернет-коммуникации, которые необходимо рассмотреть несколько глубже.

Можно предположить, что сообщение в интернет-коммуникации кардинально отличается от сообщений других форм коммуникации. В пользу этого тезиса можно выделить три ключевые особенности. Во-первых, отсутствие временного лага или, в более общем смысле, транзакционных издержек, так как в Интернете скорость взаимодействия повышается не только в рамках общения, но и практически в любых сферах деятельности — от обмена идеями до покупок. Еще

Маршалл Маклюэн более полувека назад писал о повышении скорости общения: «Но благодаря телеграфу и радио мир пространственно сжался до размеров одной большой деревни» [Маклюэн, 321]. И если в 1962 г. речь шла о телеграфе, телефоне, телевизоре и иных аналоговых средствах передачи информации, то сейчас, когда в свои права вступили такие средства связи, как смартфоны, неразлучно находящиеся в карманах практически каждого современного человека и посредством Интернета дающие ему круглосуточный доступ к Всемирной информационной сети, можно с достаточной долей уверенности утверждать, что временной лаг в передаче информации стал исчезающе мал.

Во-вторых, невозможность удаления информации. Любое сообщение крайне сложно удалить из Интернета. Более того, чем оно популярнее, тем сложность сокрытия информации увеличивается в кратном соотношении, вплоть до невозможного. Как уже было отмечено, у Сети таким образом появляется своего рода память. Как указывает Владислав Лекторский, «сегодня нередко фотографии, размещенные в социальных сетях, используются другими людьми без ведома тех, кому они принадлежат, и даже во вред им. Но если ваша определенная память в виде фотографий, видеороликов или аудиозаписей — это не что иное, как объективированная часть вашей личности, важная составляющая вашей идентичности, то это значит, что другие люди могут манипулировать вами, вашей идентичностью и вашей памятью и посягать на вашу автономию» [Лекторский, 8]. Самым известным примером этого свойства является кейс 2003 года, когда Барбара Стрейзанд попыталась через суд изъять фотографию с ее изображением с одного сайта малоизвестного фотографа, однако этот процесс привел к обратному эффекту, который позже в Интернете назовут «эффект Стрейзанд» [What is ‘the Streisand effect’?].

И наконец, важно понимать, что текст сообщений воспроизводит грамматические и стилистические особенности повседневного разговора. Несмотря на то что общение в Интернете происходит в основном путем текстовой передачи сообщений, структура этого письменного текста включает в себя правила устной речи, вплоть до полной

переработки правил грамматики и пунктуации [Масликова]. Так, например, существует исследование, показывающее прагматические функции эмодзи в интернет-коммуникации путем демонстрации примеров, когда разное употребление эмодзи достаточно серьезно влияет на передаваемую информацию [Grosz, Greenberg, De Leon].

Выделенные отличия формируют особое пространство интернет-коммуникации, в котором взаимодействие происходит по-иному. Интернет-коммуникация (в первую очередь общение в социальных сетях) одновременно воспринимается с двух сторон: как место, в котором возможно формирование близких межличностных, социальных связей, и как место, коммуникация в котором носит публично-декларативный характер. Здесь возникает коллизия ощущений из-за некоторых особенностей общения. Во-первых, это эффект самораскрытия как необходимого элемента коммуникации, который требует от участников взаимодействия раскрываться перед собеседником и обновлять текущую информацию о себе [Сапон, Леденев 2021]. Этот механизм нужен, для создания и укрепления социальных связей путем актуализации информации о жизни для близкого круга лиц и отчасти потому, что человеческая память несовершенна и люди таким образом демонстрируют готовность тратить время и ресурсы памяти на знакомство, общение с собеседником и запоминание событий его жизни. Однако, попадая в Интернет, информация, зафиксированная в результате самораскрытия, не пропадает и становится достоянием общественности, частью памяти Сети. Таким образом, взаимодействуя между собой в социальных сетях, у людей возникает аналогия с обычным разговором, происходящим в реальном, а не в сетевом пространстве. При анализе информации с иными целями может происходить восприятие ее как публичного высказывания. Синтез этих двух восприятий рождает специфический вид сообщения, являющийся основной составляющей памяти Сети, — бесконечное высказывание.

Бесконечным высказыванием становится любое сообщение в Интернете — от комментария под непопулярным видео или описания кофты на сайте магазина одежды до поста

в X официального государственного аккаунта вроде МИД РФ. Эта противоречивость является неотъемлемой частью бесконечного высказывания и, как следствие, всей интернет-коммуникации. Человек, погруженный в интернет-среду, обречен смешивать две стороны коммуникации и воспроизводить эти семиотические артефакты [Солдатова, Войскунский]. Этот феномен показателен и в другом контексте. Альфред Шютц писал: «В типических ситуациях нашей повседневной жизни мы все так же принимаем определенные типические роли... Пассажир, например, должен вести себя таким специфическим образом, который, как он полагает, ожидает от типического пассажира тип “работник железной дороги”. В нашей повседневной жизни для нас эти установки являются не чем иным, как ролями, которые мы добровольно принимаем как целесообразные и которые мы можем отбросить, когда захотим» [Шютц, 99]. Свойства бесконечного высказывания показывают нам центральную проблему интернет-коммуникации. Какую бы маску адресант не надел на себя, его высказывание, его поведение в Интернете очень часто будет интерпретироваться вне зависимости от его желаний и смыслов. Бесконечное высказывание живет вне зависимости от воли автора. При этом такая ситуация отличается от литературной «смерти автора», в деталях два подхода кардинально противоположны. В литературе такой релятивизм смысла исключает автора, а само произведение изначально создается именно как произведение, некий документ. В интернет-коммуникации сообщение изначально может быть любого вида, — оно все равно может быть преобразовано в документ. Сам же автор (если он имеется, то есть высказывание не анонимно) неотрывно связан с высказыванием. Получается парадоксальная ситуация: смысл «по-бартовски» в глазах интерпретирующего, однако при этом является неотъемлемым публичным высказыванием самого автора. Последнее чрезвычайно важно, так как этот феномен является одной из причин, почему интернет-коммуникация сверхполитична, то есть сообщение может интерпретироваться как политическое высказывание, даже несмотря на то, что изначально автор не связывал свое суждение с политическим контекстом.

Заключение

Завершая, хотелось бы еще раз отметить, что парадокс приватности, анализ которого достаточно системно осуществляется специалистами в области информационных технологий и социально-экономических исследований, отражает проблематичность существования современного человека, усугубляющегося практиками сетевой коммуникации. Это проявляется в том, что память Сети, несмотря на содействие хранению артефактов человеческой памяти, способствует утрате ясного видения границы между приватным и публичным, как следствие избыточной откровенности, интимности не только в личном непосредственном общении, но и в сетевой коммуникации. Поэтому можно говорить, что феномен избыточного самораскрытия пользователей Сети не объясняется исключительно технологическими возможностями интернет-коммуникации, а является следствием существенных социальных трансформаций.

Также нужно отметить, что, с одной стороны, фоном коммуникативного процесса

становится не всегда осознаваемая тревога за возможные риски использования персональных данных, с другой стороны, формат доверительного эмоционального общения и скорость информационного потока не позволяют контролировать сообщения на предмет скрытого смысла. Свойства бесконечного высказывания, присущие сообщению в Сети, наделяют интернет-коммуникацию неотъемлемым свойством политичности. Происходит это по двум причинам. Во-первых, из-за «бесконечности» или неизвлекаемости сообщения из памяти интернет-сети, что не дает воспринимать его как часть самораскрытия, а, наоборот, как декларацию. Во-вторых, так как в большинстве социальных сетей общение может вестись на любые темы, в том числе на политические, то политическое, как более острая и провокативная сфера общественной жизни, захватывает восприятие и наделяет все остальные сферы таким же свойством. Таким образом, бесконечное высказывание еще сильнее оспаривает приватность в Интернете и может стать дополнительной причиной для тревоги.

Список источников

- Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Логос, 2005.
- Безопасность персональных данных // Левада-центр. Аналитический центр Юрия Левады. 2017. URL: <https://www.levada.ru/2017/05/25/bezopasnost-personalnyh-dannyh> (дата обращения: 21.09.2023).
- Дискурсивные границы территории родительства: анализ кейса «плохой матери» в социальных медиа / О. Е. Дорофеева, А. Д. Кавеева, А. А. Андреева, О. Е. Вербилович // Журн. исследований социал. политики. 2021. № 19(3). С. 451–464.
- Лайкнул — в тюрьму. Что стоит за уголовными делами по статье 282 // Риа Новости. URL: <https://ria.ru/20180820/1526668130.html> (дата обращения: 21.09.2023).
- Лекторский В. А. Трансформация индивидуальной и коллективной памяти в контексте глобальной цифровизации // История. 2020. Т. 11, вып. 9. URL: <https://history.jes.su/S207987840012305-4-1> (дата обращения: 03.03.2024).
- Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме / пер. с фр. В. В. Кузнецова. СПб. : Владимир Даль, 2001.
- Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры. Киев : Ника-центр, 2004.
- Масликова О. С. Языковые особенности общения в интернет-пространстве // Инновацион. наука. 2019. № 9. С. 71–72.
- Полякова В. В., Фурсов К. С. Готовы ли пользователи Рунета делиться персональными данными? // Цифровая экономика : экспресс-информация. НИУ ВШЭ. 2021. URL: <https://issek.hse.ru/news/450602433.html> (дата обращения: 25.11.2023).
- Пронкина Е. С. Парадокс приватности: почему пользователи социальных медиа раскрывают персональную информацию в публичном пространстве // Вестн. РГГУ. Серия : История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2018. № 8 (41). С. 155–165.
- Сапон И. В. Причины раскрытия личной информации в профиле социальной сети «ВКонтакте» // Вестн. Сургут. гос. пед. ун-та. 2020. № 2(65). С. 97–105.
- Сапон И. В. Публичное и приватное в профиле социальной сети (в свете теории С. Петронио) // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13, № 2, ч. 1. С. 126–142.
- Сапон И. В., Леденев Д. Е. Возраст пользователя и самораскрытие в профиле социальной сети «ВКонтакте» // Изв. высш. учеб. заведений. Социология. Экономика. Политика. 2021. № 1. С. 80–97.
- Сапон И. В., Леденев Д. Е. Самораскрытие пользователей в социальных сетях: теоретический обзор // Вестн. НГУЭУ. Социология. 2018. № 3. С. 287–288.
- Сапон И. В., Леденев Д. Е. Виртуальная личность: сетевой эффект самораскрытия // Научный результат. Социология и управление. 2020а. Т. 6, № 2. С. 36–50.

- Сапон И. В., Леденев Д. Е. Управление приватностью в профиле социальной сети: анализ теории Сандры Петронио // Изв. высш. учеб. заведений. Социология. Экономика. Политика. 2020б. Т. 13, № 2. С. 21–33.
- Сеннет Р. Падение публичного человека. М. : Логос, 2002.
- Солдатова Г. У., Войскунский А. Е. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18, № 3. С. 431–450.
- Труфанова Е. О. Приватное и публичное в цифровом пространстве: размывание границ // *Galactica Media : Journal of Media Studies*. 2021а. № 1. С. 15–38.
- Труфанова Е. О. Человек и его память в цифровизирующемся мире // *Вестн. ЧелГУ*. 2021б. № 8. С. 30–38.
- Чеснокова Л. В. Размывание границы между публичностью и приватностью в социальных сетях и парадокс приватности // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2021. № 2(20). С. 22–38.
- Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: Очерки по феноменологической социологии. М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.
- Arpetti J., Delmastro M. The privacy paradox: a challenge to decision theory? // *Journal of Industrial and Business Economics*. 2021. Vol. 48. P. 505–525.
- Barnes S. B. (2006). A privacy paradox: Social networking in the United States // *First Monday*. 2006. 9. URL: <https://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/download/1394/1312> (accessed: 21.09.2023).
- Flender C., Müller G. Type Indeterminacy in Privacy Decisions: The Privacy Paradox Revisited // *Quantum Interaction*. 2012. P. 148–159.
- Giddens A. *The Transformation of Intimacy: Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies*. Cambridge : Polity Press, 1992.
- Gonçalves R., de Figueiredo J. Effects of perceived risks and benefits in the formation of the consumption privacy paradox: a study of the use of wearables in people practicing physical activities // *Electron Markets*. 2022. № 32. P. 1485–1499.
- Grosz P., Greenberg G., De Leon C. A semantics of face emoji in discourse // *Linguist and Philosophy*. 2023. № 46. P. 905–957. <https://doi.org/10.1007/s10988-022-09369-8> (accessed: 21.09.2023).
- Petronio S. *Boundaries of privacy: Dialectics of disclosure*. N. Y. : State University of New York Press, 2002.
- Taddicken M. The ‘Privacy Paradox’ in the Social Web: The Impact of Privacy Concerns, Individual Characteristics, and the Perceived Social Relevance on Different Forms of Self-Disclosure // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2014. Vol. 19, iss. 2. P. 248–273.
- Wetsman N. Mental health apps have terrible privacy protections, report finds / Prayer apps were also worse than other categories // *The Verge*. 2022. URL: <https://www.theverge.com/2022/5/2/23045250/mozilla-mental-health-app-privacy-analysis> (accessed: 21.09.2023).
- What is ‘the Streisand effect’? Barbra Streisand addresses infamous invasion of privacy lawsuit in new memoir // *Yahoo Celebrity*. URL: <https://www.yahoo.com/entertainment/streisand-effect-barbra-streisand-invasion-of-privacy-lawsuit-new-memoir-130024264.html>? (accessed: 21.09.2023).

References

- Arpetti, J., Delmastro, M., (2021). The privacy paradox: a challenge to decision theory? *Journal of Industrial and Business Economics*, 48, 505–525.
- Barnes, S. B. (2006). A privacy paradox: Social networking in the United States. *First Monday*. 9. URL: <https://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/download/1394/1312> (accessed: 21.09.2023).
- Bauman, Z. (2005). *Individualizirovannoe obshchestvo* [Individualized society]. M.: Logos.
- Bezopasnost' personal'nyh dannyh [Security of personal data]. Levada Center. *Analytical center of Yuri Levada*. 2017. URL: <https://www.levada.ru/2017/05/25/bezopasnost-personalnyh-dannyh> (accessed: 21.09.2023).
- Chesnokova, L. V. (2021). Razmyvanie granicy mezhdru publichnost'yu i privatnost'yu v social'nyh setyah i paradoks privatnosti [Blurring the boundary between publicity and privacy in social networks and the paradox of privacy]. *Philosophical problems of information technology and cyberspace*, 2 (20), 22–38.
- Dorofeeva, O. E., Kaveeva, A. D., Andreeva, A. A., Verbilovich, O. E. (2021). Diskursivnye granicy territorii roditel'stva: analiz kejsa “plohoj materi” v social'nyh media [Discursive boundaries of the territory of parenthood: analysis of the case of a “bad mother” in social media]. *Journal of Social Policy Research*, 19, 3, 451–464.
- Flender, C., Müller, G. (2012). Type Indeterminacy in Privacy Decisions: The Privacy Paradox Revisited. *Quantum Interaction*, 148–159.
- Giddens, A. (1992). *The Transformation of Intimacy: Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies*. Cambridge: Polity Press.
- Gonçalves, R., de Figueiredo, J. (2022). Effects of perceived risks and benefits in the formation of the consumption privacy paradox: a study of the use of wearables in people practicing physical activities. *Electron Markets*, 32, 1485–1499.
- Grosz, P., Greenberg, G., De Leon, C. (2023). A semantics of face emoji in discourse. *Linguist and Philosophy*, 46, 905–957. DOI: 10.1007/s10988-022-09369-8 (accessed: 21.09.2023).
- Lajknul — v tyur'mu. Chto stoit za ugovnyimi delami po stat'e 282 [Liked — goes to jail. What is behind the criminal cases under Article 282]. *Ria News*. URL: <https://ria.ru/20180820/1526668130.html> (accessed: 21.09.2023).
- Lektorsky, V. A. (2020). Transformaciya individual'noj i kollektivnoj pamyati v kontekste global'noj cifrovizacii [Transformation of individual and collective memory in the context of global digitalization]. *Istoriya*, 11, 9. URL: <https://history.jes.su/S207987840012305-4-1> (accessed: 03.03.2024).
- Lipovetsky, J. (2001). *Era pustoty. Esse o sovremennom individualizme* [Era of Emptiness. Essay on modern individualism]. St. Petersburg: Vladimir Dal.

- Maslikova, O. S. (2019). Yazykovye osobennosti obshcheniya v Internet-prostranstve [Language features of communication in the Internet space]. *Innovative Science*, 9, 71–72.
- McLuhan, M. (2004). *Galaktika Gutenberga: Sotvorenie cheloveka pechatnoj kul'tury* [The Gutenberg Galaxy: Man's Creation of Print Culture]. K.: Nika-Center.
- Petronio, S. (2002). *Boundaries of privacy: Dialectics of disclosure*. New York: State University of New York Press.
- Polyakova, V. V., Fursov, K. S. (2021). Gotovy li pol'zovateli runeta delit'sya personal'nymi dannymi [Are RuNet users ready to share personal data?]. *Digital economy. Express information. National Research University Higher School of Economics*. URL: <https://issek.hse.ru/news/450602433.html> (accessed: 25.11.2023).
- Pronkina, E. S. (2018). Paradoks privatnosti: pochemu pol'zovateli social'nyh media raskryvayut personal'nyu informaciyu v publichnom prostranstve [The privacy paradox: why social media users disclose personal information in public space]. *National Research University Higher School of Economics*, 8, 41, 155–165.
- Sapon, I. V. (2020). Prichiny raskrytiya lichnoj informacii v profile social'noj seti "VKontakte" [Reasons for disclosing personal information in the profile of the social network VKontakte]. *Bulletin of the Surgut State Pedagogical University*, 2 (65), 97–105.
- Sapon, I. V., Ledenev, D. E. (2018). Samoraskrytie pol'zovatelej v social'nyh setyah: teoreticheskij obzor [User self-disclosure in social networks: a theoretical review]. *Vestnik NGUEU, Sociology*, 3, 287–288.
- Sapon, I. V., Ledenev, D. E. (2020a). Virtual'naya lichnost': setevoy effekt samoraskrytiya [Virtual personality: network effect of self-disclosure]. *Scientific result. Sociology and Management*, 6, 2, 36–50.
- Sapon, I. V., Ledenev, D. E. (2020b). Upravlenie privatnost'yu v profile social'noj seti: analiz teorii Sandry Petronio [Managing privacy in a social network profile: An analysis of Sandra Petronio's theory]. *News of higher educational institutions. Sociology. Economy. Policy*, 13, 2, 21–33.
- Sapon, I. V., Ledenev, D. E. (2021). Vozrast pol'zovatelya i samoraskrytie v profile social'noj seti "vkontakte" [User's age and self-disclosure in the profile of the social network "vkontakte"]. *News of higher educational institutions. Sociology. Economy. Politics*, 1, 80–97.
- Schutz, A. (2003). *Smyslovaya struktura povsednevnogo mira ocherki po fenomenologicheskoy sociologii* [The semantic structure of the everyday world, essays on phenomenological sociology]. Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation.
- Sennett, R. (2002). *Padenie publichnogo cheloveka* [The Fall of a Public Man]. M.: Logos.
- Soldatova, G. U., Voiskunsky, A. E. (2021). Social'no-kognitivnaya koncepciya cifrovoj socializacii: novaya ekosistema i social'naya evolyuciya psihiki [Social-cognitive concept of digital socialization: new ecosystem and social evolution of the psyche]. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 18, 3, 431–450. DOI:10.17323/1813-8918-2021-3-431-450
- Taddicken, M. (2014). The 'Privacy Paradox' in the Social Web: The Impact of Privacy Concerns, Individual Characteristics, and the Perceived Social Relevance on Different Forms of Self-Disclosure. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 19, 2, 248–273.
- Trufanova, E. O. (2021a). Privatnoe i publichnoe v cifrovom prostranstve: razmyvanie granic [Private and public in the digital space: blurring boundaries]. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 1, 15–38.
- Trufanova, E. O. (2021b). Chelovek i ego pamyat' v cifroviziruyushchemsya mire [Man and his memory in a digitalizing world]. *Vestnik CHelGU*, 8, 30–38.
- Wetsman, N. (2022). Mental health apps have terrible privacy protections, report finds / Prayer apps were also worse than other categories. *The Verge*. URL: <https://www.theverge.com/2022/5/2/23045250/mozilla-mental-health-app-privacy-analysis> (accessed: 21.09.2023).
- What is 'the Streisand effect'? Barbra Streisand addresses infamous invasion of privacy lawsuit in new memoir. *Yahoo Celebrity*. URL: <https://www.yahoo.com/entertainment/streisand-effect-barbra-streisand-invasion-of-privacy-lawsuit-new-memoir-130024264.html?> (accessed: 21.09.2023).

Сведения об авторах

Пигин Данил Викторович, магистрант департамента философии Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия

Черепанова Екатерина Сергеевна, доктор философских наук, профессор кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия

Статья поступила в редакцию 26.02.2024;
одобрена после рецензирования 15.03.2024;
принята к публикации 01.04.2024

Information about the authors

Danil V. Pigin, master's student Department of Philosophy of the Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Ekaterina S. Cherepanova, Doct. Sci (Philosophy), professor Department of Philosophy of the Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

The article was submitted 26.02.2024;
approved after reviewing 15.03.2024;
accepted for publication 01.04.2024

Научная статья

УДК 94(470):323 + 316.3:331.108.2 + 94:159.953 + 316.472.4 + 005.336.2-053.5

doi 10.15826/tetm.2024.1.063

Каналы памяти об СССР для «поколения X»: от постсоветских медиаинтерпретаций до семейного опыта

Андрей Геннадиевич Иванов

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия;*

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (Липецкий филиал), Липецк, Россия
agivanov2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1136-251X>*

Аннотация. Их называют «поколением X», их детство и юность пришлось на 1980-е гг., они имели свой доступ к советской реальности, находясь, как правило, в лоне семьи. Вчитываясь в тексты газет, анализируя содержание телепроектов постсоветского времени, автор пытается ответить на вопрос, соответствуют ли эти интерпретации и трансляции образов Советского Союза собственным впечатлениям представителей «поколения X», для чего привлекаются идеи А. Ассман, М. Хирш, Г. Хармана, А. Юрчака, а также интервью актеров разных поколений. Делается вывод о том, что сегодня под влиянием медиа у в свое время юных свидетелей СССР формируется особое — раздвоенное — восприятие советского прошлого.

Ключевые слова: СССР, «поколение X», историческая память, советское прошлое, метафора, медиа-проекты, семейная память

Для цитирования: Иванов А. Г. Каналы памяти об СССР для «поколения X»: от постсоветских медиаинтерпретаций до семейного опыта // Tempus et Memoria. 2024. Т. 5, № 1. С. 76–87. <https://doi.org/10.15826/tetm.2024.1.063>

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00153 «Образ СССР в исторической памяти: исследование медиастратегий воспроизводства представлений о прошлом в России и зарубежных странах».

Original article

Channels of Memory about the USSR for “Generation X”: from Post-Soviet Media Interpretations to Family Experience

Andrey G. Ivanov

Saratov State University, Saratov, Russia;
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
(Lipetsk branch), Lipetsk, Russia
agivanov2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1136-251X>

Abstract. They are called “Generation X”, their childhood and youth fell in the 1980s, they had their own access to the Soviet reality, being, as a rule, in the bosom of the family. Reading the texts of newspapers, analyzing the content of post-Soviet TV projects, the author tries to answer the question, whether these interpretations and broadcasts of images of the Soviet Union correspond to the own impressions of representatives of “Generation X”, for which the ideas of A. Assmann, M. Hirsch, G. Harman, A. Yurchak, as well as interviews of actors of different generations are involved. It is concluded that today, under the influence of the media, at one time, young witnesses of the USSR formed a special — divided — perception of the Soviet past.

Key words: USSR, “Generation X”, historical memory, the Soviet past, metaphor, media projects, family memory

For citation: Ivanov, A. G. (2024). Kanaly pamyati ob SSSR dlya “pokoleniya X”: ot postsovetских mediainterpretatsiy do semeynogo opyta [Channels of Memory about the USSR for “Generation X”: from Post-Soviet Media Interpretations to Family Experience]. *Tempus et Memoria*, 5, 1, 76–87. <https://doi.org/10.15826/tetm.2024.1.063>

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-18-00153, “The image of the USSR in historical memory: a study of media strategies for reproducing ideas about the past in Russia and foreign countries”.

If you can just get your mind together
Then come on across to me...
...But first, are you experienced?
Have you ever been experienced?
Well, I have.

Jimi Hendrix («Are you experienced?», 1967)

В последние два года было несколько юбилеев, связанных с существованием Советского Союза: это прежде всего 100-летие со дня образования СССР 30 декабря 1922 г., но также и 30-летие с момента распада СССР в декабре 1991 г. Все они сопровождались целой чередой документальных передач, тематических сборников статей, выпусков журналов, газетных интервью.

Советский Союз перестал существовать более тридцати лет назад, но до сих пор живет в памяти людей, причем не только старшего поколения — тех, кто родился и вырос в СССР, но и поколения современной молодежи. И эти

воспоминания теплые, позитивные. Об этом свидетельствует ассоциативный ряд, который возникает у россиян, когда они слышат словосочетание «Советский Союз»: стабильность (16 %); молодость, беззаботное детство (15 %); хорошее время (15 %); единство, сплоченность, дружба народов и взаимопомощь (13 %); великая страна (5 %); социальная справедливость (5 %); все дешево, доступно (5 %). У россиян старше 35 лет в числе доминирующих ассоциаций появляется детство/молодость; чем старше опрошенные, тем чаще они говорят о том, что СССР — хорошее время. У молодежи 18–24 лет ассоциативный ряд наполнен историческими маркерами. Топ-3 ассоциаций в разных возрастных группах: 18–24 года — Сталин (13 %), коммунизм (13 %), дружба народов (12 %); 25–34 года — стабильность (13 %), дружба народов (11 %), репрессии (10 %); 35–44 года — стабильность (18 %), детство, молодость (17 %),

дружба народов (13 %); 45–59 лет — стабильность (24 %), детство, молодость (24 %), хорошее время (20 %); старше 60 лет — хорошее время (22 %), детство, молодость (16 %), стабильность (14 %) [100 лет...].

Сегодня уровень интереса к советскому прошлому довольно высок. Частичный ответ на вопрос, почему советское прошлое стало актуальным сегодня, может дать обращение к идеям презентизма. Ф. Артог назвал презентизмом такой темпоральный режим, который заставляет ценить только текущий момент, подчиняет прошлое настоящему и не ждет перемен от будущего [Hartog]. По мнению А. Олейникова, презентизм пользуется историей исключительно инструментально — главным образом для оправдания и поддержания существующего порядка вещей [Олейников 2022, 66]. Кроме того, при взгляде на проблему презентизма он обнаруживает также и сверхдоступность прошлого в современную цифровую эпоху [Олейников 2021, 14]. Еще в 2014 г. Х.-У. Гумбрехт замечал, что сегодня мы живем в условиях так называемого «широкого настоящего» (broad presence), когда прошлое и будущее не противопоставляются настоящему в качестве его «иного», но фактически поглощаются им, становясь его имманентными измерениями [Gumbrecht].

Усиление интереса к советскому прошлому в настоящее время только подтверждает мысль немецкого исследователя. Особый интерес вызывает период позднего СССР: выходит множество тематических монографий [Бойм 2022; Голубев; Каспэ; Юрчак], в которых рассматриваются те или иные аспекты жизни людей в позднесоветский период.

Кроме того, возникают всевозможные «медиаинтерпретации», к которым мы отнесем озвученные публично метафоры, тексты в СМИ, дискуссии в тематических онлайн-сообществах и медиапроекты, прямо или косвенно связанные с советским прошлым. Все они могут считаться инструментами опосредованной памяти.

«Поколение X»

Особая специфика восприятия советского прошлого имеется не только у авторов всевозможных медиаинтерпретаций и медиапроектов, эксплуатирующих интерес к советскому

прошлому, но и у так называемого «поколения X» (родившихся примерно с 1965 по 1980 г.), в частности, у младшей половины этого поколения (у тех, кто родился в период с 1974 по 1980 г.). Младшая часть «поколения X» уже прекрасно понимала, в каком положении оказались их родители (многие были фактически выброшены на обочину жизни); плюсом было то, что, вступая на самостоятельный путь, представители этой генерации исходили из новых реалий и новых «правил игры» без иллюзий. Однако у поздней версии «поколения X» имелся и собственный доступ к советской реальности, свой опыт взаимодействия с советской действительностью, свой опыт в основном детского переживания исчезновения СССР, а современные медиаинтерпретации дополняют их картину советского прошлого. Причем особенно велика роль медиа в отношении тех событий, которые не были восприняты непосредственно (а для «поколения X» это большая часть истории Советского Союза).

Следует отметить, что с опытом исчезновения привычных форм государственности столкнулись в то же время представители рассматриваемого нами поколения и в других странах. В частности, в представленной А. Ассман обзорной таблице семи поколений XX века «поколению X» в точности соответствует «поколение 85-го», которое также охватывает возрастные когорты примерно 1965–1980 гг. рождения. Они считаются «первым поколением, свободным от последствий войны». Обобщая опыт представителей «поколения 85-го», росших в ГДР, А. Ассман приводит фрагмент из романа Яны Симон «Ведь мы — другие»: «“Раньше” — это слово, пожалуй, единственное, что связывает поколение тех, кто родился в семидесятых годах. Они успели пожить в диковинной стране, которая исчезла; их объединяет общая ненависть к ней или общее равнодушие» [Ассман, 410–411]. Однако россияне, принадлежащие к данному поколению, как показали результаты проведенного выше опроса, в отличие от своих восточнонемецких визави, имеют позитивные воспоминания о социалистическом прошлом. Но в любом случае мы имеем дело с определенным травмирующим историческим опытом.

В этой связи важно отметить, что свой взгляд на травмы прошлого имеется и у еще

одной немецкой исследовательницы: М. Хирш предложила целую концепцию постпамяти, в которой отдельная роль отводится «поколению-1,5» (к этому поколению относятся те, кто пережил коммеморируемое событие в детстве; Лео Шпитцер назвал этот опыт (переживания) принадлежностью к «поколению-1,5») [Хирш, 38]. Хотя понятие «поколение-1,5» возникло в контексте осмысления последствий Холокоста, сам термин «поколение-1,5» обладает гораздо большим эвристическим потенциалом и, в частности, применим для исследований периода жизни Советского Союза. Существование и распад СССР, образ этого государства оказали колоссальное влияние на идентичность многих россиян, в том числе и относящихся к «поколению X». Тот факт, что на детство/юность представителей этого поколения («поколения X») пришелся распад Советского Союза, автоматически делает их также и представителями «поколения-1,5».

Сегодня, спустя 30 лет после исчезновения Советского Союза, младшая часть «поколения X» в дополнение к сгенерированным медиаобразам советского прошлого, транслирующимся посредством вышеуказанных инструментов опосредованной памяти, имеет еще и собственные, преимущественно ностальгические впечатления, вобравшие в себя соответствующую информацию также по каналам, связанным уже с непосредственным восприятием осуществлявшейся реальности советского. К таким каналам мы отнесем: а) воспоминания о советской эпохе из повседневного опыта (труд (учеба в школе), быт, досуг), личные идиосинкразии; б) рассказы представителей старшего поколения — тех, к кому имелось доверие (родственники, учителя, друзья родителей и т. п.); в) восприятие через медиа, прежде всего посредством советского телевидения (реже — радио). Особенность непосредственного контакта с советской действительностью состояла в том, что для тех, кто родился в 1974–1980 гг., такое взаимодействие происходило преимущественно в лоне семьи, то есть советское прошлое оказалось сопряженным с семейной памятью.

Рассмотрим далее все выделенные нами каналы памяти об СССР и начнем с опосредованной памяти.

Метафоры

В последнее время в связи с юбилейными датами, связанными с существованием Советского Союза, вышло множество передач, публикаций, где освещались разные аспекты Советского государства. Однако если мы обратим внимание на названия и заголовки этих работ, то обнаружим, что применительно к СССР активно использовались метафоры «проект», «конструкция», «эксперимент»: документальный фильм Д. К. Киселева (р. 1954) «Красный проект»; интервью историка А. В. Шубина (р. 1965) «СССР — конструкция, эффективная для своего времени» [«СССР — конструкция...»]; интервью журналиста В. Т. Третьякова (р. 1953), в котором он называет СССР «грандиозным политическим экспериментом» (Виталий Третьяков: «Есть вещи, о которых я жалею» // Лит. газ. 2023.18–24 янв. № 1–2). Объединяет эти мнения представителей поколения, успевшего в зрелом возрасте застать Советское государство, приписывание Советскому Союзу некой искусственности, созданности, даже механистичности.

Но прежде чем применяемые к образу СССР метафоры искусственности будут рассмотрены, следует сделать замечание о том, что транслируемые медиа картины и сюжеты советского прошлого мы будем считать также и эстетическими феноменами (отличающимися от практик непосредственного взаимодействия с советской действительностью и тем более от жизни в той реальности). И здесь нам представляется уместным обращение к интуициям объектно-ориентированного подхода, в частности, к пониманию метафоры. Дело в том, что когда речь идет о таких сложных феноменах, как память, образ прошлого, ностальгия, на помощь может прийти казалось бы неоднозначный, но в последнее время ставший многообещающим в гуманитарных науках инструмент — метафора. Так, автор объектно-ориентированного подхода, создатель объектно-ориентированной онтологии (далее — ОО) Г. Харман подчеркивал значимость метафоры в процессе познания, отмечая, что она, конечно, хуже логического мышления, но метафорический доступ к реальности — это лучшее, что мы имеем.

Важно пояснить, какой смысл в ОО придается самому понятию «объект». Если

в повседневной речи слово «объект» часто имеет оттенок чего-то физического, твердого, прочного, нечеловеческого или совершенно неодушевленного, то, применяя объектно-ориентированный подход, мы должны исходить из того, что «объект» означает «...все, что не может быть сведено либо возведено к чему-либо, то есть все, что превышает сумму своих составных частей, но не превышает суммы своих последствий для окружающего мира» [Харман 2021, 52]. Объекту нужно лишь не сводиться к своим составным частям либо не возводиться к своим следствиям. Кроме того, мы имеем дело с двумя видами объектов — реальными и чувственными, каждый из которых может обладать также реальными и чувственными качествами. При этом реальные объекты и качества существуют сами по себе, тогда как чувственные объекты и качества — лишь как корреляты какого-либо реального объекта.

Между объектами и качествами возникают четыре напряжения, одно из которых (наиболее важное для нашего случая), по линии «реальный объект — чувственное качество», делает возможным существование метафоры. В метафоре объект и его свойства распадаются, и раскол между объектами и их качествами является основанием объектно-ориентированной философии. Нельзя свести объект к его свойствам или свести объект к его видимости. Весь объект всегда несколько погружен в фон. Метафора берет качества одного объекта и переносит их на другой, и никто не может высказать это обычным языком. То есть Г. Харман считает, что «...метафору можно понять как пару РО-ЧК» [Харман 2020, 211]. При этом связь здесь следующая: «Реальный объект оказывается прикрепленным к своим чувственным качествам только через аллюр» [Харман 2015, 106].

«Поколению X», безусловно, есть что вспомнить, и его метафоры основаны не только на «аллюрном» восприятии медийных сюжетов, но и на непосредственном взаимодействии с советской действительностью.

Поясняя далее объектно-ориентированный подход, отметим, что реальным объектом в процессе взаимодействия с советским прошлым оказывается сам эстетический зритель (то есть в нашем случае им, в отношении периода существования СССР, оказывается

представитель «поколения X»), а «...эстетика в смысле ООО включает также опыт уходящего времени...» [Харман 2023, 325]. В свою очередь, тот или иной представленный в медиа эпизод из советской жизни может являться источником метафор и образов, может быть «...избытком, способным на многие другие возможные эффекты...» [Там же, 84]. Кроме того, сами названия, например «Красный проект», работают в качестве метафор, наделяющих советское прошлое, как уже отмечалось, характеристиками искусственности.

На наш взгляд, описанные Г. Харманом механизмы по линии «реальный объект — чувственное качество» работают не только в сфере эстетического, но и в общественных отношениях. Однако особенно важным для таких отношений является период существования объекта и симбиотическая связь, в которую вступает объект в течение своей жизни. Дело в том, что из бесконечного числа отношений, в которые в течение всего периода своей жизни вступает объект, решающее значение имеет лишь их небольшое число, и именно их Г. Харман называет симбиотическими. Симбиозы зачастую бывают невзаимными (non-reciprocal), что означает, что вещь А может быть связана с вещью Б, но не наоборот. И все симбиозы асимметричны в том же самом смысле, что и метафоры. Кроме того, «симбиоз знаменует собой необратимое изменение в жизни объекта...» [Харман 2021, 130–131]; но главное замечание состоит в том, что «объект становится зрелым, как только у него не остается пространства для продолжения симбиоза» [Там же, 118].

Итак, вспоминая приведенные высказывания экспертов о Советском Союзе, мы имеем дело с метафорой «СССР как конструкция-проект-эксперимент», которая также содержит в себе опыт прошлого и может приводить к возникновению новых объектов в результате разных симбиозов. Для дальнейшего политического использования данной метафоры, соединяющей вместе СССР и «проект-эксперимент-конструкцию», важно то, что речь идет не только о знании о предшествующих объектах, но и о производстве нового объекта, характеризующегося соединением, скажем так, советского и искусственного (механистического).

Наконец, важно отметить, что определения СССР от известных специалистов являются не только их личными представлениями, личными метафорами, но и в определенной мере вносят известный вклад в формирование общественного представления о Советском Союзе. Причем такие образы транслируются для представителей всех поколений — как для «поколения X», так и для тех, кто не имел непосредственного опыта приобщения к советскому. Причем, учитывая, что метафоры представителей данного поколения (старшего по отношению к «поколению X») стремятся к однородности, можно предположить, что и образ СССР стал для них «зрелым объектом» и дальнейшие его симбиозы для этого поколения маловероятны, чего не скажешь про младшие возрастные когорты.

Тексты СМИ (на примере газеты «Аргументы и факты»)

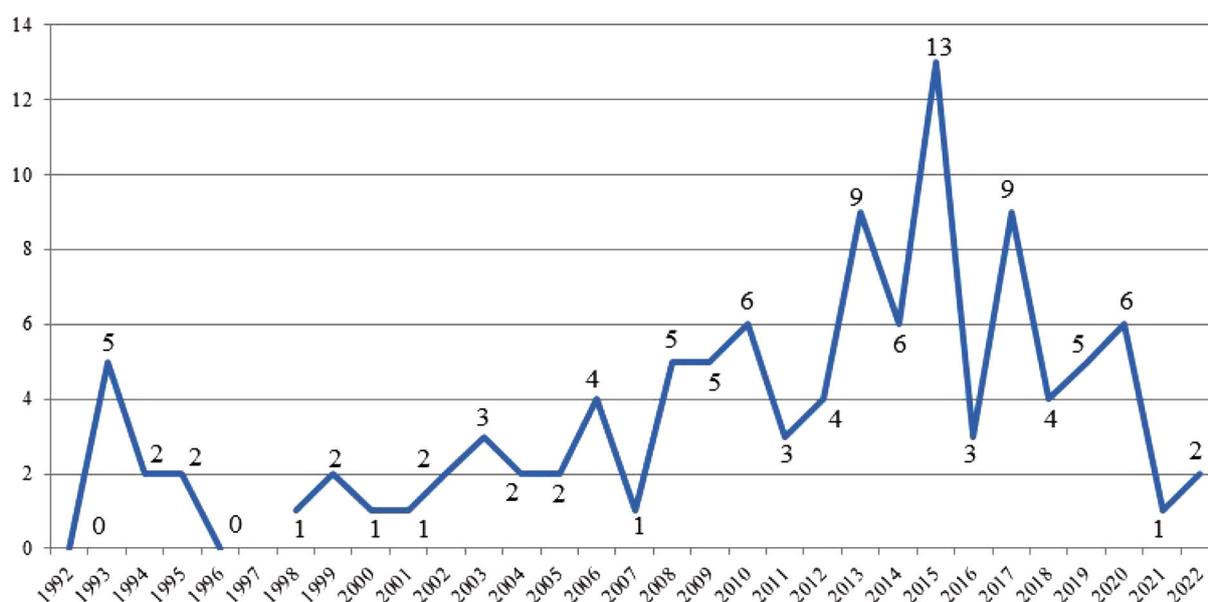
О популярности советского периода отечественной истории свидетельствует увеличение числа публикаций в российских СМИ, в которых в той или иной мере наличествуют отсылки и упоминания событий периода существования СССР. Такой рост заметен с 2007 г., но особенно — с 2014-го, что можно объяснить геополитическими обстоятельствами.

Математическая обработка слов в привязке к терминам «советский», «СССР», присутствовавших в публикациях газеты «Аргументы и факты» в 1992–2022 гг., позволила сгенерировать ряд кластеров — от самых крупных (спорт, кино, экономика, память) до относительно небольших (разведка, поколение, атомный проект и т. п.). Нас в контексте поколенческой тематики будет интересовать соответственно кластер «поколение» (по степени распространенности упоминаний ключевых для него лексем («человек», «поколение», «наш», «культура», «ностальгия», «время», «жизнь», «период») в связке с лексемами «СССР» и «советский» занял 12-е место).

Обращение к динамике количества статей по годам в кластере «поколение» (см. рисунок) дает возможность для следующей периодизации (данных за 1997 год нет): 1) 1992–2007 гг.; 2) 2008–2020 гг.; 3) 2021–2022 гг.

Первый период характеризуется довольно небольшим количеством публикаций, в которых в той или иной мере затрагивалась бы тематика советского поколения (в среднем — менее двух в год), а авторов публикаций объединяют шок и спонтанные попытки рефлексии о распаде СССР.

Начало второго периода (2008) характеризуется тем, что в текстах начинает возникать слово «ностальгия», причем скорее

Количество статей в газете «Аргументы и факты» в 1992–2022 гг., содержащих слова «советский», «СССР» и отнесенных к кластеру «поколение».

рефлексирующего типа [Бойм 2021]. В течение этого периода в среднем ежегодно выходят шесть статей, в которых наряду с более осмысленным журналистским анализом советского прошлого (в частности, заголовки статей свидетельствуют о «важности момента»: «Суррогатная элита порождает фальшивые ценности», «Какой патриотизм нужен россиянам?», «Песня о пионерском галстуке. Почему россияне с трудом прощаются с СССР» и т. п.) все чаще слышен голос представителей «поколения X» в лице таких известных деятелей культуры, как Дмитрий Дюжев (р. 1978), Денис Мацуев (р. 1975), Захар Прилепин (р. 1975), которые дают откровенные интервью, вспоминая свое советское детство. Показателен здесь разговор с З. Прилепиным в 2019 г., приуроченный к выходу книги писателя «Истории из легкой и мгновенной жизни».

Фрагмент интервью:

Вопрос корреспондента: «Сегодня те времена — 1970–1980-е — оказались на пике интереса. Даже у тех, кто в ту эпоху и родиться не успел. Почему вдруг советское прошлое, от которого мы так старательно пытались избавиться в 1990-е, сегодня интересует нас много больше, чем наше капиталистическое настоящее (а ведь реалии капиталистического сытого общества в те советские времена были предметом тихой зависти) и уж тем более чем будущее?»

Ответ З. Прилепина: «Человеку свойственно сравнивать и взрослеть. Иногда — идеализировать. Иногда — умнеть. Надеюсь, что мы поумнели. Несмотря на то что СССР был страной в чем-то скучной, в чем-то ханжеской, в чем-то жестокой, суть не в этом. Суть в том, что человек хочет оставаться человеком. Советский человек стремился стать лучше, умнее, чище. Советский человек хотел быть лучшим товарищем своим друзьям, лучшим сыном своим родителям, он хотел уважать себя за труд и за подвиг...» (Захар Прилепин: «Я был чересчур откровенен в своих книгах» // Аргументы и факты. 2019. 18 дек. № 51).

Обратим внимание на выражение «советский человек», которое красной нитью проходит по всем периодам в кластере «поколение». Кто-то, как, например, музыкант Гарик Сукачев в 2003 г., признается в том, что он «наполовину советский человек»: «Совершенно очевидно, что молодежь стала значительно свободнее и раскомплексованнее, нежели мое поколение. Так или иначе, но я наполовину советский человек со множеством комплексов и предрассудков,

которых уже нет у представителей нынешнего молодого поколения» (Гарик Сукачев: «Скорее бы надоела музыка» // Аргументы и факты. 2003. 2 апр. № 14). Другие, например известный писатель и общественный деятель Даниил Гранин, сетуют, что «раньше было общее понятие — “советский человек”» (Даниил Гранин: «Мы живем с фальшивыми лозунгами» // Аргументы и факты. 2012. 26 дек. № 52).

Кульминацией же рассуждений на страницах газеты «Аргументы и факты» о советских поколениях (в том числе и о «поколении X»), на наш взгляд, являются следующие слова режиссера Александра Прошкина, произнесенные в 2012 г. и апеллирующие к генетике: «И пусть мы сейчас живем в другой стране, но наша сущность не изменилась, другими людьми мы не стали. Даже в поколении 30-летних, которое толком не застало тот период, советская ментальность присутствует на генетическом уровне. Поэтому мы все время делим людей на “наших” и “не наших”, постоянно выискиваем внешнего врага, ищем пятую колонну» (Режиссер Александр Прошкин: «Мы принципиально игнорируем уроки истории» // Аргументы и факты. 2012. 27 июня. № 26).

Кроме того, присутствуют статьи, комментирующие результаты социологических опросов об отношении к Советскому Союзу представителей разных поколений.

Для третьего периода (2021–2022) характерно снижение количества соответствующих публикаций. Но для того чтобы можно было говорить о сформировавшейся тенденции смещения журналистского интереса с поколенческой проблематики на другие тематические блоки, необходим более продолжительный отрезок времени.

Дискуссии в тематических онлайн-сообществах и медиапроекты

Наконец, наряду с запущенными в общественное пространство метафорами и текстами в СМИ к каналам опосредованной памяти о советском прошлом мы относим разворачивающиеся в последнее время дискуссии в тематических онлайн-сообществах и инспирированные «журналистами-историками» медиапроекты. Так, А. Ю. Долгов, проанализировав посты онлайн-сообщества «Мы из СССР»,

пришел к выводам, что «...специфика работы с коллективной памятью об СССР в социальных сетях связана с тягой к ностальгическим переживаниям и отсутствием преобладающего нарратива, объясняющего все события советской и новейшей российской истории в едином ключе. Работу по созданию нарративов начинают выполнять многочисленные акторы онлайн-пространства. В ходе этого процесса конструирования новых смыслов и создания интерпретаций они опираются как на официальный дискурс политической элиты о советском прошлом и российском настоящем, так и на свои субъективные биографии и личный опыт» [Долгов, 73]. Кроме того, дискуссии зачастую сопровождаются взаимными оскорблениями и угрозами, что свидетельствует о конфронтационном потенциале такого рода площадок.

Также следует упомянуть работу, посвященную сравнительному анализу представлений о распаде СССР в тележурналистике и комментариях интернет-пользователей к видеороликам на YouTube, в которой авторы выявили «...преобладание оценок распада СССР как трагедии, в то время как большинство положительных комментариев оказались связаны с ностальгией по советской повседневности» [Линченко, Головашина, 74].

Кроме того, в начале XXI в. у ровесников авторов метафор об СССР возникает ряд медиа-проектов, посвященных советскому времени: «Намедни. Наша эра» Л. Парфенова, «Исторические хроники с Николаем Сванидзе» и т. п.

Своеобразным медианавигатором по советскому прошлому для «поколения X» выступает проект Л. Парфенова «Намедни», прежде всего часть «Намедни. 1981–1990» [Парфенов], охватывающая период непосредственного контакта этого поколения с советской реальностью. Данная часть проекта находится как бы на стыке, так как в ней накладываются друг на друга как возможные собственные впечатления и воспоминания (которые можно расклассифицировать по соответствующим каналам), так и медиатрансляции событий конкретного исторического этапа, предполагающие в том числе и их восприятие постфактум. Такие сохранившиеся воспоминания, пропущенные через призму современной медиаповестки, идеологического багажа, представляются

довольно любопытными. Интересно и то, что, по мнению С. Ушакина, в проекте «Намедни» советский период представлен как «предметное время», когда история позднего социализма расщепляется на материальные элементы осмысленного аналитического и повседневного опыта, в результате чего создается эффект временной и пространственной грануляции недавнего советского прошлого. Он называет это объектализмом: «Объекты в данном случае призваны дифференцировать — при помощи связей и пробелов — периоды, процессы или события прошлого» [Ушакин, 226].

Итак, советская действительность в проекте Парфенова представляет собой смешение десятков событий, людей, явлений, калейдоскопичным образом представляя зрителю в конкретных объектах то или иное десятилетие.

Каналы непосредственной памяти: от старшего поколения

Как уже было отмечено, осуществлявшуюся реальность советского представителя младшей части «поколения X» могли воспринимать, на наш взгляд как минимум по трем каналам: а) по воспоминаниям о советской эпохе из повседневного опыта; б) по рассказам представителей старшего поколения; в) через медиа.

Воспользовавшись проектом Л. Парфенова, отметим, в частности, что автор (р. 1978) лично помнит 33 из 304 феноменов тома «Намедни. 1981–1990» [Парфенов]. В таблице представлена структура его личных воспоминаний в разбивке по трем вышеуказанным каналам восприятия. Примерно о половине феноменов он узнал через советское телевидение, о трети — из повседневного опыта, о 15 % — из взаимодействия с представителями старшего поколения.

Конечно, обращение к проекту Л. Парфенова является лишь иллюстрацией, но она достаточно убедительно показывает, например, что влияние медиа в виде телевидения было довольно заметным уже в советское время.

Так, обращаясь к каналу «От старшего поколения», в наибольшей степени связанному с семейным опытом и семейной памятью, следует отметить, что если информация о группе «Модерн Токинг» стала известна

Классификация личных воспоминаний автора по каналам непосредственной памяти на примере феноменов проекта Л. Парфенова «Намедни» (том «Намедни. 1981–1990»)

Канал восприятия		
Медиа (телевидение)	Собственные воспоминания (повседневный опыт)	От старшего поколения
Умер Брежнев (1982)	Пугачева и Паулс (1981)	Шаварш Карапетян (1982)
Саманта Смит (1983)	Монетницы (1982)	Юрий Антонов (1983)
Асияй «Лицедеи» (1984)	Видеомагнитофон «Электроника ВМ-12» (1984)	«Модерн Токинг» (1986)
Аэробика (1985)	Фестиваль молодежи и студентов (1985)	Умерли Папанов и Миронов (1987)
«Гостья из будущего» (1985)	Русская «Бурда моден» (1987)	Розенбаум (1987)
Карпов — Каспаров (1985)	«Ласковый май» (1988)	
Взрыв «Челленджера» (1986)	Олимпиада в Сеуле. Баскетбол — волейбол — футбол (1988)	
«Спрут». Комиссар Каттани (1986)	Первый конкурс красоты (1988)	
Телемосты СССР — США. До-нахью — Познер (1987)	Из ЦСКА в НХЛ (1989)	
«Прожектор перестройки» (1987)	Цой жив! (1990)	
«Взгляд» (1987)	Ламбада (1990)	
Землетрясение в Армении (1988)		
«Рабыня Изаура». Рейтинговое ТВ (1988)		
Чумак и Кашпировский (1989)		
I съезд народных депутатов СССР (1989)		
Гардемарины (1989)		
ТСН. «Поле чудес» (1990)		

автору от друзей его родителей, то об Антонове, Розенбауме, о смерти Миронова, Папанова — от отца. А о подвиге Карапетяна он узнал от школьной учительницы начальных классов, которая часто начинала уроки с новостей.

Говоря о доверии к рассказам очевидцев старшего поколения со стороны младшей части «поколения X», важно подчеркнуть, что сами рассказчики могли находиться в ситуации, которую антрополог А. Юрчак определял как «множественность» (в отношении к советскому строю в период позднего СССР): «Отношение этих людей к системе невозможно

свести ни к ее поддержке, ни к сопротивлению ей. Его нельзя описать как бинарное противостояние между нами (обычными людьми) и ими (партией, властью). Это взаимоотношение людей и системы включало в себя парадоксальное сосуществование противоречивых идей и чувств — от приверженности определенным моральным ценностям социализма до отвержения конкретной коммунистической риторики, от веры в важность личного участия в «работе со смыслом» до ощущения безысходности от постоянной рутины и формализма» [Юрчак, 253–254].

Однако, какую бы позицию в отношении советского режима ни занимали бы представители старшего поколения, их мнение имело большое значение для «поколения X». Они обладали примерно таким же знанием, что и описанные В. Михайлиным случаи доступа к информационным ресурсам: «Позднесоветский человек с молодых ногтей приучался к принципиальной многослойности и “недопроговоренности” любого текста, имеющего отношение к актуальной действительности» [Михайлин, 184].

Так, после рассказов автора об интересе к экономической географии (происходило это конце 1980-х гг.) друг отца автора спросил, есть ли в имевшихся у него атласах мира такие города, как Монте-Карло, Лас-Вегас. Таких городов в атласах не было. Этот случай из детства автора показателен, так как демонстрирует опыт знакомства с первым диссонансом: формула «нам не всё говорят» начала приобретать видимые очертания и в сознании подростка. Параллельно запустился процесс формирования внешних авторитетов. Человеком, знавшим так много о развлекательной индустрии Запада, был дядя Саша, также он слушал «Модерн Токинг», «Дип Пёпл» (вместо опустылевших уже тогда Юрия Антонова или Александра Розенбаума) и немного владел английским языком. Этих характеристик было более чем достаточно, чтобы его статус в глазах автора стал особенно высоким. Заметим, что данная иллюстрация хорошо бы дополнила книгу антрополога А. Юрчака о последнем советском поколении, в частности, главу, посвященную «воображаемому Западу» как пространству внеаходимости позднего социализма [Юрчак, 311–403].

И здесь у представителей рассматриваемого нами поколения образуется разрыв между реальной практикой взаимодействия с советскими и современными медиапродуктами, обыгрывающими это самое советское.

Выводы

Сегодня нет недостатка в форматах передачи памяти об СССР — от метафорических высказываний свидетелей Советского Союза до возможностей цифровой обработки текстов газет и журналов, а также постов и комментариев к ним в тематических онлайн-сообществах.

Однако «поколению X», благодаря имеющемуся багажу впечатлений о советской реальности, полученному по разным каналам (воспоминания из повседневного опыта, рассказы старших, медиа), есть что сказать по каждому пункту. И пусть соприкосновение с советской действительностью для представителей этого поколения произошло «по касательной», оно успело сформировать в их сознании особую реальность. И эту реальность невозможно заменить или отменить, как бы ни старались современные институты и медиа создавать какие-то суррогатные и искаженные образы советского периода истории, включая такие эксцессы, как, например, набравшая популярность игра Atomic Heart.

Конечно, специфика восприятия советского прошлого «поколением X» требует отдельного изучения, но, определив имеющиеся каналы памяти, безусловно можно говорить о сохраняющемся контрасте и о множественности реальностей, существующих в сознании данного поколения.

Список источников

- 100 лет СССР: забыть нельзя вернуться? URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/100-let-sssr-zabyt-nelzja-vernutsja> (дата обращения: 19.04.2023).
- Ассман А. Забвение истории — одержимость историей : пер. с нем. М. : Новое лит. обозрение, 2019.
- Бойм С. Будущее ностальгии : пер. с англ. М. : Новое лит. обозрение, 2021.
- Бойм С. Общие места: мифология повседневной жизни. М. : Новое лит. обозрение, 2022.
- Голубев А. Вещная жизнь: материальность позднего социализма : пер. с англ. М. : Новое лит. обозрение, 2022.
- Долгов А. Ю. Травма и ностальгия в социальных сетях: осмысление советского прошлого в онлайн-сообществе «Мы из СССР» // Память в Сети: цифровой поворот в memory studies : сб. ст. / под ред. А. Ф. Павловского и А. И. Миллера. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2023. С. 50–75.
- Каспэ И. В союзе с утопией. Смысловые рубежи позднесоветской культуры. М. : Новое лит. обозрение, 2018.
- Линченко А. А., Головашина О. В. Тридцать лет спустя: распад СССР в телевизионной журналистике и интернет-пространстве современной России // Вестн. Моск. ун-та. Серия 12 : Политические науки. 2022. № 6. С. 56–78.

- Михайлин В. Лакунилингус, или О прагматических аспектах советских языков умолчания // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2022. № 6 (146). С. 164–188.
- Олейников А. Будущее в настоящем // Там же. № 2 (142). С. 57–68.
- Олейников А. Время истории // Логос. 2021. Т. 31, № 4. С. 5–30.
- Парфенов Л. Намедни. Наша эра. 1981–1990. М. : КоЛибри, 2010.
- «СССР — конструкция, эффективная для своего времени»: Беседа с А. В. Шубиным // Историческая экспертиза. 2022. № 4. С. 125–129.
- Ушакин С. Разложение тотальности: объектализация позднего социализма в постсоветских биохрониках // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2013. № 3 (89). С. 221–258.
- Харман Г. Искусство и объекты : пер. с англ. М. : Изд-во Института Гайдара, 2023.
- Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего» : пер. с англ. М. : Ад Маргинем Пресс, 2021.
- Харман Г. Спекулятивный реализм: введение : пер. с англ. М. : РИПОЛ классик, 2020.
- Харман Г. Четверойкий объект. Метафизика вещей после Хайдеггера : пер. с англ. Пермь : Гиле Пресс, 2015.
- Хириш М. Поколение постпамяти: Письмо и визуальная культура после Холокоста : пер. с англ. М. : Новое издательство, 2021.
- Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение : пер. с англ. М. : Новое лит. обозрение, 2020.
- Gumbrecht H. U. Our Broad Present: Time and Contemporary Culture. N. Y. : Columbia University Press, 2014.
- Hartog F. Regimes of Historicity. Presentism and the Experiences of Time. N. Y. : Columbia University Press, 2015.

References

- 100 let SSSR: zabyt' nel'zja vernut'sya? [USSR Centenary]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/100-let-sssr-zabyt-nelzja-vernutsja> (accessed: 19.04.2023).
- Assmann, A. (2019). *Zabvenie istorii — oderzhimost' istoriey* [Forgetting History — Obsession over History]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Boym, S. (2021). *Budushchee nostalg'gii* [The Future of Nostalgia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Boym, S. (2022). *Obshchie mesta: mifologiya povsednevnoy zhizni* [Common Places. Mythologies of Everyday Life in Russia]. Moscow : Novoe literaturnoe obozrenie.
- Dolgov, A. Yu. (2023). *Travma i nostalg'giya v sotsial'nykh setyakh: osmyslenie sovetskogo proshlogo v onlayn-soobshchestve "My iz SSSR"* [Trauma and Nostalgia in Social Networks: Understanding the Soviet Past in the Online Community “We Are from the USSR”]. In A. F. Pavlovskiy & A. I. Miller (eds.). *Pamyat' v seti: tsifrovoy povorot v memory studies* [Memory in the Net: a Digital Turn in Memory Studies], 50–75. Saint-Petersburg : Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Golubev, A. (2022). *Veshchnaya zhizn': material'nost' pozdnego sotsializma* [The Things of Life. Materiality in Late Soviet Russia]. Moscow : Novoe literaturnoe obozrenie.
- Gumbrecht, H. U. (2014). *Our Broad Present: Time and Contemporary Culture*. N. Y.: Columbia University Press.
- Harman, G. (2015). *Chetveroyakiy ob'ekt: Metafizika veshchey posle Khaideggera* [The Quadruple Object]. Perm: Gile Press.
- Harman, G. (2020). *Spekulyativnyy realizm: vvedenie* [Speculative Realism: an Introduction]. Moscow: RIPOL klassik.
- Harman, G. (2021). *Ob'ektno-orientirovannaya ontologiya: novaya "teoriya vsego"* [Object Oriented Ontology: New “Theory of Everything”]. Moscow : Ad Marginem Press.
- Harman, G. (2023). *Iskusstvo i ob'ekty* [Art and Objects]. Moscow : Izdatel'stvo Instituta Gaydara.
- Hartog, F. (2015). *Regimes of Historicity. Presentism and the Experiences of Time*. N. Y.: Columbia University Press.
- Hirsch, M. (2021). *Pokolenie postpamyati: Pis'mo i vizual'naya kul'tura posle Kholokosta* [The Generation of Postmemory. Writing and Visual Culture after the Holocaust]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Kaspe, I. (2018). *V soyuze s utopiey. Smyslovye rubezhi pozdnesovetskoy kul'tury* [In Alliance with Utopia. The Semantic Frontiers of Late Soviet Culture]. Moscow : Novoe literaturnoe obozrenie.
- Linchenko, A. A., Golovashina, O. V. (2022). *Tridtsat' let spustya: raspad SSSR v televizionnoy zhurnalistike i internet-prostranstve sovremennoy Rossii* [Thirty Years Later: Visions of the Collapse of the Soviet Union in the Television Journalism and the Internet Space of Contemporary Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki* [The Journal Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science], 6, 56–78.
- Mikhailin, V. (2022). *Lakunilingus, ili O pragmaticheskikh aspektakh sovetskikh yazykov umolchaniya* [Lacunilingus, or On Pragmatic Aspects of Soviet Languages of Reticence]. *Neprikosnovenny zapas. Debaty o politike i kul'ture* [NZ], 6 (146), 164–188.
- Oleynikov, A. (2021). *Vremya istorii* [History's Time]. *Logos* [Logos], 4, 31, 5–30.
- Oleynikov, A. (2022). *Budushchee v nastoyashchem* [The Future in the Present]. *Neprikosnovenny zapas. Debaty o politike i kul'ture* [NZ], 2 (142), 57–68.
- Oushakine, S. (2013). *Razlozhenie total'nosti: ob'ektalizatsiya pozdnego sotsializma v postsovetskikh biokhronikakh* [Decomposing Totality: The Objectalization of Late Socialism in Post-Soviet Biochronologies]. *Neprikosnovenny zapas. Debaty o politike i kul'ture* [NZ], 3 (89), 221–258.
- Parfyonov, L. (2010). *Namedni. Nashs era. 1981–1990* [Recently. Our Era. 1981–1990]. Moscow : KoLibri.
- Stykalin, A. S. (2022). *“SSSR — konstruktsiya, effektivnaya dlya svoego vremeni”*. Bеседа s A. V. Shubinyim [“USSR — a Design Effective for its Time”. Conversation with A. V. Shubin]. *Istoricheskaya ekspertiza* [The Historical Expertise], 4, 125–129.

Vitalii Tret'yakov: "Est' veshchi, o kotorykh ya zhaleyu" (2023). [Vitaly Tretyakov: "There are Things I Regret"]. *Literaturnaya gazeta*. 18–24 yanv. № 1–2.

Yurchak, A. (2020). *Eto bylo vsegda, пока не konchilos'*. *Poslednee sovetskoe pokolenie* [Everything Was Forever, Until It Was No More: the Last Soviet Generation]. Moscow : Novoe literaturnoe obozrenie.

Сведения об авторе

Иванов Андрей Геннадиевич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник философского факультета Саратовского национального исследовательского университета им. Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия; профессор кафедры государственной, муниципальной службы и менеджмента Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Липецкий филиал), г. Липецк, Россия

*Статья поступила в редакцию 06.12.2023;
одобрена после рецензирования 30.12.2023;
принята к публикации 01.04.2024*

Information about the author

Andrey G. Ivanov, Doct. Sci. (Philos.), Leading Research Fellow, Saratov State University, Saratov, Russian Federation; Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Lipetsk Branch), Lipetsk, Russian Federation

*The article was submitted 06.12.2023;
approved after reviewing 30.12.2023;
accepted for publication 01.04.2024*

Научная статья

УДК 314.7.044 + 325.14 + 316.325 + 94:159.953 + 929.52 + 392.3:159.953(470.41-25)

doi 10.15826/tetm.2024.1.064

Историческая память — фактор семейной и государственной социализации (на примере поколений «местных» и «пришлых» г. Казани)

Александр Викторович Овчинников¹, Алиса Ахтямовна Ибрагимова²

¹Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва;

Казанский государственный энергетический университет, Казань, Россия

ovchinnikov8_831@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0831-0786>

²Казанский государственный энергетический университет, Казань;

Центр исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия

alisa.garifullin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3970-545X>

Аннотация. Ставится проблема сравнительного изучения социализации в коммеморативном поле семьи и государства на примере поколений иммигрантов и внутренних мигрантов. Констатируется параллельное существование дискурсов семейной и официальной исторической памяти. На основании широкого круга источников выявляются общие элементы в семейной социализации молодых поколений и в интеграции государством «пришлых». Объединяющим механизмом выступает известный антропологам и философам дарообмен. Доказывается, что он является важной составляющей мировоззрения иммигрантов и внутренних мигрантов разных поколений, а также официальных государственных нарративов о прошлом. Предлагается гипотеза о том, что полная интеграция заключается в формировании готовности включиться в многовековой обмен между данной семьей и государством. Символический обмен, как в случае социализации посредством семейной памяти, должен быть выгоден семье, а не государству с идеей жертвенности во имя него. Таким образом, по мнению авторов, возможно преодолеть символические границы, которые являются препятствием для интеграции разных поколений иммигрантов и внутренних мигрантов в общероссийское коммеморативное пространство.

Ключевые слова: иммигранты, внутренние мигранты, поколение, семейная память, историческая память, символический обмен

Для цитирования: Овчинников А. В., Ибрагимова А. А. Историческая память — фактор семейной и государственной социализации (на примере поколений «местных» и «пришлых» г. Казани) // *Tempus et Memoria*. 2024. Т. 5, № 1. С. 88–97. <https://doi.org/10.15826/tetm.2024.1.064>

Благодарности: статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-00503 «Трансформация коллективной памяти миграционных сообществ в современной России: межпоколенческая динамика, семейные ценности и коммеморативные практики».

Original article

Historical Memory as a Factor of Family and State Socialization (on the Example of the Generations of “Local” and “Newcomers” of Kazan)

Alexander V. Ovchinnikov¹, Alisa A. Ibragimova²

¹Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow;
Kazan Power Engineering University, Kazan, Russia

ovchinnikov8_831@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0831-0786>

²Kazan Power Engineering University, Kazan;

Center for Islamic Studies of Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia

alisa.garifullin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3970-545X>

Abstract. The problem of comparative study of socialization in the commemorative field of the family and the state is posed on the example of generations of immigrants and internal migrants. The parallel existence of discourses of family and official historical memory is stated. Based on a wide range of sources, common elements are identified in the family socialization of young generations and in the integration of “newcomers” by the state. The unifying mechanism is the “gift exchange” known to anthropologists and philosophers. It is proved that it is an important component of the worldview of immigrants and internal migrants of different generations, as well as official state narratives about the past. The hypothesis is proposed that full integration consists in the formation of a willingness to engage in a centuries-old exchange between this family and the state. Symbolic exchange, as in the case of socialization through family memory, should be beneficial to the family, and not to the state with the idea of sacrifice in its name. Thus, according to the authors, it is possible to overcome symbolic borders that are an obstacle to the integration of different generations of immigrants and internal migrants into the all-Russian commemorative space.

Key words: immigrants, internal migrants, generation, family memory, historical memory, symbolic exchange

For citation: Ovchinnikov, A. V., Ibragimova, A. A. (2024). Istoricheskaya pamyat' — faktor semeinoi i gosudarstvennoi sotsializatsii (na primere pokolenii “mestnykh” i “prishlykh” g. Kazani) [Historical memory as a factor of family and state socialization (on the example of generations of “local” and “newcomers” of Kazan)]. *Tempus et Memoria*, 5, 1, 88–97. <https://doi.org/10.15826/tetm.2024.1.064>

Acknowledgments: the article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation, project № 22-28-00503 “Transformation of the collective memory of migration communities in modern Russia: intergenerational dynamics, family values and commemorative practices”.

Миграционные процессы происходят в современном информационном обществе и относительно плотном образовательном пространстве, когда представления о различных территориях и социальных группах нагружены множеством символических смыслов, важнейшие из которых можно объединить понятием «историческая память». В XXI в. миграции затрагивают не только настоящее, но и прошлое, провоцируя, например, столкновение различных исторических мифов.

Миф, который изолирован государственными границами и малой мобильностью населения, является потенциальной основой

«бесконфликтного» мировоззрения. В условиях глобализации исторические мифы пересекаются, что приводит к внутренним мировоззренческим конфликтам и внешнему напряжению между «местными» и «пришлыми». К этому добавляется вполне естественное разное восприятие прошлого старшими и младшими поколениями (подробнее о понятии «поколение» см.: [Аникин]). Данные процессы затрудняют социализацию как отдельных индивидов, так и целых социальных групп, особенно иммигрантов. В свою очередь, важнейшими акторами социализации выступают семья и государство. Нарушение данных

каналов социализации может привести к росту расизма [Современный расизм...] и в целом общественной напряженности, поэтому важно понять, в чем заключается сходство двух видов социализации, и уяснить роль в этих процессах исторической памяти [Линченко, Благинин].

Цель статьи заключается в выработке методологических оснований для сравнения семейной и государственной социализации разных поколений иммигрантов и местного населения посредством использования образов исторической памяти. Источниками исследования являются материалы интервью иммигрантов г. Казани, записанные одним из авторов статьи в 2022–2023 гг., данные масштабных социологических опросов и статистических обобщений, а также результаты применения антропологических методов наблюдения и включенного наблюдения.

Достижение цели исследования во многом облегчается наличием элементов («остатков») бывшего советского символического пространства, из которого вышли или развились многие современные государственные, этнические и семейные мифы о прошлом. Об определенном наложении друг на друга разных символических и российского бюрократического административно-территориального пространств свидетельствуют новейшие данные об иммиграции в нашу страну. В 2022 г. международная иммиграция в Россию составила 730 347 человек, причем 90,6 % из них составляли граждане СНГ (661 986 человек), что явилось наивысшим показателем за последние 10 лет [Официальный сайт Федеральной службы...]. По данным Министерства внутренних дел Российской Федерации, за январь–июль 2023 г. (I–II кварталы) количество фактов постановки на миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства составило 9 млн человек, что на 5,8 % ниже, чем за аналогичный период 2022 г. Было оформлено 64 695 разрешений на работу иностранным гражданам и лицам без гражданства (в 2022 г. данный показатель был ниже почти в 1,5 раза). Если рассматривать весь период с января по декабрь 2022 г., то на миграционный учет с регистрацией по месту пребывания встали 16,9 млн иностранцев, из них 72,4 % отметили в качестве цели приезд на работу.

Большинство иммигрантов являлись гражданами Узбекистана (38,5 %); 26,1 % — Таджикистана; 7,1 % — Киргизии; 6,2 % — Украины; 3,3 % — Казахстана; 1,5 % — Китая. На июнь 2023 г. в России проживали 6,6 млн иностранных граждан, примерно 0,4 % — неучтенных «нелегалов» [Официальный сайт Министерства внутренних дел...].

Дальнейшим ожидаемым шагом исследования могла бы стать общая характеристика национальных историй названных стран СНГ, выявление в них конфликтного потенциала и выработка рекомендаций по противодействию особо негативным паттернам уже в рамках российского исторического канона с учетом поколенческой стратификации иммигрантов. Однако такой подход несет в себе ряд методологических изъянов, самые серьезные из которых, по мнению авторов, заключаются в этно- и государствоцентризме.

Контуры альтернативной методологии можно обозначить, исходя из выводов прежних исследований одного из авторов статьи:

1. Границы социальной группы «иммигранты» конструируются органами государственной власти, академическим сообществом и СМИ, исходя из интересов государства, и поэтому «официальные образы» иммигрантов и их представления о самих себе часто различаются [Овчинников 2020; Овчинников, Головашина, Благинин].

2. Российская парадигма описания групп иммигрантов как этнических сообществ нередко отодвигает на второй план продумывание решений конкретных социальных проблем (продемонстрировано на примере деятельности Дома дружбы народов в г. Казани) [Овчинников 2022б].

3. Практики российской национальной политики, конституциональное закрепление государствообразующей роли русского народа конструируют представление об иерархичном трех- или четырехчастном разделении общества («русский народ», «титовые этносы» в национальных республиках, другие «коренные народы» и, наконец, иммигранты), напоминая архаичное деление социума у индоевропейцев (А. Г. Дугин пропагандирует именно такую, «платоновскую» иерархию) [Овчинников 2022а].

4. Попытки государства интегрировать иммигрантов в «российское культурное поле»,

в том числе при помощи экзаменационных вопросов для получения гражданства или временного вида на жительство, имеют существенный содержательный изъян: вопросы ориентированы на русско-православную историю и лишней раз подчеркивают якобы «прочность» культурных границ (был предложен авторский перечень вопросов экзаменов для иммигрантов по истории) [На пути к новому прошлому, 391–395].

5. Поиски возможных путей коммеморативной адаптации и интеграции иммигрантов, учет явного преобладания семейной (клановой) идентичности над этнической привели к констатации важности распространения среди иммигрантов краеведческих знаний, когда новыми (замещающими старые, оставшиеся в «стране исхода») местами памяти становятся местные, доступные для посещения объекты (музеи, археологические объекты и т. д.), а не труднодоступные, часто находящиеся в крупных городах, «брендовые» объекты (вроде Красной Площади или Эрмитажа) [Овчинников 2023б].

Главными игроками в дискурсе «проблемы иммигрантов» выступают государство (в России бюрократический аппарат традиционно силен) и отдельно взятая семья (материалы интервью с иммигрантами в большинстве своем фиксируют семейноцентричность сознания, например: *«Счастливый человек — это человек у которого есть семья Я живу очень хорошей семье У меня есть мама но папа умер 30 лет назад. Мама раньше работала учительница арабского языка. У меня есть один брату него два детей он преподавателем английского языка»*)¹.

Исходя из собственных наработок, в дальнейшем изложении авторы присоединяются к тем исследователям мобильности, которые подвергают критике современные теории миграции. По их мнению, большинство теоретических миграционных моделей остаются государствоцентричными: главный фокус внимания концентрируется на перемещениях между странами, уделяется мало внимания региональным потокам или движениям внутри обширных городских агломераций. Новые миграционные потоки размывают понятия «гражданство» и «идентичность»,

а национальное государство (гражданская нация) уже не является главным актором во всех сферах жизни общества [Гидденс, Саттон, 85]. Онтологически объективные реалии делают актуальными понятия о постнациональной (подробнее см.: [Концептуальные основания...]) или донациональной идентичности. Учитывая догоняющий тип российской модернизации и модернизационных процессов на постсоветском пространстве в целом, по мнению авторов, все же логичнее говорить о донациональной идентичности (этот концепт идеально подходит для теоретической обработки материалов интервью иммигрантов; в их ответах «страна исхода» часто характеризуется лишь как географическое пространство, в пределах которого ранее проживала семья, а не этнонациональное целое со своими традициями, обычаями и особой историей).

Охарактеризованная теоретическая модель адекватно отражает ту реальность, которая фиксируется антропологическим методом наблюдения в пределах г. Казани и ее пригородах. «Государствоцентричный» и «этноцентричный» подходы заставили бы авторов «предпоинимать» данные территории как столицу мусульманского и тюркского региона Российской Федерации, а потоки иммигрантов² рассматривать преимущественно в этническом и религиозном ключе. Однако каждый день (утром и вечером, особенно в пятницу вечером и понедельник утром) на основных въездах в Казань можно наблюдать признаки «маятниковой миграции» — колонны автомобилей, преимущественно сельчан (среди которых есть иммигранты из стран Средней Азии и Закавказья), спешащих на работу в город и затем возвращающихся обратно. Отдельно

² На официальном сайте Территориального органа ФСГС по Республике Татарстан на данный момент представлены данные по миграционной ситуации в республике за январь–июнь 2022–2023 гг. Миграционный прирост населения в Республике Татарстан составил 4275 человек, что на 497 человек больше, чем за аналогичный период прошлого года. Увеличение миграционного прироста обусловлено не ростом числа прибытий из других государств, а снижением числа выбытий в страны СНГ и в другие зарубежные государства. Число мигрантов, переселяющихся в пределах Республики Татарстан, составило 22 266 человек, что на 8,3 % меньше, чем за аналогичный период 2022 г. [Официальный сайт Территориального...].

¹ Полевые материалы А. В. Овчинникова. Пунктуация и орфография ответов в Google-форме сохранены.

стоит упомянуть иногородних, живущих в общежитиях или в съемном жилье студентов, представителей других российских регионов. Вместе с выходцами из других стран их можно объединить в социальную группу «мигранты» на основании общности решаемых ими на пути социализации проблем.

Визуальные образы антропологического наблюдения дополняются социологическими данными. В Казани наблюдается практически одинаковое количество мигрантов из самой республики и других регионов России. Анализ данных по миграции близлежащих от Казани муниципальных районов показал, что большая часть приезжих — внутритатарстанские мигранты (из них 60–70 % — трудоспособное население в возрасте 25–35 лет). Согласно данным Всероссийской переписи населения-2020 в Казани 15 414 человек имели временную регистрацию по месту пребывания, из них 1542 были из другого субъекта Российской Федерации, 437 — граждане иностранных государств, и 44 811 человек не имели регистрации в помещении, в котором проживали (45 032 человека из других субъектов Российской Федерации и 357 граждан иностранных государств). В пригородных по отношению к Казани Лаишевском районе проживали в совокупности с временной регистрацией и не имеющие регистрации в помещении, в котором фактически проживали, 3114 человек, в Зеленодольском — 5418, в Пестречинском — 3301, в Высокогорском — 1764. Ежедневная «маятниковая миграция» характерна для 103 031 жителя Республики Татарстан, из них 87,6 % приходится на сельское население [Официальный сайт Территориального органа...].

На данном уровне исследования важно поставить вопрос о сравнительном анализе основ конструирования исторической памяти поколений иммигрантов и внутренних мигрантов.

Одним из базовых оснований сравнения социализации в семье и государстве является известный факт совмещения этих структур до недавнего времени в рамках традиционных обществ. Тогда сердцевиной государства являлась правящая династия («дом»), а интеграция семей иммигрантов происходила по принципу обретения новых младших родственников, которые должны были исповедовать ту же

религию, что и венценосная семья. Приобщение к ведущей религии сегодня бы назвали попытками интеграции иммигрантов в общее символическое пространство. В российском массовом сознании и идеологическом дискурсе государство продолжает ассоциироваться с большой семьей, а идеологемы, в свою очередь, могут влиять на законодательство.

Несмотря на кажущуюся монополию государства в политике памяти, семья выступает его серьезным конкурентом. В российском случае, благодаря осязаемому влиянию некоторых элементов традиционного социума и объективной слабости гражданского общества, общенациональная идентичность уступает идентичностям семейной и корпоративной. Предлагаемые государством исторические смыслы становятся лишь поводом для недобровольного участия индивида в важных для него в социальном смысле «ритуалах перехода» (например, экзаменах, официальных публичных выступлениях и т. д.), тогда как примеры и паттерны семейной истории оказывают большее воздействие на мотивацию его поступков (выбор работы, брачного партнера, религии и т. д.). Так, студент-магистрант из Туркмении, обучающийся в одном из вузов Казани, на просьбу своими словами описать основные этапы истории его семьи и Туркмении решительно отказался это делать, мотивируя «возможными последствиями». В итоге он аккуратно выписал с нескольких официальных сайтов дежурную, но зато «проверенную» информацию. Истории своей семьи он так и не коснулся, видимо, считая это слишком личным для раскрытия представителю казенного учреждения.

Отсюда становятся объяснимы некоторые сходства между государственной и семейной социализациями в дискурсе исторической памяти. В обоих случаях следует особо отметить инструментальное применение прошлого как в масштабах семьи, так и в рамках целого государства. Исторически семья значительно старше государства, однако в учебниках истории повествование о прошлом государства хронологически длительнее истории одной отдельно взятой семьи.

Государство пытается включить иммигрантов в свое коммеморативное поле, а последствия перемещения «своих» граждан (урбанизация, переезд в другие регионы) контролировать

путем «москвоцентричности» исторических нарративов (передвигаясь территориально, человек остается в рамках одного уже «объясненного» символического пространства). Семейная память также создает символическое пространство, постепенное узнавание которого социализирует индивида и духовно объединяет поколения родственников в пределах одной семьи. Он видит себя продолжателем истории семьи, под углом зрения своего поколения он переносит трудности адаптации и интеграции в новое, более крупное, чем семья, сообщество (например, психологически иммигрант не столько работает на стройке в сложных погодных условиях, сколько зарабатывает на нормальную жизнь своих детей и других родственников; тем же самым руководствуются жители пригорода Казани, проводя каждый день по несколько часов в пробках по пути на работу).

Актуализация в официальном мемориальном поле государства с большой семьей («Родина-мать», «Отечество» и т. д.) создает параллели с психологическими практиками социализации в семье. В традиционном обществе личность была слабо отделена от семейного коллектива. Синкретизм мышления был причиной отождествления себя с живыми родственниками и ушедшими поколениями. В принципе то же самое наблюдается в попытках государства «прикрепить» к себе гражданина посредством исторических нарративов о предках, продолжать «исторический путь» которых необходимо индивиду. Возможность смены гражданства в этой системе координат выглядит аномалией, что напоминает невозможность выхода человека из традиционной семьи (это воспринималось и воспринимается как предательство предков, «попытка обмануть свою кровь» и т. д.).

Семейные взаимоотношения по большей части не формализованы, в них сильны эмоционально-аффективная составляющая и явные архаико-традиционалистские черты, и потому анализировать их продуктивно в дискурсе достижений социально-культурной антропологии и социальной мифологии [Фомашин]. В традиционном обществе разделить религиозное, социальное, экономическое и собственно семейное было сложно. Взаимоотношения строились на принципах так называемой «моральной экономики», где экономические

отношения еще не были отделены от межличностных, как это можно наблюдать в стандартах рыночной экономики. В основе семейной истории находился межпоколенческий обмен: младшее поколение оказывалось «в долгу» перед старшим, прежде всего за дарованную жизнь, питание и безопасность в недееспособном возрасте. Ответным даром должна была быть забота о недееспособных стариках и их внуках, то есть о своих детях. Отдельные события мирового масштаба встраивались в эту матрицу и осмысливались под ее углом зрения. Сегодня это создает особый семейный хронотоп, отличный от государственного.

Долгое время само государство, как указывалось выше, было большой разросшейся семьей (правлящей династией), и потому история традиционных государств — это династийно-семейная история, другие семьи и отдельные личности попадали в такие истории лишь по мере взаимодействия с «главной семьей». Но и для обычной семьи государство было интересно лишь по мере взаимодействия с ним. Такая же ситуация сегодня воспроизводится в картине мира членов семей иммигрантов, что внешне воспринимается как «изоляция», «нежелание интегрироваться в правовое и культурное поле страны приема». Таким образом, кажущийся сегодня само собой разумеющимся принцип мнемонической интеграции иммигрантов через образы участия представителей семьи в истории государства имеет явные домодерные истоки.

Иммигрантов и внутренних мигрантов, кроме отмеченной выше общности решаемых социальных задач, также объединяет, по мнению авторов, усиливающаяся роль семьи (вернее, семейной взаимопомощи) в сложных (и с финансовой, и с эмоционально-психологической точек зрения) условиях фронта³.

³ В художественном осмыслении данная «общность», по мнению авторов, удачно зафиксирована в российском фильме 2015 г. «Побег из Москвабада» (режиссер Дарья Полтарацкая). Главная героиня служит в отделе Федеральной миграционной службы Москвы и организует мероприятия по депортации нелегальных «внешних» иммигрантов. В то же время она сама «внутренний» иммигрант и воспринимается родственниками покойного гражданского мужа как «лимит», ей грозит выселение из московской квартиры. В конце фильма она удочеряет дочь погибшего гастарбайтера и уезжает обратно к своим родителям в глубинку.

Современные социологи все чаще критикуют устоявшиеся представления о расширенных семьях до промышленной революции и якобы их последующем разделении на нуклеарные в условиях индустриализации и урбанизации. Наоборот, они отмечают, что *«процесс индустриализации сопровождался более широким использованием расширенных родственных контактов, отчасти посредством обмена услугами и финансовой помощи. Такие системы взаимопомощи поддерживали людей, оказавшихся в шатком положении вследствие миграции из сельской местности в город»* [Аберкромби, 359].

Таким образом, «прямые» или «замаскированные сознанием под что-то другое» формы дарообмена актуальны для внутренних мигрантов⁴. Урбанизация во многом порождает этнонационализм, а этнонациональные истории являются примером осмысления родства с предками и другими семьями и построены по принципу реципрокных отношений [Овчинников 2023б]. По мнению А. В. Овчинникова, распространенная в коммеморативном пространстве Татарстана историческая «травма 1552 г.» коррелирует с жизненным путем многих членов местного академического сообщества (сельское происхождение, переезд из села в город, культурный разрыв со старшим поколением семьи, трудности адаптации и интеграции, необходимость сделать «чужой» город «своим», частью семейного пространства и прочее способствовали актуализации события почти полутысячелетней давности — захвата Казани войсками Ивана IV в 1552 г.) [Овчинников 2021]. Травма — «постоянный спутник» фронта [Линченко 2020].

В государственном историческом нарративе также четко определяется тема межпоколенческого обмена («памяти предков будем достойны» и т. д.), а многие сюжеты

⁴ По данным исследований 2012–2014 гг. Центра семьи и демографии АН РТ, в пригородных по отношению к Казани сельских районах семейной и родственной поддержкой пользовались достаточно умеренно (в Высокогорском районе данный показатель был выше, чем в Пестречинском), не злоупотребляли также соседской и дружеской поддержкой. Обращались за помощью в период сельхозработ, для решения денежных проблем и с целью моральной поддержки. Наиболее часто родственной, соседской и дружеской поддержкой пользовались семьи с одним или двумя детьми [Геодемографическая инфраструктура; Демографические ресурсы...].

официального канона строятся на образах помощи другим народам (государствам) в прошлом и ожидании от них «ответных даров» в настоящем. Отдельно взятый гражданин оказывается в символических реципрокных сетях, что напоминает названные выше принципы семейной социализации младших поколений. Окончательная социализация в представлениях государства заключается в формировании у иммигранта готовности включиться в систему «исторического» обмена на стороне новой родины. Как и в семейном случае, более младшие поколения с большим трудом готовы быть обязанными. Например, студент-магистрант казанского вуза (21 год, родом из Азербайджана) на вопрос о личном отношении к карабахскому конфликту ответил, что *«ему нравится земля предков (Азербайджан. — А. О., А. И.), но ехать туда и воевать за нее он не хочет»*⁵.

В понимании государства, идеальным примером коммеморативной социализации иммигрантов стало бы встраивание их семейной истории в поток истории государственной (официального канона). На постсоветском пространстве это часто реализуется путем использования общего советского прошлого (например, актуализация участия членов семьи в важных для бывшего общего государства процессах индустриализации, в Великой Отечественной войне, освоении целины, строительстве БАМа и т. д.). Однако в рамках самой семейной памяти эти «великие события» обычно воспринимаются в качестве потрясений, в свое время помешавших нормальному течению семейной жизни.

Исходя из этого, авторы предполагают, что интеграция иммигрантов и внутренних мигрантов через образы прошлого должна быть связана, как и в случае семейной социализации младших поколений, с инструментальным использованием представлений о неэквивалентном («в пользу» иммигрантов и внутренних мигрантов) обмене. Государству необходимо убедить, что в прошлом старшие поколения данной семьи получили от российского государства (в том числе во времена СССР и даже Российской империи) серьезные возможности для удовлетворения социально-экономических

⁵ Полевые материалы А. В. Овчинникова.

потребностей, а не только несли жертвы в войнах или на «великих стройках». В официальном нарративе это может быть актуализация фактов роста экономики и, например, медицинского обслуживания в советских республиках, преодоление голода в сельской местности, а в более раннее время — заимствование технологии изобретений, достижений в хозяйстве и т. д. Современная интеграция иммигрантов и внутренних мигрантов будет ими самими видаться как продолжение общего с российским государством многовекового процесса, что уже создает единое коммеморативное поле. В этом поле оказываются молодые и старшие поколения «пришлых», а это означает запуск трехуровневого механизма интеграции (государство интегрирует семью в целом, а в самой семье социализируется молодое поколение).

Таким образом, авторами были проанализированы общие черты в представлениях о семье и государстве и способы их инструментальной

актуализации в семейной и государственной (официальном историческом каноне) памяти. Были проанализированы принципы традиционных межсемейных и межпоколенческих взаимоотношений иммигрантов и внутренних мигрантов. Выявленные закономерности, в свою очередь, сравнивались с особенностями конструирования нарративов официальной истории, что дало возможность охарактеризовать общие векторы возможной «коммеморативной» диффузии, в итоге пригодные для практического применения.

Важным выводом исследования может стать констатация того факта, что в условиях дальнейшего техногенного развития отдаленность друг от друга реальных практик семейной и государственной социализаций может привести к усилению «корпоративной ограниченности» социума, затрудняющей не только территориальную, но и другие виды мобильности как «пришлых», так и местных.

Список источников

- Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С. Социологический словарь / под ред. С. А. Ерофеева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ЗАО «Изд-во “Экономика”», 2004.
- Аникин Д. А. Культурная память в эмигрантской среде: поколенческая динамика и коммеморативные практики // *Философия и культура*. 2019. № 5. С. 39–45. DOI: 10.7256/2454-0757.2019.5.29647
- Геодемографическая инфраструктура села: локальное измерение. Пестречинский муниципальный район Республики Татарстан (социологический анализ) : моногр. / под ред. Ф. А. Ильдархановой. Казань : «Отечество», 2013.
- Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии / пер. с англ. Е. Рождественской ; под науч. ред. С. Гавриленко. 2-е изд. М. : Изд. дом. Высш. шк. экономики, 2019.
- Демографические ресурсы модернизации села (социологический ракурс) : моногр. / Г. Ф. Зинатуллина, А. А. Ибрагимова, Ч. И. Ильдарханова и др. ; под общ. ред. Ф. А. Ильдархановой. Казань : Академия наук РТ, 2015.
- Концептуальные основания политики памяти и перспективы постнациональной идентичности / В. Н. Сыров, О. В. Головашина, Д. А. Аникин и др. ; Том. гос. ун-т. Томск : Изд. дом Том. гос. ун-та, 2019.
- Линченко А. А. Травмы культурной памяти в миграционном и постмиграционном обществе // *Человек и культура*. 2020. № 1. С. 1–16. DOI: 10.25136/2409-8744.2020.1.31889
- Линченко А. А., Благинин В. С. Трансформация семейной памяти мигрантов в свете межпоколенческой динамики: на примере Липецкой области // *Социодинамика*. 2022. № 12. С. 11–31. DOI: 10.25136/2409-7144.2022.12.39310
- На пути к новому прошлому? Культурная память России в ситуации глобальных миграционных вызовов : моногр. / А. А. Линченко, О. В. Головашина, Д. А. Аникин и др. СПб. : Изд-во «Алетейя», 2023.
- Овчинников А. В. Символический предел фронта: «генофонд народа» и миграции в прошлом и настоящем // *Журнал фронтирных исследований*. 2020. № 2. С. 60–76. DOI: 10.46539/jfs.v5i2.203
- Овчинников А. В. «Великий незнакомец» и урбанизационный фронт (к проблеме социально-психологических оснований исторической «травмы 1552 года») // *Власть*. 2021. Т. 29, № 1. С. 291–299.
- Овчинников А. В. «Индоевропейский соблазн иерархии»: этический статус иммигрантов в представлениях о структуре российского общества // *Теоретическая и прикладная этика: Традиции и перспективы-2022: К 100-летию «Философского парохода»* : XV Международ. конф., Санкт-Петербург. гос. ун-т, 17–19 ноября 2022 г. / отв. ред. В. Ю. Перов. СПб. : ООО «Сборка», 2022а. С. 71–72.
- Овчинников А. В. «История старших»: историческая политика Дома дружбы народов г. Казани // *Tempus et Memoria*. 2022б. Т. 3, № 2. С. 37–46. doi 10.15826/tetm.2022.2.036
- Овчинников А. В. В иерархии «матрешки идентичностей»: «шахматная доска» отечественной исторической памяти (краеведение и иммигранты) // *Новое прошлое/The New Past*. 2023а. № 2. С. 192–201. DOI: 10.18522/2500-3224-2023-2-192-201
- Овчинников А. В. Этнонациональные истории: социально-политические основания и экономика конструирования (по материалам Республики Татарстан) // *Tempus et Memoria*. 2023б. Т. 4, № 1. С. 46–60. DOI: 10.15826/tetm.2023.1.044

Овчинников А. В., Головашина О. В., Благинин В. С. Культурная память россиян в ситуации миграционных вызовов // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2020. № 55. С. 196–202. DOI: 10.17223/1998863X/55/20
Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/deyatelnost/statistics/migracionnaya/2/> (дата обращения: 01.10.2023).

Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан. URL: <https://16.rosstat.gov.ru/naselenie> (дата обращения: 01.10.2023).

Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 01.10.2023).

Современный расизм: идеология и практика : сб. науч. ст. / под ред. В. А. Шнирельмана. М. : Дашков и К°, 2022.

Фомашин В. С. Дарообмен как основа социального взаимодействия // Гуманит. вестн. 2020. Вып. 3. С. 1–9. DOI: 10.18698/2306-8477-2020-3-667

References

Aberkrombi, N., Khill, S., Terner, B. S. (2004). *Sotsiologicheskii slovar'* [Sociological Dictionary] / pod red. S. A. Erofeeva. 2-e izd., pererab. i dop. M.: ZAO "Izd-vo "Ekonomika".

Anikin, D. A. (2019). Kul'turnaya pamyat' v emigrantskoi srede: pokolencheskaya dinamika i kommemorativnye praktiki [Cultural memory in the migrant environment: generational dynamics and commemorative practices] *Filosofiya i kul'tura*, 5, 39–45. DOI: 10.7256/2454-0757.2019.5.29647

Geodemograficheskaya infrastruktura sela: lokal'noe izmerenie. Pestrechinskii munitsipal'nyi raion Respubliki Tatarstan (sotsiologicheskii analiz): monografiya [Geodemographic infrastructure of the village: a local dimension. Pestrechinsky municipal district of the Republic of Tatarstan (sociological analysis): monograph] (2013) / pod red. F. A. Il'darkhanovoi. Kazan: "Otechestvo".

Giddens, E., Satton, F. (2019). *Osnovnye ponyatiya v sotsiologii* [Basic concepts in sociology] / per. s angl. E. Rozhdestvenskoi; pod nauchn. red. S. Gavrilenko. 2-e izd. M.: Izd. dom. Vysshei shk. ekonomiki.

Demograficheskie resursy modernizatsii sela (sotsiologicheskii rakurs): monografiya [Demographic resources of rural modernization (sociological perspective): monograph] (2015) / G. F. Zinatullina, A. A. Ibragimova, Ch. I. Il'darkhanova, F. A. Il'darkhanova, A. V. Makhyanova, B. T. Khafizov, N. M. Yakushkin; pod obshch. red. F. A. Il'darkhanovoi. Kazan': Akademiya nauk RT.

Kontseptual'nye osnovaniya politiki pamyati i perspektivy postnatsional'noi identichnosti [Conceptual foundations of the memory policy and prospects of post-national identity] (2019) / V. N. Syrov, O. V. Golovashina, D. A. Anikin, A. V. Ovchinnikov, A. A. Linchenko. Tomsk: Izdatel'skii Dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta.

Linchenko, A. A. (2020). Travmy kul'turnoi pamyati v migratsionnom i postmigratsionnom obshchestve [Traumas of cultural memory in migration and post-migration society]. *Chelovek i kul'tura*. 2020, 1, 1–16. DOI: 10.25136/2409-8744.2020.1.31889

Linchenko, A. A. (2023). *Na puti k novomu proshlomu? Kul'turnaya pamyat' Rossii v situatsii global'nykh migratsionnykh vyzovov: monografiya* [On the way to a new past? Cultural memory of Russia in the situation of global migration challenges: monograph] / A. A. Linchenko, O. V. Golovashina, D. A. Anikin, A. V. Ovchinnikov, A. Buller, V. S. Blaginina, R. Yu. Batishchev. SPb: Izd-vo «Aleteiya».

Linchenko, A. A., Blaginina, V. S. (2022) Transformatsiya semeinoi pamyati migrantov v svete mezhpokolencheskoi dinamiki: na primere Lipetskoj oblasti [Transformation of migrants' family memory in the light of intergenerational dynamics: on the example of the Lipetsk region]. *Sotsiodinamika*, 12, 11–31. DOI: 10.25136/2409-7144.2022.12.39310

Ovchinnikov, A. V. (2020). Simvolicheskii predel frontira: «genofond lyudei» i migratsiya, proshloe i nastoyashchee [The symbolic frontier limit: the "human gene pool" and migration, past and present]. *Zhurnal frontirnikh issledovaniy*, 2 (5), 60–76. <https://doi.org/10.46539/jfs.v5i2.203>

Ovchinnikov, A. V. (2021). "Velikii neznakomets" i urbanizatsionnyi frontir (k probleme sotsial'no-psikhologicheskikh osnovanii istoricheskoi "travmy 1552 goda") ["The Great Stranger" and the urban Frontier (on the problem of the socio-psychological foundations of the historical "trauma of 1552")]. *Vlast'*, 29, 1, 291–299.

Ovchinnikov, A. V. (2022a) "Indoevropeskii soblazn ierarkhii": eticheskii status immigrantov v predstavleniyakh o strukture rossijskogo obshchestva ["The Indo-European temptation of hierarchy": the ethical status of immigrants in the ideas about the structure of Russian society]. *KhV mezhdunarodnaya konferentsiya "Teoreticheskaya i prikladnaya etika: Traditsii i perspektivy-2022. K 100-letiyu "Filosofskogo parokhoda". Materialy konferentsii. Sankt-Peterburgskii Gosudarstvennyi Universitet, 17–19 noyabrya 2022 g. / otv. red. V. Yu. Perov. SPb.: OOO "Sborka", 71–72.*

Ovchinnikov, A. V. (2022b). "Istoriya starshikh": istoricheskaya politika Doma Druzhyby narodov g. Kazani ["The History of the elders": the historical policy of the House of Friendship of Peoples of Kazan]. *Tempus et Memoria*, 3, 2, 37–46. DOI: 10.15826/tetm.2022.2.036

Ovchinnikov, A. V. (2023a). V ierarkhii "matreshki identichnosti": "shakhmatnaya doska" otechestvennoi istoricheskoi pamyati (kraevedenie i immigranty) [In the hierarchy of "matryoshka identities": the "chessboard" of national historical memory (local history and immigrants)]. *Novoe proshloe / The New Past*, 2, 192–201. DOI: 10.18522/2500-3224-2023-2-192-201

Ovchinnikov, A. V. (2023b). Etnonatsional'nye istorii: sotsial'no-politicheskie osnovaniya i ekonomika konstruirovaniya (po materialam Respubliki Tatarstan) [Ethnonational stories: socio-political foundations and Economics of Construction (based on the materials of the Republic of Tatarstan)]. *Tempus et Memoria*, 4, 1, 46–60. DOI: 10.15826/tetm.2023.1.044

Ovchinnikov, A. V., Golovashina, O. V., Blaginina, V. S. (2020) Kul'turnaya pamyat' rossiyan v situatsii migratsionnykh vyzovov [Cultural memory of Russians in the situation of migration challenges]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 55, 196–202. DOI: 10.17223/1998863X/55/20

Ofitsial'nyi sait Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii [Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/deyatelnost/statistics/migracionnaya/2/> (accessed: 01.10.2023).

Ofitsial'nyi sait Territorial'nogo organa Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po Respublike Tatarstan [Official website of the Federal State Statistics Service]. URL: <https://16.rosstat.gov.ru/naselenie> (accessed: 01.10.2023).

Ofitsial'nyi sait Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki [Official website of the Federal State Statistics Service]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (accessed: 01.10.2023).

Sovremennyi rasizm: ideologiya i praktika [Modern racism: ideology and practice]: Sbornik nauchnykh statei (2022) / pod redaktsiei V. A. Shnirel'mana. M.: Dashkov i K°.

Fomashin, V. S. (2020) Daroobmen kak osnova sotsial'nogo vzaimodeistviya [Gift exchange as the basis of social interaction]. *Gumanitarnyi vestnik*, 2020, 3, 1-9. DOI: 10.18698/2306-8477-2020-3-667

Сведения об авторе

Овчинников Александр Викторович — кандидат исторических наук, доцент кафедры менеджмента Казанского государственного энергетического университета, Казань; научный сотрудник Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Ибрагимова Алиса Ахтямовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента Казанского государственного энергетического университета, Казань, Россия; старший научный сотрудник Центра исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия

*Статья поступила в редакцию 07.11.2023;
одобрена после рецензирования 15.03.2024;
принята к публикации 01.04.2024*

Information about the author

Alexander V. Ovchinnikov, Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Management of Kazan State Power Engineering University, Kazan; Researcher at the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Alisa A. Ibragimova, Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor of the Department of Management of Kazan State Power Engineering University, Kazan; Senior Researcher of Tatarstan Academy of Sciences of Center for Islamic Studies, Kazan, Russia.

*The article was submitted 07.11.2023;
approved after reviewing 15.03.2024;
accepted for publication 01.04.2024*

Научное издание

TEMPUS ET MEMORIA

2024. Т. 5. № 1

Редактор и корректор
Компьютерная верстка

Т. А. Федорова
Л. А. Хухаревой

Свидетельство о регистрации Эл № ФС77-79281 от 02 октября 2020 г.
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

Дата выхода в свет 18.06.2024. Формат 64 × 84 1/8.
Гарнитура Charter. Уч.-изд. л. 9,18. Объем данных 1,8 Мб.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4.

Тел.: +7 (343) 350-56-64, 358-93-22

Факс +7 (343) 358-93-06

E-mail: press-urfu@mail.ru

<http://print.urfu.ru>

Данное электронное сетевое издание размещено в электронном архиве УрФУ:
<http://elar.urfu.ru>